

Министерство образования и науки РФ
ГОУ ВПО "Восточно-Сибирская академия образования»

Педагогический институт
Кафедра психологии и педагогики дошкольного образования

Путешествие по Байкалу

Иркутск 2011

УДК
ББК

Рецензент: **Смольникова Н.Г.**, профессор кафедры психологии и педагогики дошкольного образования педагогического института Восточно-Сибирской академии образования.

Составители: Галкина И.А., доцент кафедры психологии и педагогики дошкольного образования педагогического института Восточно-Сибирской академии образования, Галеева Е.В., старший преподаватель кафедры психологии и педагогики дошкольного образования педагогического института Восточно-Сибирской академии образования.

Путешествие по Байкалу: Учебно-методическое пособие – Иркутск: ГОУ ВПО «ВСГАО», 2011. – 222 с.

В учебно-методическом пособии представлены методические материалы к образовательной области «Чтение художественной литературы». Предлагаются произведения разных литературных жанров писателей Приангарья для детей дошкольного возраста. Произведения являются методическим сопровождением региональной модели вариативной части основной общеобразовательной программы дошкольного образования «Байкал – жемчужина Сибири». Тексты художественных произведений подобраны для сопровождения тематических блоков: «Уникальность озера», «Байкальская вода», «Ветры Байкала», «Животный мир вокруг Байкала», «Растительный мир», «Серебристое богатство (рыба)», «Природная лаборатория (невидимые санитары озера)», «Птицы», «Ластоногий символ Байкала», «Быт, традиции, культура народов Прибайкалья».

Также предлагаются сценарии театрализованных литературных праздников, викторины, конкурсы знатоков Прибайкалья.

Учебно-методическое пособие предназначено для воспитателей дошкольных учреждений, также будет полезно родителям для домашнего чтения.

УДК

ББК

© ГОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная

академия образования», 2011

Оглавление

От составителей	10
Уникальность озера	
Рассказы, сказки, проза	
Сороковиков - Магай Е.И. Откуда взялось название Байкал	13
Сокольников Я.М. Ушканьи острова	14
Распутин В. О Байкале	15
Стародумов В. Волшебные сны подлеморья. Богатырь Байкал сказка	17
Сергеев М. Времена года на Байкале	18
Гурулёв С. Засыпающий Байкал	25
Стихи и песни о Байкале	
Жемчужников, В. Б. Гимн Байкалу: стихи	27
Молчанов - Сибирский, И. И. Наше озеро Байкал	28
Румянцев А. Байкал	28
Сергеев М. А что это такое?	28
Цыден-жан Жимбиев (<i>перевод Г. Граубина</i>) Байкал	29
Твардовский А.	29
Вакар М. О, чудный Байкал...	29
Скиф В. Уже зима...	29
Ольхон А. Песня	30
Архижин В. Байкал	30
Самойлова И. Земли творенье	30
Чабането А. Байкал	30
Сергеенко П. Из космоса	31
Микина К. Ребята и утята	31
Павлова М. Краше всех	31
Куприн А. Откуда он возник	31
Куприн А. Частушки	32
Автор неизвестен. “Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири”	32
Шип А. Но в час, когда Байкал прорвет	32
Оборин А. Спит Байкал	32
Вяткин Г. Гудит Байкал	33
Кассеньев П. Бережь Байкал	33
Ковязин Н. Край чудесный, край сибирский	33
Зимин Ж. (пер. с бурятского М. Сергеева) Чаша Байкала	34
Загадки	
Озеро Байкал	34
Ольхон	34
Байкальская вода (дочери Байкала)	
Рассказы, сказки, проза	
Зимина Л. Байкал и его дочка	35
Нестерова С. Байкальская сказка	36
Стародумов В. Ангарские бусы	37
Долбунова Т. Байкальская сказка	41

Байкал, Ангара и Енисей	42
Шелковников Г.М. , Шаман – камень	43
Шелковников Г.М. Как появилась Ангара	44
Стихи о притоках Байкала	
Горбунов А. Речка Куда	45
Кривошеин М. Вдруг утес – гора упорная...	45
Вяткин Г. В ненастный день	45
Вяткин Г. Немало чудных рек...	46
Вяткин Г. Ангара	46
Сергеев М. Исток	46
Ветры Байкала	
Рассказы, сказки, проза	
Стародумов, В. П. Омудевая бочка: сказка	47
Тайга (автор неизвестен)	53
Татарникова О. Ветры Байкала	57
Легенда об омудевой бочке	59
Сказание о Байкальской Розе	60
Ветры на Байкале	61
Бородин Л.И. Год чуда и печали (отрывок)	63
Стихи о Байкальских ветрах	
Тахтабаев Г. Долина ветров	64
 Загадки (<i>Сарма; Баргузин, Шелонник, Куптук, Верховик</i>)	65
 Животный мир вокруг Байкала	
 Рассказы, сказки, проза	
Устинов С.К. Пятнистая шубка	65
Устинов С.К. Медведь близко	66
Устинов С.К. Подальше от речки	66
Устинов С.К. Почти самостоятельная жизнь	67
Устинов С.К. Пришла осень	67
Устинов С.К. Рысь	67
Устинов С.К. Много снега:	68
Бунтовская С. Цветок лета	68
Устинов С.К. Последняя встреча	72

Устинов С.К. Заячье зеркало	73
Устинов С.К. Кочка	74
Ольхон А.С. Еврашка	75
Ольхон А.С. Младший брат тигра:	78
Устинов С.К. Ласка – белая лента	79
Бунтовская С. Как медведь лягушек прогонял	81
Волкова С.Л. Приключения зеленой команды	84
Устинов С.К. Сказки и были о лесных жителях	86
Байбородин А.Г. Косопят-борода до пят	87
Стародумов В. Жалобная книга	90
Стародумов В. Лиса и выдра	90
Стародумов В. Слепой сохатый	92
Стихи о животных	
Трофимов М.Е. На уроки	95
Трофимов М.Е. Лесная азбука (олень, брундук)	95
Киселев В.В. Не в зверинце, а в тайге (брундук, соболь)	96
Трофимов М.Е. Свиристели (колонок, барсучата, белки)	97
Трофимов М. Е. Небылицы, небывальщины	99
Сергеев М.Д. Книга веселого дятла (лось, олень – драчун, неслухи)	99

Растительный мир

(цветы, травы, деревья, ягоды)

Рассказы, сказки, проза

Стародумов В. Хвойная невеста	100
Стародумов В. Бедовый орешек	103
Стародумов В. Как Таню цветы выручили	105
Стародумов В. Подснежник и багульник	108

Стародумов В. Перескок трава	10
Стихи о растительном мире Байкала	
Трофимов М.Е. Иван – чай, ромашки, голубица	111
Вершинина Т.А. Жарки	112
Трофимов М.Е. Шишка	112
Горбунов А. Ключики - замочки (одуванчики, лисички)	113
Молчанов-Сибирский И.И. Таежная тропинка	114
Птицы Байкала	
Рассказы, сказки. Проза	
Устинов С.К. Филин	114
Кедровка (тофаларская сказка)	115
Горбунов А. Снегири	115
Кто дал птицам песни (эвенкийская сказка)	117
Кукушка (эвенкийская сказка)	117
Сорока и ее птенцы (бурятская сказка)	119
Стихи	
Трофимов М. Е. Глухари, Кедровка, Снегопад	120
Серебристое богатство (рыба)	
Сказки, рассказы, проза	
Сергеев М. Стеклоплав	121
Стародумов В. Старый осетр и настырный омелька	122
Стародумов В. Ловцы и лодка	124
Стихи	
Сергеев М. Омуль	128
Трофимов М.Е. У Байкала	129
Сергеев М. Голомянка	129
Загадки	
Долбуновой Т.Г. (голомянка, гольян, ручейник, бокоплав, эпишура, омуль, хариус, хариус черный - масовик)	129
Ластоногий символ озера	
Сказки, рассказы, проза	
Агеева, С. Н. Нерпёнок	132
Скрягина Л. Сказка о нерпах	133
Бунтовская С. Для чего нерпе когти	136

Бунтовская С. Нерпенюк	139
Сказка про Нерпу - сказка народная	141
Зарубина М. Рассказ нерпы	141
Стародумов В.И. Кот ученый и нерпа	142

Стихи о нерпе

<i>Трофимов М. Нерпёнок</i>	143
Сергеев М.Д. Разноцветные сказки	143
Евтушенко Е. Баллада о нерпах	149
Загадки (Нерпа)	150
Быт, традиции народов Прибайкалья	
Сказки, рассказы	
Стародумов В. Аленушкина кукла	150
Стародумов В.. Агафьино счастье	154
Стародумов В. Невпопад	158
Стародумов В. Хитрый козел	158
Стародумов В. Как баран дело себе нашел	160
Стародумов В. О Чем плакал зайчонок	161
Стародумов В. Бабушкины камешки	164
Стародумов В. Кость раздора	165
Стародумов В. Аяйка	167
Стародумов В. Нил - скипидарчик	169
Стародумов В. Дед Тяпа и веники банные	171
Бурятские сказки	
У страха глаза велики	173
У старости - мудрость	174
Кот, козел и баран	178
Волк -простафиля	180
Два барана и лиса	182
Как перевились в Сибири львы	182
Как собака нашла себе хозяина - друга	183
Конь и изюбр	185
Красный бык	186
Медведь	189
Наказанная жадность	190
Отчего волки воют	192
Снег и заяц	193
Счастье и горе	193
Умный Бадма и глупый Лама	195
Хвастливая собачонка	197
Хитрый кот	198
Эвенкийские сказки	
Асаткан	198

Как богатырь богатого старика победил	199
Как олень эвенку достался	201
Тофаларские сказки	
Вечные люди и живая вода	201
Почему обиделись косуля и изюбрь	202
Сценарии, викторины, праздники, конкурсы	
Викторины (сост. С. Бунтовской)	203
Сценарий путешествия по природе родного края для детей 5-7 лет. Наш родной сибирский лес полон сказок и чудес	209
Сценарий литературного театрализованного праздника для детей 5-7 лет	213
Конкурс знатоков байкальских сказок. Для детей 5-7 лет	219

От составителей

Согласно структуры основной общеобразовательной программы дошкольного образования с учетом новых Федеральных государственных требований, одним из направлений образовательной деятельности является воспитание у детей интереса к книге как источнику знаний, формирование системы деятельности, содержание которой определяется чтением. Важную роль в формировании маленького читателя играет отбор книг.

Проблема отбора книг для детского чтения - одна из самых важных и сложных проблем литературоведения, психологии и педагогики. Значимость продуманного отбора книг для детского чтения определяется тем, что он неизбежно влияет на литературное развитие ребенка, на формирование его литературного опыта на важном этапе дошкольного детства, на воспитание отношения к книге: интереса и любви или равнодушия. Интерес к книге, возникший в ранние годы, поможет ребенку в дальнейшем, когда он будет осваивать технику самостоятельного чтения, преодолевать все трудности ради того, чтобы испытать радость открытия нового.

С первых дней пребывания ребенка в детском саду он овладевает различными видами деятельности, связанной с книгой: рассматривание иллюстраций, общение со взрослыми о том, что нарисовано на страницах книжек с картинками, слушание, пересказ и чтение книг взрослыми.

Педагогическая поддержка развития деятельности детей, предметом которой являются издания детской литературы, предусматривает организацию ежедневного литературного чтения, индивидуальные и коллективные беседы с детьми о прочитанных книгах. Воспитатели подбирают небольшие экспозиции детских книжек для обобщающих занятий по ознакомлению с окружающим. В целях поддержания интереса к книге, воспитатели организуют индивидуальные диалоги с

детьми о том, что им понравилось, что заинтересовало в прочитанной книжке, что они узнали нового.

Основное содержание книги составляют произведения художественного слова, направленные на формирование регионального компонента основной общеобразовательной программы структуры «Байкал – жемчужина Сибири». В нее вошли художественные произведения писателей приангарья для детского чтения и рассказывания.

В книге представлен большой литературный материал для детей от трех до семи лет. В методических рекомендациях указан возраст детей для каждого произведения.

Произведения писателей Приангарья вводят ребёнка в самое сложное в жизни - в мир человеческих чувств, радостей и страданий, отношений, побуждений, мыслей, поступков, характеров. Ребенок учится вглядываться в разнообразие мира окружающей нас мировой сокровищницы- Байкал, в человека, живущего рядом, в мир животных и растений Прибайкалья, учится видеть и понимать его, воспитывать человечность в самом себе.

Чтение способствует воспитанию любви к природе, развитию сопереживания к ее бедам, желанию бороться за ее сохранение. Воспринимая литературные произведения писателей Приангарья, ребенок-дошкольник начинает осознанно ориентироваться в окружающем предметно-природном мире, вычленять его ценности и понимать уникальность родного края. В этот период закладываются основы взаимодействия с природой, при помощи взрослых, ребенок начинает осознавать ее как общую ценность для всех людей. Важно не дать угаснуть детской любознательности, развить наблюдательность, помочь в познании окружающего мира.

Книга, прочитанная в детстве, оставляет более сильный след, чем книга, прочитанная в более зрелом возрасте. «О, память сердца! Ты сильнее рассудка памяти печальной» (К. Батюшков). Не сопережившие в детстве могут остаться равнодушными к проблемам века – этическим, экологическим, экономическим.

Огромные возможности для формирования личности ребенка таятся в произведениях писателей Приангарья, а также в произведениях фольклора. Каждое из произведений не только расширяет кругозор детей и рождает новые интересы, но и подчиняет своему влиянию их воображение и чувства, заставляет мыслить. Поэтому необходимо в полную силу использовать могучее воздействие книги в воспитании и развитии ребенка.

Литературой, приобщающей ребёнка к духовной жизни края Прибайкалья, прежде всего являются произведения во всём их жанровом многообразии: литературные сказки, повести, рассказы. Стихи, загадки, сказки народов Прибайкалья и др. приспособлены к детским потребностям. Они несут в себе большой потенциал народной культуры, делают ребёнка обладателем общечеловеческих духовных ценностей. Исподволь, незаметно они вводят малыша в стихию народного слова, раскрывают его богатство и красоту.

Ребёнку нужно открыть богатство жанров литературы. Это позволит, с одной стороны, формировать у дошкольника широту читательских интересов, а с другой - избирательность, индивидуальность литературных пристрастий.

Представленный литературный материал, призван в конкретных образах раскрывать перед ребёнком идеалы справедливости, добра, честности, мужества, сострадания; формировать правильное отношение к людям, к самому себе, к своим правам и обязанностям, поступкам, к труду, к природе и др. Но это могучее воздействие книги на воспитание ребенка надо использовать осторожно и умело родителям и воспитателям.

Надо умело подбирать произведения для чтения детям. Не надо читать все подряд. Воспитатель может отбирать произведения (или отрывки), исходя из опыта и накопленных представлений детей своей группы, а своим содержанием и формой наилучшим образом отвечающим задачам воспитания и развития ребёнка. Книга богата познавательным материалом: тут и природа, и жизнь животных, и мир человека родного края. Очень важны беседы по прочитанному. Чем понравилась книга? Кто из героев больше всего запомнился? Хотел бы ты походить на героя, если да (нет) почему? Почему необходимо беречь и охранять озеро Байкал? Очень важно чтобы ребенок давал самостоятельную оценку своему герою. В своей беседе с детьми взрослые должны стараться подвести детей к основной мысли, идее произведения.

Можно попросить выполнить зарисовку. Дошкольники с большим интересом выполняют эти задания. Такие задания будят мысль детей, влияют на личность самого ребенка, на его поведение. Учебно-методическое пособие включает в себя основные разделы региональной программы «Байкал – жемчужина Сибири» для чтения и рассказывания детям, а также содержит дополнительный материал для воспитателей.

Основные разделы:

Уникальность озера

Стихи и песни о Байкале

Байкальская вода

Ветры Байкала

Флора и фауна Прибайкалья

Невидимые санитары озера

Серебристое богатство (рыба)

Ластоногий символ озера

Быт, традиции народов Прибайкалья

В учебно-методическое пособие для детей дошкольного возраста вошли лучшие произведения бурятского, эвенкийского, тофаларского фольклора, стихи, сказки, повести и рассказы известных писателей Приангарья: М.Д. Сергеева, В. Распутина, Е. Евтушенко, И.И. Молчанова-Сибирского, В. Стародумова, Т. Долбуновой, С. Гурулёва, В. Скифа, Г. Вяткина, Г. Тахтабаева, С.К. Устинова, А.С. Ольхона, С.Л. Волковой, Т.А. Вершининой, А. Горбунова, М.Е Трофимова, Киселева В.В. и др.

Также, книга содержит ссылки на интернет-ресурсы и журнал «Сибирячок».

Круг чтения дошкольника о родном крае, однако, не ограничивается данным учебно –методическим пособием. Он значительно шире и включает в себя огромное книжное богатство.

Уникальность озера
Сказки, рассказы, проза
Откуда взялось название «Байкал».
Записано от Е.И.Сороковикова - Магая

Русские давно слыхали, что где-то посреди Сибири есть огромное озеро. Но как оно называется, никто про то не знал. Когда русские купцы, а потом казаки за Урал перевалили и стали к большим рекам Оби и Енисею подходить, они узнали, что вокруг озера, которое денно и ночью кипит, люди живут. Узнали те русские, что то озеро богато рыбой, а по берегам разные звери ходят, да такие дорогие, которых в свете больше нигде нету. Стали казаки и купцы торопиться к тому морю-озеру, шли, не спали, коней не кормили, не знали, когда день кончается и когда ночь начинается. Каждому охота было первому к озеру попасть и посмотреть, какое оно есть и почему оно кипит без отдыха.

Шли те купцы и казаки к морю долго, несколько лет, много их дорогой поумерло, но живые все-таки дошли и увидели перед собой Шаманский камень. Он им дорогу перегородил, свет закрыл. Ни вправо, ни влево от него отвернуть нельзя, кругом такие горы, что закинешь голову шапка слетает, а верхушки не видно. Покрутились казаки с купцами около Шамана-камня и подумали, что не пробраться им к морю, а сами слышат, как оно шумит, вздымается и о скалы бьется.

Загоревали купцы, опечалились казаки, видать, вся их длинная дорога пропала ни за понюшку табаку. Отъехали они назад, шатер разбили и стали тяжкую думу думать, как же им Шаман-камень перевалить или горы объехать. Горы им не объехать - море проглотит. Так остановились казаки с купцами и стали жить недалеко от моря-озера, а на берег никак не попадут.

Долго им тут пришлось жить, может быть, и кости там их сгнили бы, но тут на их счастье подошел к ним неведомый человек и назвался бурятом. Русские начали его просить, чтобы он их провел на берег, обвел кругом моря и показал им дорогу на землю, где они еще не были. Ничего бурят им не сказал, он сложил свои ладони в трубочку, потом поднес их к лицу и пошел в лес. Русские не стали его задерживать, отпустили с богом. Снова опечалились купцы и казаки, как же дальше быть, не миновать, видно, смерти им. Так жили они долго ли, мало ли, никто ни дни, ни месяцы не считал. Отощали и осунулись купцы с казаками, хуже прежнего горе их обуяло. Хотели они уже с последними силами собраться и назад идти, но тут снова пришел тот бурят и сына своего привел, сказал:

"Не обойти мне с вами Байгала - стар я стал, не обогнуть мне Камень-шаман - года давно ушли, берите сына, у него глаза светлые, а ноги оленьи".

Ушел старик в тайгу, а сын повел русских новой дорогой, вывел их на берег моря и сказал: "Байгал".

Русские спросили его, что это такое, он им ответил:

"По-нашему значит огненное место, здесь раньше сплошной огонь был, потом земля провалилась и стало море. С тех пор мы зовем наше море Байгалом".

Русским это название понравилось, и они тоже стали называть это море Байкалом.

Ушканьи острова
Записано от промыслового сибирского охотника
Якова Мироновича Сокольниковца

Кто может знать, когда это было? Да никто, пожалуй, не помнит. Много годов с той поры утекло, на равнинах за это время горы выросли, на низинах глубокие озера разлились, на камнях лес вырос. Стоял в ту пору Байкал спокойно, так тихо, что вода не шелохнется, как зеркало, от берега и до берега гладь блестела. Иногда только утром рано, на зорьке, рыба плескалась. Но Байкал на то не сердится, любит он разную живность и, как отец, дает ей пищу.

Долго ли в тиши и неге жил Байкал, о том только он один знает. И вот нежданно-негаданно навалилась на Байкал страшная буря. Такой бури еще Байкал не видывал. Покрылась вода Байкала страшными пузырями, стал, кажется, он выше прежнего и норовит разлиться по прибрежным падам и низинам. Осердился старик Байкал на бурю и сказал:

"Не зли меня, не одолеть тебе старика, не разогнать тебе по сторонам мою светлую водицу, не осушить тебе мой дом родной".

А буря и слушать старика не хотела. Знай, гуляет себе и гуляет по гребням волн, которые поднялись уже с высоты скал.

"Не справиться тебе, старик, с моей силой", - говорит буря, - "я моря и океаны вздымаю, тайгу валю, вековечный лес корчую, скалы рушу, а тебя расплескаю, как лужу, осушу, как каплю".

После таких дерзких слов Байкал пришел в ярость. Зло силы придает. Расправил свои могучие плечи Байкал, вспомнил он про своих сыновей и дочерей, набрал силу в свою богатырскую грудь и давай бороться с бурей. Скалу за скалой начал воздвигать вокруг себя, за скалами стали горы подниматься. Видит буря, что со стариком шутки плохи, и так просто его не одолеть, призвала она себе на подмогу ветры Култук и Баргузин. Силы у бури сразу прибавилось. Тогда Байкал на хитрость пошел и начал путь буре преграждать подальше от берега. Со дна, стали подниматься скалы, их столько поверх воды поднялось, что солнце заслонять они начали. Ударится со всей силой буря о скалы и назад откатывается, на берег уже она слабая приходит.

Вот так и появились в Байкале скалы назло бурям, на радость берегам, которые они охраняют. Ну, а раз скалы появились, то потом их позаносило песком и илом. Из года в год скалы обрастали и так разрослись, что превратились в острова. Вот такой один остров и прозвался Ушканьим. Почему его так назвали? Про это я вам сейчас расскажу. Остров этот удался больше других, на нем скоро появился лес: сосняк, березняк, лиственничка, осинник, а кустарнику и названия нету. Ягод тут родится столько, что хватит на всю байкальскую воду кисель ягодный сварить. А еще богат остров багульником и цветами. Под осень на острове от аромата дыхание захватывает.

На острове свой климат, своя погода стоит, и нигде такой вокруг Байкала нету. Когда кругом осень, везде все вянет и замерзает, на острове все цветет, куда только глаз хватает, везде зелено: ягоды созревают, багульник второй раз цветет, распускается. Узрели о таком острове ушканы - значит, по-сибирски, зайцы - и повалили они гуртом на остров. На что уж ушканы трусишки и то, когда надо, так

вплавь пускаются и на остров попадают. Столько там ушканов расплодилось, что некуда было ступить.

Но ведь и человек не дремлет, он тоже хитер. Разузнал, что на острове природа богатая, и пробрался на него. Люди диву давались, как много ушканов здесь живет. Так и прозвали остров Ушканьим. Потом ушканы развелись и на маленьких островках, что рядом с Большим стоят. Теперь и эти маленькие острова тоже Ушканьими называют.

Много лет тому назад наши деды и прадеды хотели обжить эти Ушканьи острова, но не подошли они для бытия: зима с летом тут не в ту пору подходят, как вокруг Байкала. Хотели мужики хозяйство развести, да мочи не хватило, да и нужды в том не было.

Ушканьи острова народ испокон веков бережет, и живность там сохраняется самими охотниками. Рассказывали старики, как давным-давно несколько воров наповадились на остров ушканов изводить. Охотники промеж собой условились старика нанять, чтобы он на острове все живое хранил. Больше ста лет жил старик на острове, воров всех поизвел, детям своим, внукам и правнукам наказал: "Как лисица около своей норы не охотится, так и вы берегите вокруг себя все живое. Без природы человек голый, а голышом долго не проживешь".

О Байкале **Валентин Распутин**

"Святое море", "святое озеро", "святая вода" - так называли Байкал с незапамятных времен и коренные жители, и русские, пришедшие на его берега уже в XVII веке, и путешествующие иноземцы, преклоняясь перед его величественной неземной красотой.

Не станем уверять, что прекраснее Байкала нет ничего на свете: каждому из нас любя и мила своя сторона, и для эскимоса и алеута, как известно, его тундра и ледяная пустыня есть венец природного совершенства. Мы с рождения впитываем в себя картины своей родины, они влияют на наш характер и в немалой степени определяют нашу человеческую суть. Поэтому недостаточно сказать, что они дороги нам, мы - часть их. Бессмысленно сравнивать, отдавая чему-либо предпочтение, льды Гренландии с песками Сахары, сибирскую тайгу со среднерусской степью, даже Каспий с Байкалом, можно лишь передать о них свои впечатления.

И все-таки у Природы есть свои любимцы, которые она при создании отделяет с особым тщанием и наделяет особенной властью. Таков, вне всякого сомнения, и Байкал.

Не будем сейчас говорить о его богатствах, это отдельный разговор. Но славен и свят Байкал другим - своей чудесной животворной силой, духом не былого, не прошедшего, как многое ныне, а настоящего, не подвластного времени и преобразованиям, исконного величия и заповедного могущества.

Вспоминаю, как с товарищем моим, приехавшим в гости, мы далеко ушли по берегу нашего моря по старой Кругобайкальской дороге. Был август, лучшее, благодатное время на Байкале, когда нагревается вода и бушуют разноцветьем сопки, когда солнце до блеска высвечивает вновь выпавший снег на дальних гольцах в Саянах, когда уже и впрок запаса Байкал водой из тающих ледников и

лежит сыто, часто спокойно, набираясь сил для осенних штормов; когда щедро играет подле берега под крики чаек рыба и когда на каждом шагу по дороге встречаются то малина, то смородина, красная и черная, то жимолость... А тут еще и день выдался редкостный: солнце, безветрие, тепло, воздух звенит, Байкал чист и застывшие-тих, далеко в воде взблескивают и переливаются красками камни, на дорогу то пахнет нагретым и горячим от поспевающего разнотравья воздухом с горы, то донесет прохладное и резкое дыхание моря.

Товарищ мой уже часа через два был подавлен обрушившейся на него со всех сторон дикой и буйной, творящей пиршественное летнее торжество красотой, дотолпе им не только не виданной, но даже и не представляемой.

Все, что отпущено человеку для впечатлений, в товарище моем было очень скоро переполнено, и он, не в состоянии уже больше удивляться и восхищаться, замолчал. Я рассказывал, как впервые попав в студенческие годы на Байкал, был обманут прозрачностью воды и пытался рукой достать с лодки камешек, до которого затем при замере оказалось больше четырех метров. Товарищ принял этот случай безучастно. Несколько уязвленный, сообщил, что в Байкале удастся видеть и за сорок метров - и, кажется, прибавил, но он и этого не заметил. Только тогда догадался, что с ним: скажи ему, что мы в Байкале за двести-триста метров в глубину на двухкопеечной монете читаем год чеканки, - больше, чем удивлен, он уже не удивится.

Помню, его доконала в тот день нерпа. Она редко подплывает близко к берегу, а тут, как по заказу, нежилась на воде совсем недалеко, и, когда, заметив, показал на нее, у товарища вырвался громкий и дикий вскрик, и он вдруг принялся подсвистывать и подманивать словно собачонку, нерпу руками. Она, разумеется, тотчас ушла под воду, а товарищ мой в последнем изумлении от нерпы и от себя опять умолк, и на этот раз надолго. Я даю это ничего не значащее само по себе воспоминание для того лишь, чтобы иметь возможность процитировать несколько слов из большого и восторженного письма моего товарища, которое он написал мне после своего возвращения с Байкала, "Силы прибавилось - это ладно, это бывало, - писал он. - Но теперь духом поднялся, который оттуда, с Байкала. Я теперь чувствую, что могу немало сделать, и, кажется, различаю, что нужно сделать, и что не нужно. Как хорошо, что у нас есть Байкал! Я поднимаюсь утром и, поклоняясь в вашу сторону, где батюшка-Байкал, начинаю горы ворочить..."

Я понимаю его.

А ведь он, товарищ мой, видел только маленький краешек Байкала и видел его в чудесный летний день, когда все вокруг благодарствует покою и солнцу. Он не знает, как в такой же точно день, когда светит солнце и недвижим почти воздух, Байкал может бушевать, казалось бы, ни с чего, словно взбученный изнутри. Смотришь и не веришь своим глазам: тишь, безветрие и грохот воды - это за многие и многие километры дошел сюда из района шторма вал.

Он, товарищ мой, не попадал ни в сарму, ни под култук, ни под баргузин - ветры, которые мгновенно, с сумашедшей силой налетают из речных долин и способны натворить на Байкале немалые беды, поднимая порой волну до четырех и шести метров.

Он не видел северного Байкала во всей его суровой и первозданной красоте, среди которой теряешь и ощущение времени, и меру дел человеческих, - так щедро

и царственно властвует здесь над чистой водой древности сияющая вечность.

Он не бывал в бухте Песчаной, где солнечных дней в году гораздо больше, чем на прославленных южных курортах, и не купался в Чивыркуйском заливе, где вода летом нагревается ничуть не меньше, чем в Черном море.

Он не знает зимнего Байкала, когда под вычищенным ветрами прозрачным льдом, как под увеличительным стеклом, живет и шевелится вода; и не слышал он, с каким гулом и треском разрывает Байкал, пошевеливаясь весной, этот лед широкими бездонными трещинами, а затем снова соединяет его, возведя великолепные громады голубых торосов.

Он не попадал в волшебную сказку: то мчится навстречу тебе с распущенным белоснежным полотнищем парусник; то повиснет в воздухе средневековый красавец-замок; то плывут с гордо поднятыми головами лебеди... Это миражи на Байкале - обычное здесь явление, с которым связано немало прекрасных легенд и поверий.

И мы, живущие подле Байкала, не можем похвалиться, что знаем его хорошо, потому что узнать и понять его до конца невозможно - на то он и Байкал.

И все-таки, побывав очень недолго и увидев ничтожно мало, можно если не понять, то почувствовать Байкал. Чувство в таких случаях зависит от нас, от нашей способности и неспособности принять в себя духовное зерно.

А дух Байкала - это нечто особенное, существующее, заставляющее верить в старые легенды и с мистической опаской задумываться, насколько волен человек в иных местах делать все, что ему заблагорассудится.

Байкал, казалось бы, должен подавлять человека своим величием и размерами - в нем все крупно, все широко, привольно и загадочно - он же, напротив, возвышает его. Редкое чувство приподнятости и одухотворенности испытываешь на Байкале - словно и тебя коснулась тайная печать вечности и совершенства, словно и тебя обдало близкими дыханием все сильного присутствия, и в тебя вошла доля магического секрета всего сущего. Ты уже тем, кажется, отмечен и выделен, что стоишь на этом берегу, дышишь этим воздухом и пьешь эту воду. Нигде у тебя не будет больше желанной слитности с природой - и проникновения в нее.

Вернувшись однажды с прогулки, Л.Н. Толстой записал:

"Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в человеке чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой - этим непосредственным выражением красоты и добра".

Природа сама по себе всегда нравственна, безнравственной ее может сделать лишь человек. И как знать, не она, не природа ли, и удерживает в немалой степени нас в тех более или менее разумных рамках, которыми определяется наше моральное состояние, не ею ли и крепится наше благоразумие и благодеяние?! Это она, с мольбой, надеждой и предостережением денно и ночью глядит в наши глаза. И разве все мы не слышим этот зов? Когда-то эвенк на берегу Байкала, перед тем как срубить для надобности березку, долго каялся и просил прощения у березки за то, что вынужден ее погубить. Теперь мы стали иными. И все-таки не оттого ли в состоянии мы удержать занесенную уже не над березкой, как двести или триста лет назад, а над самым батюшкой-Байкалом равнодушную руку, что возвращаем ему сторицей вложенное в нас природой. За добро добром, за милость милостью - по

извечному кругу нравственного бытия...

Байкал создан, как венец и тайна природы, не для производственных потребностей, а для того, чтобы мы могли пить из него воду, главное и бесценное его богатство, любоваться его державной красотой и дышать его заповедным воздухом.

Это, прежде всего, необходимо нам.

Трудно удержаться, чтобы не повторить: как хорошо, что у нас есть Байкал! Могучий, богатый, величественный, красивый многими и многими красотами, царственный и не открытый, не покоренный - как хорошо, что он у нас есть.

ВОЛШЕБНЫЕ СНЫ ПОДЛЕМОРЬЯ БОГАТЫРЬ БАЙКАЛ

В. Стародумов по мотивам бурятского фольклора

В старые времена могучий Байкал был веселым и добрым. Крепко любил он свою единственную дочь Ангару.

Красивее ее не было на земле.

Днем она светла — светлее неба, ночью темна — темнее тучи. И кто бы ни ехал мимо Ангары, все любовались ею, все славили ее. Даже перелетные птицы: гуси, лебеди, журавли — спускались низко, но на воду Ангары садились редко. Они говорили:

— Разве можно светлое чернить?

Старик Байкал берег дочь пуще своего сердца

Однажды, когда Байкал заснул, бросилась Ангара бежать к юноше Енисею.

Проснулся отец, гневно всплеснул волнами. Поднялась свирепая буря, зарыдали горы, попадали леса, почернело от горя небо, звери в страхе разбежались по всей земле, рыбы нырнули на самое дно, птицы унеслись к солнцу. Только ветер выл да бесновалось море-богатырь.

Могучий Байкал ударил по седой горе, отломил от нее скалу и бросил вслед убегающей дочери.

Скала упала на самое горло красавице. Взмолилась синеглазая Ангара, задыхаясь и рыдая, стала просить:

— Отец, я умираю от жажды, прости меня и дай мне хоть одну капельку воды...

Байкал гневно крикнул:

— Я могу дать только свои слезы!..

Сотни лет течет Ангара в Енисей водой-слезой, а седой одинокий Байкал стал хмурым и страшным. Скалу, которую бросил Байкал вслед дочери, называли люди Шаманским камнем. Там приносились Байкалу богатые жертвы. Люди говорили: «Байкал разгневается, сорвет Шаманский камень, вода хлынет и зальет всю землю».

Только давно это было, теперь люди смелые и Байкала не боятся...

ВРЕМЕНА ГОДА НА БАЙКАЛЕ

Марк Сергеев

Весна

Весна на Байкале не укладывается в определенные человеческим календарем три месяца. Еще спит замороженная стужей тайга, еще не слышно ликующих криков возвращающихся из теплого далека птичьих стай, а ветры уже вымели с ледяных полей весь снег, отполировали до блеска прозрачный байкальский щит, а там, где припрятались сугробы в заветренных уголках, - мороз и солнце испарили их, ибо зимой воздух здесь сух и жаден до влаги. Воспользовавшись этим, дерзкие лучи все более набиравшего силу солнца ринулись сквозь гигантские хрустальные линзы, согрели воду подо льдом, так, что у нее появилось желание пробить студеною толщу. И вода начинает подтачивать лед снизу. С каждым днем он становится все более рыхлым, пористым, пока - к апрелю - не превращается в миллиарды длинных, вертикально стоящих стеклянных игл. Теперь нужно ждать весенних ветров. Они набросятся на белые поля, сломают их, начнут выжимать к берегу. Еще день назад беспомощный и хрупкий, лед неожиданно становится слепой силой, которая с титанической отвагой ломает прибрежные деревья, разрушает полотна дорог, переносит многотонные камни.

Академик-байкаловед Григорий Галазий приводит любопытную статистику: «В 1962 г. В южном Байкале наблюдали ледяные валы от надвигов до 20 - 30 метров. В 1933 г. такие нажимы льда перекрыли железнодорожное полотно около станции Танхой и столкнули с рельсов товарный железнодорожный эшелон вместе с паровозом. Весной 1960 г. на судовой верфи (в поселке Лиственничном - М.С.) ледокол Ангара водоизмещением 1400 тонн был вытеснен льдом на береговую отмель. В этом же году в поселке Лиственничном и в порту Байкал надвигами разрушены причальные сооружения. В бухте Сосновка 13 мая 1960 г. при полном штиле подвижкой льда на берег вытеснились камни весом в S - б тонн».

Спасаясь от этого белого пресса, неумолимого силача-великана, люди придумали делать во льду близ берега длинные щели-прораны, или, как их здесь называют, «майны». Но и это помогает не всегда. Порой приходится вести подлинную войну с нагоном - взрывать движущиеся ледяные стены,

дробя их на безопасные осколки.

Тем временем на берегах весна бросила голубые кольца проталин вокруг черных древних стволов. Сперва уплотнила снег, превратив его в прочный наст, а потом растормошила и сделала опасные белые ловушки

для почуявших весеннее томление зверей: снег кажется крепким, ослепительно белым, а ступишь - и провалишься во всю его глубину,

Но вот первые ручьи пробивают себе путь к Байкалу, сперва робкие, затихающие на ночь и возобновляющие свой бег к полудню, потом уже дерзкие и громкоголосые. С ними перекликаются стаи птиц. Одни ликуют, радуясь возвращению домой, другие тоскуют - у них брачная пора. Вот уже на проталинах зажгли ясно-синие и нежно-желтые огоньки сибирские подснежники, по-местному - сон-трава.

А на южном Байкале разламываются ледяные поля, огромные льдины, дробясь, бьются о более прочные забереги, о скалы, друг о друга, ломаются - шум, треск, гам... Они неторопливо подходят к истоку Ангары, а там их шаловливо подхватывает быстрина и несет вниз, к Иркутску. Окончательно истаивает и превращается в

мириады хрустальных иголок береговой лед. а вдоль берега сверкает радугой бесконечная стая сказочных прозрачных «ежей», словно их привела сюда весенняя брачная пора.

Вот уже от резкого таяния снегов взбухли сотни рек, с гомоном и грохотом летящих в Байкал. Они бросаются с высоких круч сверкающими на солнце водопадами, они взрываются из долин в стылую синеву моря, но если взглянуть с вершины одной из прибрежных гор, то увидишь, как еще долго-долго кристальная озерная чистота не хочет смешиваться с этой расхристанностью и буйством. Реки текут внутри Байкала, а разная температура и разная плотность воды не дают им раствориться.

В самом начале весны родились нерпята. Они появились в снежных домиках на льду, И чтобы малыш был в безопасности, мама награждает его белым, как зима мехом. Но вот вместе с отступающим льдом стадо сибирских тюленей передвигается к северу Байкала, где лед будет сохраняться до середины июня. Бельки - так зовут детенышей - окрепнут, начнут питаться рыбой, мех у них станет поразительно серебристо-серо-зеленоватого цвета. А потом и совсем потемнеет.

Весной над Байкалом нет облаков. Этот феномен известен сибирякам испокон веков. Ученые объясняют его тем, что Байкал в это время не рождает туманов, а стало быть, и облаков, потому что вода холоднее воздуха и мало испаряется. А кочевые небесные странники, занесенные сюда попутным ветром, не могут перевалить через каменную гряду, окружающую сибирское море: они нагреваются, рвутся в клочья, истаивают и рассеиваются. Казалось бы, именно в это время над Байкалом должен быть самый прозрачный воздух, однако нет! Легкая дымка плывет над водой, смягчает резко высвеченные сильным солнцем дали, укрывает романтическим флером береговые скалы и леса.

Вот уже буйнотравье преобразило тайгу, стали ярче бронзовые стволы, нежные побеги выбросили пихты, обзавелись иголками лиственницы. А на севере озера-моря отсиживается ледяная рать, тайно надеясь, что еще не все потеряно

Наконец, берега заливают лиловый огонь - точно ранняя заря опустилась на скалы и травы и не хочет истаивать. Это зацвел багульник - так здесь называют рододендрон. На его ветвях нет листьев - одни ясно-фиолетовые звездочки, кажущиеся горящими даже в пасмурный день. И этим нежным полыханием байкальская весна переливается в лето.

Лето

Летние солнечные дни заливают тайгу, горы и сам Байкал таким ослепительным сиянием, что светило - гранитные валуны, обкатанные вековыми волнами, лежат на береговой гальке, как раскаленные сгустки света. Дерзкая и пронзительная зелень весны сменяется спокойным, благородным свечением тайги, словно оцепеневшей от жары, от обилия солнца, от охватившей мир плотной тишины. Краски загустели, стали контрастными, прозрачность воздуха, словно гигантская линза, сближает расстояние и позволяет рассмотреть среди зеленого моря темные острова пихтача, нежные одеяния лиственничных роц, искрящуюся листву березняка, исчерканную вертикальными белыми штрихами. И когда нежданная туча заслонит вдруг солнце, то сияющие березовые стволы продолжают светиться и как бы люминесцировать, А если туч набегит много и они низко повиснут над водой, то и небо вберет в себя этот всепоглощающий зеленый свет, и покажется вдруг, что и не туча это вовсе, а

клубящиеся живые травы. Тогда волны Байкала становятся зелеными, как волосы русалок.

Идет борьба жары и прохлады, потому что летом на Байкале всегда холоднее на 5 - 6 градусов по сравнению с Прибайкальем.

С конца июня время туманов. Напоенный влагой воздух скатывается с гор в долину Байкала невидимыми глазу водопадами. Здесь влага густеет, и вот уже весь простор то южной, то центральной, то северной котловины, а то и всех вместе, залит густым молоком, и суда, захваченные в нежданный плен, пронзительно гудят, предупреждая друг друга, и голоса их тонут в тумане.

С вершины пика Черского, что стоит в истоке Ангары, можно увидеть и это белесое сияние, затопившее, точнее - запеленавшее весь простор озера-моря, и четкий, высвеченный солнцем окрестный мир с его фантастическими скалами, ледяным сиянием снежных вершин на противоположном берегу Байкала, до которых добрых сорок километров. Какое-то невообразимое сочетание кристальной чистоты и белесого, вязкого, влажного полотна, за которым от одного борта маленького катерка не видишь и другого. Такие туманы бывают в июне, июле и августе. Иногда их мгновенно развеивает горный береговой ветер, иногда они уныло стоят над водой и два, и три дня.

Вода в Байкале студеная. Даже в самую жаркую пору, которую не зря ведь называют вершиной лета, она прогревается на поверхности озера лишь до 13 градусов, но сибиряки, между тем, знают немало мест, где солнце все же побеждает холод, и тогда берег Байкала ничем не отличается от крымского и кавказского курортов. Впрочем, нет, отличается. Вода здесь пресная и прозрачная, а песок и галька имеют свои неповторимые оттенки цвета.

В отдельных местах вода прогревается даже до 23 градусов. В дельтах крупных рек, таких как Селенга и Баргузин, на мелководьях, например, в заливе Провал. Его название - отзвук давней трагедии, изменивший в одночасье линию байкальского берега. В январе 1882 года на юго-восточном побережье сибирского моря разразилось мощное землетрясение. Десятибалльный подземный шторм качал гигантские горы, разламывая земную кору, а здесь, в дельте реки Селенги, обширная степь, площадью почти в 260 квадратных километров ~ с улусами, стадами скота, покосами и огородами, юртами и избами, опустились вниз на несколько метров и стала дном залива: сминая все на своем пути - деревья, строения, стога сена - сюда ринулась байкальская вода. Так, должно быть чувствовали себя люди в дни великого потопа. На лодках, на обломках строений добирались жители долины к берегу, который к тому времени перестал уже вздрагивать от подземной непогоды. Люди спаслись, но погибло много скота. Теперь в этом месте - теплое озеро.

Есть места, где прибрежная вода отделена от морской огромными каменисто-песчаными косами, называемыми здесь «каргой». Такая коса сделала Посольский залив местом благодатным: неглубоко - а обычно на Байкале почти сразу же у берега начинается невероятная глубина, - вода, как парное молоко, берег покрытый бархатистым песком.

Лето - время рыбаков и путешественников. Обычно промысловый лов, особенно его начало, был праздником для жителей прибрежных сел и деревень. Бросали другие дела, отодвигали заботы, семьями поселялись на берегу в балаганах, запасая вкуснейшего омуля и на зиму, и на весну. Такие артели снабжали потом всех

сибиряков и свежей, и соленой, и вяленой, и копченой рыбой. В годы второй мировой войны, спасаясь от голода, стали ловить омуля мелкоячеистыми сетями, и не только в сезон. И популяция этой воспетой в народных сказаниях рыбы ослабла, стала настолько непродуктивной, что ученые забили тревогу. Полтора десятилетия местным рыбакам пришлось довольствоваться скромным рационом: лов был запрещен. Так ученые спасли уникальный мир Байкала, в котором ведь все взаимосвязано - вода, солнце, планктон, малюсенькие рачки, серебристый омуль, океанская нерпа и человеческая жизнь.

В отдельных местах вода прогревается даже до 23 градусов. В дельтах крупных рек, таких как Селенга и Баргузин, на мелководьях, например, в заливе Провал. Его название - отзвук давней трагедии, изменивший в одночасье линию байкальского берега. В январе 1882 года на юго-восточном побережье сибирского моря разразилось мощное землетрясение. Десятибалльный подземный шторм качал гигантские горы, разламывая земную кору, а здесь, в дельте реки Селенги, обширная степь, площадью почти в 260 квадратных километров ~ с улусами, стадами скота, покосами и огородами, юртами и избами, опустились вниз на несколько метров и стала дном залива: сминая все на своем пути - деревья, строения, стога сена - сюда ринулась байкальская вода. Так, должно быть чувствовали себя люди в дни великого потопа. На лодках, на обломках строений добирались жители долины к берегу, который к тому времени перестал уже вздрагивать от подземной непогоды. Люди спаслись, но погибло много скота. Теперь в этом месте - теплое озеро.

Осень

*Славное море - священный Байкал,
Славный корабль ~ омулевая бочка,
Эй, баргузин, пошевеливай вал!
Молодцу плыть недалечко.*

С тех пор, как Байкал был открыт для мира, эту старинную сибирскую песню знают в самых разных концах света - в Европе и Азии, в Африке и в Австралии, в обеих Америках, ибо ежегодно, особенно летом, приезжают на древние берега озера - моря многие тысячи любознательных экскурсантов. Если считать и так называемых «диких» туристов, то в прибрежной тайге деревья, травы, камни, ледники, реки чувствуют напор почти миллиона путешественников, ищущих общения с загадочным Байкалом. Но, распевая эту сразу запоминающуюся песню, немногие все же могут похвастаться, что испытали на себе всю силу своенравного ветра - баргузина. Летом он обычно начинается утром и стихает к ночи. Зато осенью может дуть всю неделю. Тогда исчезает зелень воды, словно каждый порыв баргузина добавляет в нее все новые дозы густой синьки. Байкал темнеет, гребни волн вспыхивают белыми молниями и летят, подгоняемые песенным ветром. Рыбаки радуются: после баргузина больше рыбы в прибрежных водах - он сгоняет сюда планктон, а вслед за пищей идут косяки.

Чаще всего осень на Байкале - светлая, ясная, погожая. Солнце предчувствует зиму, светит особенно пронзительно, поджигая листья берез, осин, лиственничную хвою. Небесный жаркий свет словно переливается на землю, и вот уже тайга горит осенним золотом и багрецом, В сентябре - октябре самый чистый воздух над озером, заветное время для ученых, установивших свой телескоп поблизости от села Лиственничное,

на вершине горы. В эту пору на всей земле нет места более подходящего, чтобы смотреть в небо. Воздух прозрачен настолько, что вершины прибрежных хребтов, украшенные снегом, видны невооруженным глазом за двести и более километров.

... Вдруг среди бела дня набегает нежданная туча, резкий вихрь выветривает тепло, точно набухшие снегом громадины, касаются лесистых вершин, и является глазам странная картина: тучи словно обесцвечивают тайгу, лес седеет на глазах. Такие растения — посланцы земли - приносит иногда нежданный снегопад, который длится и два. и три дня. На сентябрьских деревьях еще всю зеленеют кроны, но на каждом листе, на каждой ветви оседает все больше, казалось бы, невесомых снежинок, тяжесть становится невыносимой, молодые березы свиваются в кольцо, клонятся к поседевшей траве, а старые мощные великаны не выдерживают и падают, выворачивая из родной земли корни. Следы этого гигантского побоища хрупких легколетающих снежинок с лесными богатырями видны еще долго. Байкал в такие дни становится черным, глухо бьют в прибрежные камни хмурые валы, выбрасывая брызги, похожие на отсветы снега. Снег вообще только прикидывается мирным и тихим. Зимой сдуваемые с ледяной поверхности священного моря снежинки мириадами ударяют в прибрежные деревья, словно наждаком сдирают кору.

Осенью в притоки Байкала идут на нерест косяки омуля. Это происхо-. дит в ту пору, когда температура байкальской воды и воды притоков выравнивается. Словно открываются своеобразные шлюзы, и рыбы устремляются в реки с чистой прозрачной водой, с промытым донным песком и галькой- Миллиарды икринок будут покоиться тут несколько месяцев, не боясь низкой зимней температуры - нерестилища не промерзают до дна. Через 200 -220 дней из икринок проклюнутся личинки, окрепнув, станут мальками. Они будут заложниками погоды, добычей хищников, и меньше половины их вернется в лоно Байкала.

Поздней осенью, когда ночные морозы чередуются с элегическим дневным теплом, постепенно уменьшается сток горных вод в Байкал, потому что замирают покрытые ледяной корой ручьи и малюсенькие притоки, а те, что покрупнее, то поддаются холоду, то, взбеленившись, ломают белые неокрепшие панцири и рвутся к батюшке Байкалу, неся ему последнюю предзимнюю дань.

Тайга уже отдала людям свой лесной хлеб: ягоды, грибы, орехи, целебные травы. Уже запасливые кедровки закопали там и туг на долгую зиму урожай кедровых орехов. Уже заполнили свои кладовые лесные звери: в норах, дуплах, потаенных местах спрятан теперь лесной урожай. Уже давно окрепли птенцы перелетных птиц, их станицы прозвенели, прокурлыкали над родными чащами и скрылись в теплой дали.

Осыпалась хвоя с лиственниц, и весь лес у подножия деревьев словно покрыт желтым снегом - хвоинка к хвоинке, как снежинка к снежинке. А лес прозрачен, ландшафты вокруг Байкала похожи теперь на офорты, гравированные великим художником - природой, Особенно выразительно графична тайга в непогожие пасмурные дни, когда нет ни дождя, ни снега, но нет и солнца - оно закрыто тугим серебристо-серым пологом.

Зеленоват Байкал, он словно вздрагивает от холода - его разогретая вода еще в начальную осеннюю пору ушла в глубины, как *бы* отдав им поверхностное тепло взаимы: зимой из таинственного мрака часть этого тепла вернется к поверхности- Ветры все чаще раскачивают водный простор, холодно светятся волны.

И вдруг наступает тишина, и лето, словно по рассеянности забывшее что-то в глубинах тайги, возвращается, говорит, и ликует в прибайкальских просторах. Бывает, что заморочит черемуху, и та оживет, приняв обманное тепло за весну. Но таких дней все меньше и меньше. Скоро все вокруг озера приберег к своим рукам зима. И лишь Байкал будет бушевать и метаться, и все будет ему казаться, что он могуч и молод, каким был по весне.

Зима

Долго не сдастся Байкал зиме. Ошалелые волны вздымаются к тучам, бьются о скалы, ломая камень и первые белые забереги. Переохлажденная вода, касаясь донных камней, застывает на них, замирает у причальных сооружений, в глубине. Постепенно эти белые вестники зимы разрастаются и вдруг отрываются от дна и всплывают, обращаясь в шугу. Шуга уходит в Ангару, а на ее место приходят все новые и новые льдинки. Уже крепнут забереги, медленно сжимая кипящую дикую воду. Мороз все суровей. Но Байкал и не думает утихать. Теперь волны его, если прислушаться, шуршат. Этот шорох - все громче - внутри бушующей воды возникают крупинки льда, они вздымаются вместе с волнами и падают вместе с ними. Этот ледяной горох местные жители так и называют - «шорох».

Так стужа пронизывает воду изнутри. И приходит особенно морозный день в конце декабря, а то и в середине января, когда старик успокоится, наконец, и замолкнет. Но и теперь зиме еще рано праздновать победу над озером. Явится резкий ветер, сломает уже покрывший поверхность Байкала лед, ледяные поля раскрошатся, и снова откроется дымящаяся от стужи вода, и долго еще льдины будут носиться туда и сюда, ломать друг друга, постепенно замерзая фантастическими, как кристаллы горного хрусталя торосами.

Но вот Байкал стал. Притих до весны, Теперь в ясном морозном воздухе обозначается грозная сила его мятежа. Прибрежные деревья и кусты, камни, скалы - все, что оказалось в зоне досягаемости ошалелых волн, покрыто фантастическими ледяными узорами: сказочные деревья, легендарные чудовища, небывалые птицы и звери сплетены в изощренный орнамент. Пещеры похожи на пасти драконов, гигантские ледяные сосульки - на острые страшные зубы. Такие орнаменты называют здесь «сокою». Это следы прикосновения переохлажденных декабрьских волн.

Профессор Михаил Кожов, отдавший морю-озеру всю свою жизнь, так описал зимний Байкал: «В ясные солнечные дни, которые так обычны в зимнее время в Восточной Сибири Байкал, закованный в лед, особенно красив. Когда солнце скрывается за горизонтом, розово-фиолетовое сияние заливают безбрежную ледяную гладь, вдали на гольцах (так называются непокрытые лесом горные вершины. - М.С.) ярко блестят снега и розовеют покрытые тайгой подножья и склоны хребтов.

Сквозь прозрачный лед, лишенный снегового покрова, вдоль берегов отчетливо видно дно, выстланное песками или глыбами слабо окатанного камня, ярко-зелеными колониями губок и другими обитателями дна.

Но обычная тишина зимних вечеров время от времени сменяется целой гаммой звуков: то слышится грозный гул от далеких разрывов льда или протяжный стон от небольших близких разрывов и надвигов льда, то совсем рядом раздаются громовые удары и на глазах во льду внезапно появляется широкая щель, из которой проступает вода. Все это производит на непривычного человека сильное и нередко жуткое

впечатление. Особенно усиливается эта «симфония» закованного в лед озера в начале зимы».

Старожилы же знают: становые щели эти возникают от перемены температуры воздуха. Лед, расширяясь при особенно большом морозе, выпирает на берега, ломается, а при повышении температуры, наоборот, сжимается, и с гулким, похожим на пушечный гром, треском разрывается, оставляя проранщель иногда шириной до четырех метров. В старину ямщики, которые мчались на санях по байкальскому простору, заранее узнавали места разрывов, захватывали в дорогу крепкие лиственничные плахи, перекидывали их в самых узких местах через щели и осторожно переводили по ним свой обоз.

Но не все вокруг замерзает. Парят горячие источники, в крутой мороз в них можно искупаться: над теплой водой держится слой прогретого воздуха. Не замерзает и дымит, дымит морозным паром исток Ангары -дочери Байкала. Здесь, на открытой воде, зимуют гоголи, крохали, утки, морянки и другие птицы, которые из Прибайкалья обычно улетают на юг. Они добывают пищу в воде, ныряют, вылавливая разнообразных рачков и червей. А вечером отправляются вглубь байкальского простора, где спят, спрятавшись от ветра в торосах. Жизнь их полна опасностей, но они не знают другой земли, и это открытое пространство - исток Ангары - притягивает их навеки.

Таежная жизнь идет своим чередом. Снег усеян заячьими следами, лоси бродят по чащобе в поисках пищи, к солонцам собираются олени, спят медведи, но в феврале мамыши родят медвежат. Клесты и снегири лакомятся кедровыми орехами. А в глубине Байкала, в ста и более метрах от ледяного покрова, зимует омуль; ведут свою таинственную жизнь голомянки и бычки, пробив лунки во льду, отправляется на рыбную последнюю ловлю нерпа.

Так будет до тех дней, когда солнце повернется на весну, его крепнущие лучи пробьют толщу льда и обогреют воду.

И все начнется сначала.

Когда бы вы не пришли к Байкалу - в дни его весны, лета, осени, зимы - он одарит вас теплом и поведаст тайну, которую не откроет никому другому: для каждого из нас у него свои тайны.

Засыпающий Байкал

Станислав Гурулёв

Летом Байкал прозябает - колышет неторопливо свои воды, раскатываясь мелкими волнами. Настоящая его жизнь, кипуче-деловая, беспокойная, взбудораженная наступают только осенью, когда его начинают прижимать крепенькие осенние морозы. Прижимают, заставляя отдавать накопленную за летнюю спокойно-размеренную, жирно-беспечную жизнь теплоту, забранную от солнца. Прижимают, а он пыхтит, отдувается густыми туманами, налезавшими на берега, забирающимися в ближние долины, пади и распадки. И чем крепче становятся морозы, тем быстрее зарастают бухты и заливы льдом, лед намерзает на береговых галечниках, на крутых скалах.

Сперва так и кажется, что озеро-море замерзнет тихо и спокойно, отдаст без

борьбы свое тучное водянистое тело крепко-каменному льду.

Но нет. Вместе с морозами на Байкал приходят сильные штормовые ветры. Ветры и поднятые ими волны разбивают вдребезги первые неокрепшие ледяные забереги в куски и глыбы, волны долго таскают их, как бы лаская в своих объятьях, а затем снова выбрасывают на берег, словно разочарованные их холодностью и отчужденностью.

Так из кусков и крупных глыб битого льда на Байкале начинает формироваться самое причудливое и фантастическое его создание - сокуй, который на обычных морях и океанах приполярных широт, где зимы студеные, называют просто береговым припаем. Сокуй - название местное, байкальское, русское. И сейчас русские прибайкальцы так называют верхнюю зимнюю одежду - меховую доху с капюшоном. Так же они называют ледяные сосули и сосульки под стрехами своих домов. И не только русские Прибайкалья владеют этим словом - оно встречается у русских на Енисейском Севере, где им обозначают женскую меховую одежду, заимствованную (вместе с названием) у коренных сибирских народов. Языковеды полагают, что слово «сокуй» русские заимствовали у самодийцев - ненцев, хантов, манси, селькупов, издавна населявших север Западной Сибири. На Байкале слово из народного лексикона переместилось в научную терминологию. Береговые ледяные припаи ученые, вслед за местным русским населением, стали называть этим народным словом. Сокуй - это ледяная шуба, доха Байкала.

Особенно причудливы сокуй у скальных берегов, где высокие волны яростно и беспощадно штормуют крутые скалы, пытаясь их сокрушить. Волны забрасывают водяные брызги на высоту до пяти-шести метров, безудержно обливая скалы водой. Стекая, словно слезы, вода замерзает, создавая ледяные наросты, сосули, свисающие со скальных карнизов

Шторм повторяется неоднократно. То, что вчера замерзло и, казалось бы, застыло на всю зиму, сегодня опять разбивается вдребезги налетающими ветрами и волнами. И все это повторяется вновь и вновь... В результате причудливые, фантастические по рисунку ледяные узоры и скульптуры сплошь покрывают скальные берега. И если скалы вдоль берега протяженны, то создаются целые галереи ледяных скульптур, которыми можно любоваться как произведениями искусства.

Столь же причудлив по внешнему оформлению сокуй у отлогих берегов. Но есть и существенные отличия. Если там, у скальных берегов, наплески, набрызги, замерзшие потеки и ледяные наросты кажутся творениями осмысленно действующей руки скульптора, признававшей, хотя бы в самой малой степени, законы художественного творчества, то здесь, у отлогих берегов, царит хаос - глыбы льда нагромождены одна на другую, повернуты и перевернуты, на них набросан беспорядочными кучами мелкий битый лед, волнами в них вымыты желоба, колодцы, ниши, некоторые глыбы оттянуты от берега в воду, да так и замерзли в ней.

Разбивая ледяной припай в куски и глыбы, волны беспрестанно носят их в воде, то выбрасывая на берег и гулко ударяя ими в береговой ледяной барьер, то снова увлекая с собой при отступлении от берега. Куски и глыбы льда окатываются, округляются в воде, отирая бока друг другу. И если сильные морозы скуют такую воду с округлыми кусками и глыбами льда, получится необычный лед - колобовник. В нем окатанные глыбы льда самых разных размеров - от «гальки» величиной в крупный помидор до «валунов» в полметра и больше, в зависимости от того, как долго, куски льда окатывались и отирались в штормовых волнах. В «гальках» и «валунах» часто можно

видеть вмерзший песок или даже растительные остатки - признак того, что эти льды формировались сначала в береговом припае - в сокуе. Обработка кусков и глыб льда - довольно быстрый процесс. И это не удивительно - в береговой зоне Байкала, как и любого другого моря-океана, волны перетирают и обкатывают более крепкий и устойчивый материал - горные породы, те же, к примеру, граниты, не говоря уже о дере-вягах, кирпичах, бутылочном стекле и другом произведенном человеческом мусоре. Однако трудно бывает представить, как волны обрабатывают гранит, но вот когда видишь, как они расправляются почти в однодневье с глыбами и кусками льда, начинаешь понимать и то, как крушат они гранит. Они растирают его уже двадцать пять - тридцать миллионов лет, с тех пор, как образовались первые зародыши байкальских впадин, обрабатывают его и ныне и будут крушить еще миллионы и миллионы лет, пока перетертым в песок и глину материалом не заполнится мощное, уходящее в глубину более чем на полтора километра водное чрево Байкала. И, видя, как волны отирают и окатывают ледяные куски и глыбы, представляешь геологическую сущность этого процесса, невеликая на первый взгляд мощность которого, множимая вечно текущим временем, дает грандиозные результаты. Даже если вы не геолог и ничего не знаете о земной летописи, вы, глядя на монотонную работу ветра и волн у формирующегося осенью сокуя, неизбежно ощутите и почувствуете масштабность совершаемого, равно как и свое участие в происходящем. Ощущение безучастности, рождающееся при обзоре гигантской работы ветра и волн, незаметно перерастает в гнетущее чувство беспомощности...

Осенние штормовые ветры поднимают на озере высокие волны, с грохотом накатывающиеся на берег. И тот, кто живет рядом с Байкалом, слышит этот неумолчный грохот и днем, и ночью, пока не стихнут ветры. Порою и неугомонные ветры стихают, истратив свою мощь в силу, а штормовые волны все идут и идут на берег, словно многочисленные воинские цепи - в атаку, все штурмуют береговые бастионы, ими же воздвигнутые из льда - так сильно раскачивают ветры Байкал, или же они еще проще продолжают дуть где-то в другой части его обширной акватории, простирающейся из конца в конец на шестьсот с лишним километров.

Волны поднимают со дна растения, рвут их на части, если они прикреплены ко дну, взбаламучивают застойные придонные воды, вовлекая их в страсть движения. Вместе с этими тинисто-зелеными водами поднимаются многочисленные водоросли, до того мирно взвешенные в них, приспособившись к ним. И мелкие разноцветные водорослевые шарики насыщают прибрежную воду, которая их беспрерывно перекачивает по галечному и песчаному дну, временами при сильном порывистом движении отрывает ото дна и приподнимает в своем слое, как бы играет ими, забавляется, словно дитя - занятной игрушкой, к которой его только что допустили. Со временем водоросли - белые, розоватые, белесые, зеленоватые, фиолетовые вмерзают в пляжный песок или в ледяные глыбы сокуя,

А морозы все крепче и крепче. И там, где сокуй оказывается припаянным к отлогому берегу, он вскоре находит себе защиту от неистовства штормовых волн в ровном гладком льду, покрывшем в морозную ночь все мелководье. Ветер и волны возобновляют свою работу у края вновь возникшего ледяного поля. Они непрерывно разбивают его, насколько это оказывается возможно, и вновь, как и прежде, выбрасывают на гладкий лед ледяные

глыбы, которые смерзаются в единый вал. И если продолжает штормить, то вал

снова разбивается и снова смерзается. Так формируется новый со-куЙ- морской.

Противоборство морозов и байкальской воды продолжительно. Оно затягивается до середины зимы, до января. И все это время кажется странным, как это морозы, давно уже, в начале ноября, сковавшие малые и большие реки, не могут справиться с Байкалом, где вода не течет, как в быстрых реках, а больше стоит, если же и течет, то не столь быстро. А разгадка, оказывается, скрыта в том, что за лето воды Байкала набирают столько животворного тепла, что его сразу не изгнать даже сильнейшим морозам. Теплонасыщенность, теплоемкость воды велика, да ее еще следует соотнести с огромным объемом, пусть не всей воды, а только ее части, ведь Байкал до дна за лето не прогревается. Тепло в Байкале начинает накапливаться довольно рано, с марта, когда еще только-только появляются первые признаки весны. И это продолжается до октября. А с октября начинается охлаждение, Пока морозы сгладят разницу температур в различных слоях приповерхностных вод, примерно до глубины в двести метров, пока они уравниют массу воды по температуре примерно до плюс четырех градусов, пока они доведут эти воды до точки замерзания, вот и уходит не любящее ждать время.

На мелководьях уже лежит лед, а там, где глубоко и очень глубоко, лед появляется много позже. И как правило, не при ветре, а в тихую, спокойную, но очень морозную погоду. Над озером возникает густая пелена пепельно-серого тумана, закрывающего все дали. Слабые, нехотя передвигающиеся волны тихо шелестят возле сокуя. Байкал как бы засыпает на зиму, спокойно, величаво, задумчиво. С тяжелыми вздохами - ведь он всю осень и начало зимы провел в яростной борьбе со сковывающими морозами, - чувствуя, что его победил, сковал, обессилил неборимый недуг. В воде возникают мириады мелких кристалликов льда. Это - сало. Кристаллики правильные и красивые - шестилучевые звезды, похожие на снежинки, длинные иглы. Разрастаясь, они образуют в одну ночь сплошную корку - склянку. Налетит заблудившийся ветерок, чуть всколыхнет эту зыбучую корку и, смотришь, нет ее, она разбита на отдельные льдины, которые продолжают обрастать льдом, образуя шугу. И трет шугу Байкал, исходя из последних сил.

И стоя на берегу, вы видите эту печальную картину засыпающего на зиму, почти умирающего исполина, со вздохами и нехотя готовящегося к неизбежности.

Стихи и песни о Байкале

ГИМН БАЙКАЛУ

В. Жемчужников

Кто бывает у нас на Байкале,
Тот вспоминать будет долгие года
Это бескрайние синие дали,
Это бездонные чистые воды.
Как перед чудом, встаёт на колени
Дальний паломник священного
моря
И, совершая обряд омовения,
Истово, как о спасении, молит:
Господь, храни,
Храни Байкал -
Он пригодится
Не только нам,
Не только нам
Воды напиться.
Смотрят с причала туристы в
восторге;
О, как могучи пейзажи Байкала!
Манит зеркальный простор, манят
горы,
Чудится в дымке страна Зазеркалье.
Здесь, у высоких отрогов Саянских,
-
Самый глубокий родник на планете
Как удивляются все иностранцы,

НАШЕ ОЗЕРО БАЙКАЛ

Молчанов-Сибирский И.И.

Между гор и между скал
Блещет озеро Байкал.
Дует с северных низин
Сильный ветер Баргузин.
Волны бьются в берега,
А кругом гудит тайга.
Проступает сквозь туман

Что из него можно пить даже детям.
Господь, храни,
Храни Байкал -
Он пригодится
Не только нам,
Не только нам
Воды напиться.
В тайных глубинах, сокрытых за
мглою,
Много диковин морских,
первородных.
Чаша с байкальской живою водою
—
Божеский дар человечьему
роду.
Счастливы те, кто хоть раз
повидали
Дивное диво сибирской природы,
Это бескрайние синие дали,
Это бездонные чистые воды.
Господь, храни, Храни Байкал -Он
пригодится
Не только нам, Не только нам Воды
напиться.

Великан Хамар-Дабан.
Дальше — белый, как старик,
Снеговой Мунку-Сардык.
С гор бегут вперегонки
Триста тридцать три реки.
А в середине—между скал
Блещет озеро Байкал

БАЙКАЛ

А. Румянцев

Я не знаю, где оно начало
Нашего знакомства и родства.
С детских лет волна твоя качала
И меня, и деда, и отца.
Закаляло,
Исцеляло море.
Крепкий дед мой
От любой беды
В туюське, как заговор от хвори,
Мне байкальской привозил воды.

А ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

М. Сергеев

А что это такое?
Такое голубое,
Холодное, как льдина,
Прозрачно, как стекло?
Быть может, это небо
За сосны зацепилось,
По скалам покатилось
И на землю стекло?
А что это такое,
Такое золотое,
Блестящее, как зеркало,
Слепящее глаза?

Быть может, это солнце
Легло поспать под скалы,
Оно лежит устало,
Закрыв свои глаза?
А что это такое?
Все время в непокое,
Быть может, это туча
Застряла среди скал?
А это и не туча,
А это и не небо,
А это и не солнце,
А озеро БАЙКАЛ!

БАЙКАЛ

Цыден-жан Жимбиев (перевод Г. Граубина)

Байкал зовут Байкюлем,
Байполем и Бэйхаем:
Ему дано немало
Таинственных имен.
Но мы на карте мира
Всегда его узнаем.
На силуэт посмотрим
И скажем: «Это он!»

В преданьях и легендах
Байкал - старик суровый
А он на самом деле
Задорный, молодой.
Он неспроста шумливый,
Порывистый, веселый –
Ведь он живой наполнен,
А не простой водой!

БАЙКАЛ

А. Твардовский

Лесистых гор полуовалы,
Касанья голубых лекал,
И скалы срезанные валом,
И небо, павшее в Байкал.
И сам он величав и вечен
В гранитной раме вырезной.
И весь -до донышка - просвечен,
И весь до капельки родной.
И Ангары полет строптивый,
И ветра крик, и гул турбин,

И птицы - сосны над обрывом,
И длинный ветер Баргузин -
Все это, без чего не в силах
Быть далью даль и ширью ширь,
И ты не мыслима Россия,
И ты не мыслима, Сибирь.
Но эти царственные воды,
но горы в сизой полумгле –
Байкал – священный дар природы,
Да будет вечен на земле

М. Вакар.

О, чудный Байкал, беспредельное море,
Священное море сибирских племен,
В твоём необъятном широком просторе
Какой-то таинственный смысл заключен.

Владимир Скиф

Уже зима.
Байкал дымиться.
Пылают Ангары исток,
И солнце красное садится
В крутой байкальский кипяток.
И вот оно уже с монету,
Края горячие видны...

Достигло дна, прожгло планету,
Взошло с обратной стороны.
Сквозь мир вальжанный, томный,
сытый -
Сияет обруч золотой,
Как будто вечностью умытый
Живой байкальской водой.

Песня

А. ОЛЬХОН

Ветер, падающий с гор,
Полуночную звезду,
Кедров шумный разговор,
Блеск зари в зеленом льду.
Теплый запах летних трав,
Щебет птиц на берегу
-Жадной памятью собрав,
Все на сердце сберегу.
Это мой Байкал встает,
Первозданный мир чудес,
Мир распахнутых высот,
Опрокинутых небес.
И повсюду предо мной:
Голубая глубина

Ветром зыблемый покой,
Отраженная волна.
Я хочу таким же быть,
Как и ты, отец Байкал
Вечно двигаться и жить,
Сохранить, что мир мне дал.
Не дрожал и не старел,
Чтобы песенный прибой,
Словно радуга горел.
Чтобы юность, закипев.
Как прозрачная волна,
Поднимала мой напев.
Горделива и сильна.

БАЙКАЛ

В. Архижин

Начинается игра
Кто рискнет нырнуть в Байкал?!
Каждый весел, каждый рад,
Страшно каждому слегка.
Ой, холодная вода!
Можно запросто простыть!
Рыбка - омуль, как слюда,
В чистом озере блестит.
Нам ли трусить и робеть?

Искупаемся, друзья!
Простудиться, заболеть
Невозможно и нельзя.
Нас Байкал наоборот
От простуды закалит.
Волн байкальских серебро
Лучи солнца золотит

ЗЕМЛИ ТВОРЕНЬЕ

Ира Самойлова

Я люблю тебя, Байкал,
За теплоту и прохладу,
За ветра шум,
За птиц полет строптивый,
За дикий ветер баргузин,
За то, что чистым светишься накалом:
Так триста рек, шумящих по Руси, Сливаясь,
обращаются Байкалом.

БАЙКАЛ

Анна Чабането

Когда мне говорят: «Байкал»,
Я вижу корабли, причал,
Я вижу небо, вижу горы,
Кругом байкальские просторы.
Я там была уже не раз:
Байкал меня так сильно манит,
Там звезд сверкающий алмаз,
И ясность вод, и Шаман-камень.
Байкал закатом озарен,
Под вечер так сверкает он.
А утром алая заря... Я побывала здесь не зря!

ИЗ КОСМОСА

Павел Сергеенко

Суровый священный Байкал
Российский запас велик, очевиден
Водички прозрачной и чистой.
Даже из космоса объектом
он виден,
Байкал в регионе лесистом!

РЕБЯТА И УТЯТА

Ксюша Микина

Байкал находится в Сибири,
Он расположен в тихую погоду,
А в бурю грозен, как орел.
В нем купаются ребята,
И слышен смех их, как звонок.
И с ними плавают утята,
Все сохнуть ходят на песок.

КРАШЕ ВСЕХ!

Маша Павлова

Озер так много есть на свете,
Байкал же краше всех из них!
Вода чиста, и свеж твой ветер.
Там шепот сосен вековых...

Андрей Куприн

Откуда возник он?
И кто его сделал
Большим и огромным,
Почти бесконечным?
Как море глубок он
И очень вкусна

Байкала
Озерная
Чистейшая вода.
И кто ж ты на самом деле.
Озеро или море?

А. Куприн

Частушки

На Байкале мы живем
Дружно песенки поем,
С нами вы в кружок вставайте
И частушки запевай
За Байкалом две дороги
Одну надо поломать,
Чтобы наших кавалеров

Не возили воевать!
Звал залетка за Байкал,
Зря я не поехала!
Теперь была бы дальняя
Залетка забайкальная.

**Автор неизвестен. “Новейшие, любопытные и
достоверные повествования о Восточной Сибири”,
СПБ, 1817 год.**

Озера многие, великих рек струи
Текут в Байкал со всех сторон
Земного круга,
С Востока, с Запада, от Севера и
Юга –
Он поглощает всех.
Одна лишь Ангара,
Как Дафна юная, чиста, резва,
быстра,
Бегущая по лесам от взоров
Апполона,
Не внемлюща его любовна вопля,
стона,
Одна лишь Ангара, протекши весь

Байкал,
На север уклонясь, меж двух
огромных скал
Стремительно из недр Байкала
вытекает...
Летит стрелою вниз, с Иркутом
соединиться.
Шаманский камень, сколь ни
силится, ни тщится
Не дать ей ходу, в ней стоящ, как
часть горы,
Не может удержать стремленья
Ангары.

А. Шип

Но Рок поднял вокруг Байкала
скалы
и заковал его в гранитное кольцо.
Из бездны вод громады скал
Возвысились кругом
И скован буйный был Байкал
Сплошь каменным кольцом.
Помчалась быстрая вода
Стремясь весь край залить –

Набег Шаманская гряда
Смогла остановить.
И вот пока дела идут неплохо,
но нас предупреждают:
Но в час, когда Байкал прорвет
Массив Шаманских скал –
С лица Земли Иркутск сотрет
Освобожденный вал.

А. Оборин

Иркутск, 1913 год.

Вот он! Передо мной невдалеке
Закованный в гранит прибрежных
серых скал,
Широкой пеленой, теряясь в
синей мгле,
Раскинулся кругом замерзнувший
Байкал...
По берегам из глыб прозрачных
льда,
Белеющей каймой на фоне
голубом,
Барьером поднялась застывшая
вода,

Сверкая, как алмаз, под
солнечным лучом
Окруженный стеной-стражей
скал,
В зимний сон погрузился
Байкал,
Крепко лютыми вьюгами
скованный.
Даль кругом, необъятная даль!
Лед сверкает как чистый
хрусталь..
Спит Байкал – богатырь
заколдованный...

Георгий Вяткин.

Гудит Байкал, седой и дикий,
Воды вздымая грозный вал –
Он страшен в гнев,
Наш великий,
Священный грозный наш Байкал

П. Кассеньев

Иркутск

Вот красавец Байкал! Цепи
мощные гор
Вокруг озера здесь
простираются.
Речки горные с шумом бегут на
простор,
Словно змейки, блестят,
извиваются.
Беречь Байкал святое дело
О чем грустишь, Байкал
любимый,
О чем вздыхает твой прибой?
Иль кто-то злой неумолимый
Порой глумится над тобой?
И мне Байкал вздыхал в ответ:
"Я жил на свете тыщи лет...
Ни кто меня не обижал,
Напротив, всякий уважал...
Но за последние пол века..."

Не узнаю я человека!..
Как будто чистая водица
Ему вовек не пригодится..."
Байкал один на всей планете,
Другого просто не дано...
Мы все твои, Байкал мой, дети,
И жить с тобой нам суждено!
Не обижайте, люди, море!
Байкал ведь тоже хочет жить:
Играть волной, с ветрами споря,
И людям предано служить!
Беречь Байкал - святое дело:
Его судьба - у нас в руках!
Сама природа нам велела,
Чтоб жил Байкал родной в веках!
И верю я: Байкалом будет
России слава прирастать!
И нам потомки не забудут
За это должное воздать.

Н. Ковязин.

Край чудесный, край сибирский
Как ты дорог мне, как мил
Я, твою святую воду,
Приклонив колени, пил.
Опускал в нее ладони,

Сердцем чувствуя тепло.
Край чудесный, край сибирский,
Я с тобою заодно.
Им смешны угрозы,
Ведь весь день сегодня битва

Чаша Байкала

Жан Зимин

(пер. с бурятского М. Сергеева)

Собрались на поединок
Горы-великаны,
Целый день они боролись,
Силы не щадя.
Целый день земля дрожала,
Вздрагивали страны,
Небо грудь им освежало
Струями дождя.
Наконец они устали,
Кончив состязание,
Собрались великаны
Дружно вокруг стола,
Вот поели великаны
Печени бараньей,
Вдруг глядит:
Стоит пред нами
Чудо-пиала.
Саамы старший сын Саяна
Говорит тревожно:
- Эту воду, великаны,
Не берите в рот.
Если ж сильно мучит жажда,
- Пейте осторожно,
Ведь вода-то колдовская –
силу отберет!

Загадка

Древен род его в природе,
Кличут озером в народе,
Волны моря плещут в нем –
Как все это назовем?

(Озеро Байкал)

Загадка

Слева море Малое,
Справа озеро Байкал,
Посредине остров каменный,
Как бы ты его назвал?

(Ольхон)

Но томит батыров* жажда
Им смешны угрозы,
Ведь весь день сегодня битва
Трудная была.
Ну, а тут - вода живая,
Чистая как слезы,
Их слепит, зовет и манит
Чудо-пиала.
Вот один за край берется,
А поднять не может,
Вот второй за край берется -
Силушка мала,
Третий брат за край берется
- Не осилил тоже -
Тяжела ты до чего же,
Чудо-пиала!
Все взялись они по кругу ~
Пиалу подняли,
И никто единой капли
Зря не расплескал,
И горячими губами
К пиале припали -
Тыщу лет не могут выпить
Озеро Байкал!

Байкальская вода и притоки Байкала

Сказки, рассказы, проза о Байкальской воде и дочерях Байкала (притоки)

Байкал и его дочка Л. Зимина

(Сказка написана с использованием фрагментов народных легенд, достоверных исторических и географических фактов).

Было это 25 миллионов лет тому назад когда еще жизнь на Земле только зарождалась, раздвинулись горы, задрожала земля и образовалась между гор глубокая впадина, которая постепенно наполнилась водой, так образовалось Великое Озеро.

Имя его - Байкал происходит оно от монгольского слова Байгал, что значит – богатый огонь и от тюркского Бай-Куль – богатое озеро, китайцы его называли Бэйхай – Северное море, а буряты его называют Байгал-Нуур – озеро Байкал.

Да, богат старик Байкал своим животным и растительным миром. В нём водится более 2600 видов животных и более 1000 видов растительных организмов, среди них 848 неповторимых животных и 133 уникальных видов растений, которые не встречаются нигде на нашей планете. Только в Байкале водится прозрачная живородящая рыбка – голомянка, которая в основном состоит из жира и тает на солнце.

Но самое главное его сокровище – прекрасная дочь – Ангара. Её название произошло от монгольского слова «анга», что значит – рот, ущелье, а с бурятского языка «анга» значит – разинутый, открытый.

Буряты почтительно называли её Ангар мурэн. По шаманским верованиям у неё есть дух-хозяин Ама Цаган нойон или дух истока реки Ангарайн амани эжен.

Жил Байкал со своей красавицей дочерью в Сибирской тайге.

Суровый, но справедливый был старый Байкал. Со всех сторон стекались к нему 336 больших и маленьких рек и ручейков, все хотели пополнить воды Священного озера, все стремились за советом к мудрому старику Байкалу – самому глубокому озеру в мире, ведь его глубина достигает 1637 метров.

Люди издавна населяли острова (на Байкале их около тридцати) и берега Байкала. Здесь жили древние хунны, динлины, кетоязычные племена, самодийцы, тунгусо-манчжуры, тюрко - и монголоязычные народы, славяне и свободный бурятский народ.

Щедрый Байкал разрешал людям ловить рыбу из своих глубин, утолял их жажду, лечил, подсказывал, где на его берегах найти целебные травы, угощал кедровыми орешками, лесными грибами и ягодами, подсказывал, где и как охотиться на зверя. Он заботился о том, чтобы у людей, живущих на его берегах, всегда была одежда и пища, не зря его зовут батюшка-кормилец.

Никому не прощал Байкал грубости и пренебрежительного отношения к себе. Никому не позволял он засорять свои воды и выбрасывать на берег всё ненужное, а чтобы вода была чище – служили у него, совсем крошечные рачки – эпишура (длина такого рачка всего 1,5 миллиметра).

«Реки – это жилы земли - загрязнять и осквернять их всегда считалось большим грехом». Не зря Сибиряки считают Байкальскую и Ангарскую воды приворотными и целебными, и относятся к Старик и его дочери с большим почтением и уважением.

Люди часто приносили Байкалу свои дары и рассказывали ему о своих заботах и печалях, делились радостью, устраивали праздники на его берегах. Путешественники и первопроходцы рассказывали ему и коренным жителям о дальних городах и странах, где бывали и что видели.

Однажды из уст путешественников и чаек, отдохавших на водах озера Ангара услышала о потомке Великого Саяна – могучем красавце Енисее.

Захотелось красавице хоть одним глазком взглянуть на него, не раз Ангара умоляла отца отпустить её к милому другу, но отец и слышать об этом ничего не хотел и присмотрел жениха своей дочери поближе.

«Иркут – отважный воин, чем тебе не жених?» - часто укорял Байкал свою дочь и даже назначил день их свадьбы.

Загрустила красавица Ангара, много слёз пролила она, а эти слёзы превращались в жемчужины, которые не раз находили люди у прекрасной реки. Жалко стало девушку большим и маленьким рекам, промыли они проход и Ангара решила бежать к своему суженному.

И вот однажды, когда старик задремал, Ангара побежала навстречу судьбе, навстречу новой жизни, навстречу своему любимому!

Никто не смог остановить беглянку и тогда Байкал в отчаянии бросил огромный камень вслед своей непокорной дочери, но она была уже далеко.

Напрасно пытался остановить её Иркут, смелая девушка уверенно стремилась к цели и достигла её!!!

Она встретила с Енисеем! Енисей с первого взгляда полюбил гордую красавицу.

Камень, брошенный отцом, назвали Шаман-камнем. Местные жители наделяли его чудодейственной силой, «здесь проходили особо важные шаманские обряды, здесь давали клятвы и молились, сюда на ночь привозили преступника и оставляли одного над холодным, ледящим потоком, если к утру вода не забирала его, и он не погибал от страха и студеного дыхания Байкала – его прощали»

Люди, на берегах Ангары стали завязывать на деревьях разноцветные ленточки: влюблённые - в знак верность и любви, охотники – на удачу, больные – на здоровье, завязывая узелок, каждый загадывал своё самое заветное желание и оно непременно сбывалось так же, как сбывалась мечта влюблённых – Ангары и Енисея, которые с тех пор вместе несут свои прозрачные воды.

Байкальская сказка

С. Нестерова

У светлого вечера много дочерей. И сколько бы мы ни смотрели на небо, ни пытались сосчитать их, - у нас не получится. А отец-месяц знает и помнит всех. И вот родилась у него еще одна ясноглазая дочь-красавица - младшая звездочка. Светила она неведомым светом, удивленно смотря с высоты на голубую землю.

Как-то, скользя по высокому небу, засмотрелась она на красоту, открывшуюся ей, и заметила в обрамлении гор и лесов, на земле, светлый поток. Что это? Она всмотрелась и поняла, что это море. А вода в нем светлая и прозрачная, как изумруд. Смотрела она в нее и видела свое отражение. Звездочка спросила отца: «Что это за море?» Он ответил: «Это священное озеро Байкал».

Удивленные глаза дочери сверкнули. С тех пор стал замечать отец, что Звездочка тоскует, останавливается над озером, опускаясь все ниже и ниже, мигая своим загадочным и нежным светом, не сводит глаз с могучего Байкала. Тот отвечал ей взаимностью. Рвался вверх, разбиваясь о скалы, простирая волны-руки к небу. Как не бился он, но не мог оторваться от земли, затихал и успокаивался, ласкаясь вдоль берега, играя галькой, слушал крик чаек, глядел таинственно в далекое и неведомое небо.

Долго ли мало ли так продолжалось. Но однажды увидели люди, как Звездочка, блеснув прощальным огнем, очертив светлую линию, скатилась с неба и упала прямо в объятия Байкала. Они соединились. А Байкал стал еще прекраснее, брызги волн его серебрились, сверкали, и в них сотнями, тысячами, повторялось отражение Звездочки. К их очагу, к их любви устремили свои воды бурные и медленные реки, как к добрым и гостеприимным хозяевам.

И вскоре родилась у них дочь - красавица Ангара.

Но об этом следующая сказка.

Ангарские бусы

В. Стародумов. Байкальские сказки

Кого в глубокую старину считали самым славным и могучим богатырем, которого все боялись, но и почитали? Седого Байкала, грозного великана. А славился он еще и несметными, бесценными богатствами, которые стекались к нему со всех сторон от покоренных им и обложенных Данью-ясаком окрестных богатырей. Насчитывалось их более трехсот. Собирал ясак верный слуга Байкала - богатырь Ольхон, у которого был крутой и жестокосердный нрав.

Неизвестно, куда бы девал с годами всю добычу Байкал и сколько бы он ее накопил, если бы не его единственная дочь Ангара - синеокая, капризная и своенравная красавица. Очень огорчала она отца своей необузданной расточительностью. О, как легко и свободно, в любой миг расходовала она то, что собирал ее отец годами! Бывало, журили ее:

На ветер бросаешь добро, зачем это?

Ничего, кому-нибудь да пригодится, - говорила Ангара посмеиваясь. - Люблю, чтоб все в ходу было, не залеживалось и попадало в хорошие руки.

Сердцем была добра Ангара. Были у нее и свои любимые, заветные сокровища, которые она берегла с малых лет и хранила в голубой хрустальной шкатулке. Часто подолгу любовалась она ими, когда оставалась в своей светлице. Шкатулку эту Ангара никогда и никому не показывала и ни перед кем не открывала, а поэтому никто из дворцовой челяди не знал, что в ней хранится. Знал только один Байкал, что шкатулка эта была доверху наполнена волшебными бусами из многогранных драгоценных камней-самоцветов. Удивительную силу имели эти сокровища! Стоило только извлечь их из шкатулки, как они загорались такими яркими могучими огнями необычайной красоты, что перед ними меркло даже солнце.

А почему Ангара не торопилась надевать на себя волшебные украшения, призналась она только своей няне Годокте:

- Вот появится у меня любимый друг, тогда и надену. Для него.

Но дни проходили за днями, а друга по душе не находилось. И вскоре Ангара крепко заскучала. Все вокруг томило и огорчало ее. От бывшего игривого нрава красавицы ничего не осталось.

Заметил Байкал такую перемену в дочери и догадался: жениха ей хорошего надо, свадьбу пора сыграть. А за кого отдашь, если она еще никого не полюбила!

И решил он оповестить всю окружающую его знать о том, что хочет выдать дочь замуж.

Желающих породниться с Байкалом оказалось много, но Ангара всем им отказывала. Разборчивой оказалась невеста! По ее выходило, что этот умом недалек., тот лицом не вышел, третий - статью. Байкалу уже не только Ангаре, но и всех молодых богатырей стало жалко.

Много ли мало ли прошло времени, но однажды во владения Байкала приплыл такой нарядный струг, каких здесь никогда не бывало. А привел его молодой витязь Иркут, окруженный большой важной свитой. Ему тоже захотелось попытать счастья.

Но Ангара и на Иркут глянула равнодушно, поморщилась. Нет, не надо мне и этого!

Делать нечего - хотел было повернуть Иркут обратно, но Байкал остановил его:

- Не торопись, погости у меня немного,

И устроил в честь гостя, который понравился ему, небывалый пир. И длился он несколько дней и ночей. А когда наступил час расставания, Байкал сказал Иркуту на прощание:

- Хоть Ангаре ты и не пришелся по душе, но мне люб. И я постарюсь, чтобы ты был моим зятем. Надейся на меня.

Слаще меда принял эти слова Иркут и отплыл к себе обрадованным. Байкал с этого дня начал осторожно уговаривать Ангару, настаивать, чтобы она согласилась выйти замуж за Иркуту. Но она и слушать об этом не хотела. Бился-бился Байкал, видит - ничего не выходит, надо повременить со свадьбой. Но твердо затаил в себе решение; уважить Иркуту, настоять на своем.

Но вот подошел большой летний праздник - сурхарбан, на который каждый год стекалось к Байкалу много народу. О, как богато и торжественно обставлялся этот праздник!

Уже начались состязания, когда последним появился на празднике потомок гордого богатыря Саяна могучий и славный витязь Енисей, который сразу обратил на себя внимание всех присутствующих. В стрельбе из лука, в борьбе и в скачках он далеко

превзошел всех богатырей - званых гостей Байкала.

Ловкость и красота Енисея поразили Ангару, и она не отрывала от него глаз, сидя рядом с отцом. Енисей тоже сразу же был очарован красотой дочери седого Байкала. А потом подошел к ней, поклонился низко и сказал:

- Все мои победы - тебе, прекрасная дочь Байкала! Байкал лукаво улыбнулся:

- Значит, не мне, а ей, Ангаре? - и покосился в сторону дочери. А Иркут, находившегося в свите Байкала, даже передернуло от ревности.

Слова Енисея очень польстили Ангаре. Приятнее ей еще не доводилось слышать, и она пришла от них в восторг. Вот за таким она пошла бы хоть на край света!

Кончился праздник, люди стали разъезжаться по домам. Кинув прощальный взгляд на Ангару, покинул владения Байкала и Енисей.

И с той поры Ангара еще более заскучала. Байкал забеспокоился.

«Уж не по Енисею ли тоскует дочь моя?» - с тревогой подумал он, и это опасение не давало ему покоя. Но обещание свое - выдать дочь за Иркуту - решил выполнить. И как можно скорее!

И однажды Байкал, вызвав к себе Ангару, заявил ей прямо:

- Вот что, дорогая дочь! Лучшего жениха, чем Иркут, я тебе не советую искать, соглашайся!

Нет, не надо мне и этого!

Делать нечего - хотел было повернуть Иркут обратно, но Байкал остановил его:

- Не торопись, погости у меня немного,

И устроил в честь гостя, который понравился ему, небывалый пир. И длился он несколько дней и ночей. А когда наступил час расставания, Байкал сказал Иркуту на прощание:

- Хоть Ангаре ты и не пришелся по душе, но мне люб. И я постараюсь, чтобы ты был моим зятем. Надейся на меня.

Слаще меда принял эти слова Иркут и отплыл к себе обрадованным. Байкал с этого дня начал осторожно уговаривать Ангару, настаивать, чтобы она согласилась выйти замуж за Иркуту. Но она и слушать об этом не хотела. Бился-бился Байкал, видит - ничего не выходит, надо повременить со свадьбой. Но твердо затаил в себе решение; уважить Иркуту, настоять на своем.

Но вот подошел большой летний праздник - сурхарбан, на который каждый год стекалось к Байкалу много народу. О, как богато и торжественно обставлялся этот праздник!

Уже начались состязания, когда последним появился на празднике потомок гордого богатыря Саяна могучий и славный витязь Енисей, который сразу обратил на себя внимание всех присутствующих. В стрельбе из лука, в борьбе и в скачках он далеко превзошел всех богатырей - званых гостей Байкала.

И однажды Байкал, вызвав к себе Ангару, заявил ей прямо:

- Вот что, дорогая дочь! Лучшего жениха, чем Иркут, я тебе не советую искать, соглашайся!

Но Ангара снова воспротивилась:

- Не надо мне его! Лучше уж одна до старости лет жить буду! И убежала прочь.

Упрямый Байкал в сердцах затопал на нее ногами и крикнул вслед:

- Нет, будет по-моему!

И тут же приказал Ольхону глаз не спускать с Ангара, чтобы она не вздумала убежать из дому.

Но Ангара и не думала о побеге. Ей просто захотелось побыть одной, чтобы никто не мешал ей думать и мечтать о любимом.

И вот однажды она подслушала разговор двух чаек, которые восторженно отзывались о голубой прекрасной стране, где властвует Енисей.

- Как там хорошо, просторно и свободно! И такое счастье жить в такой стране!

Ангара загрустила пуще прежнего.

- А разве у меня нет сил? И разве я не хочу приносить всем счастье? Вот бы и мне попасть в ту голубую страну, и вместе с Енисеем жить свободно, и стремиться дальше и дальше, к неведомым просторам, чтобы всюду сеять такую же свободную светлую жизнь. О, для этого я не пожалела бы и свои волшебные бусы! . . .

Заметил терзания дочери Байкал и отдал новое повеление Ольхону; заточить Ангара в скалистый дворец и держать ее тал* до тех пор, пока она не согласится стать женой Иркута. Ничем не смогла помочь своей любимице и няня Тодокта.

Упала Ангара на каменные плиты скалистого дворца - мрачной темницы, горько заплакала, а потом успокоилась немного, раскрыла перед собой хрустальную шкатулку с волшебными бусами, и они ярким сиянием осветили ее лицо.

- Нет, ни перед кем я их не надену, кроме Енисея! Да и людей еще одарю!

Захлопнула шкатулку Ангара и взмолилась перед Ольхоном, чтобы тот выпустил ее, а когда тот и слушать не стал, обратилась к своим друзьям - большим ручьям и малым:

- Милые вы мои, родные источники! Не дайте мне погибнуть в каменном плену! Суров мой отец, но запрета его я не боюсь и хочу к моему возлюбленному Енисею! Помогите мне вырваться отсюда на волю!

Услышали мольбу Ангара большие ручьи и малые и поспешили на помощь затворнице - стали подтачивать и пробивать каменные своды скалистого дворца.

А Байкал послал к Иркуту гонца с тем, чтобы тот немедленно прибыл к нему.

- По истечении ночи сыграем свадьбу, - передавал Байкал витязю.

Крепко спал в ту ночь утомленный хлопотами Байкал. Вздремнул немного и понадеявшийся на крепкие затворы дворца верный страж - богатырь Ольхон.

Ручьи же и ручейки между тем завершили свое дело - расчистили выход из темницы. И Ангара бежала. Хватился Ольхон - нет Ангара. Как гром, раскатились окрест его тревожные вопли. Вскочил на ноги и Байкал. А когда узнал, что произошло, ему самому стало не по себе, и он страшным голосом закричал беглянке вслед:

Остановись, дочь моя! Пожалей мои седины, не покидай меня!

Нет, отец, ухожу я, - удаляясь, откликнулась Ангара,

Значит, ты не дочь мне, если хочешь послушаться меня!

Нет, я дочь твоя, но не хочу быть рабой. Прощай, отец!

Погоди! Ты видишь - я весь исхожу слезами от горя!

Я тоже плачу, но плачу от радости, что избавилась от гнета. Теперь я свободна!

Замолчи, неверная! - гневно вскричал Байкал и, видя, что теряет дочь навеки, схватил в руки скалу и со страшной силой бросил ее вдогонку беглянке, но было поздно...

Напрасно бушевал и свирепствовал Байкал, напрасно метался по горам Ольхон - они уже не смогли ни догнать, ни удержать беглянку. Все дальше и дальше уходила она, прижимая к груди заветную шкатулку. Мечта о встрече с любимым окрылили Ангару, и ей захотелось от радости свободы поделиться с людьми самым дорогим, что имела, - волшебными бусами. Остановилась на миг Ангара, огляделась вокруг. Как прекрасно было здесь! Открыла она хрустальную шкатулку, достала связку волшебных бус и бросила ее себе под ноги со словами:

- Пусть загорятся здесь огни жизни, огни счастья, огни богатства и силы!

И побежала дальше. И вдруг увидела она впереди себя скачущего наперерез всадника. Это был Иркут, он спешил преградить путь своей нареченной невесте. Собрала Ангара все свои силы и прорвалась, пробежала мимо него. Иркут остался ни при чем и заплакал от горечи и досады.

Теперь Ангаре бежать стало гораздо легче и спокойней. Да и радости прибавилось, и она снова кинула на своем пути связку бус со словами добрых пожеланий.

Так и бежала она, радостная и щедрая. А когда завидела вдали Енисея, то, вынув из шкатулки самые красивые волшебные бусы, надела их на себя. Такую и встретил ее могучий пригожий красавец, славный витязь Енисей. И бросились они в объятия друг к другу. Хоть уговору между ними никакого и не было, а вышло так, будто ждали они этого часа давным-давно. И вот он настал.

- Теперь нас уже никакая сила не разлучит, - сказал Енисей. - Будем мы с тобой в любви да согласии жить-поживать и другим того желать.

От слов Енисея сладко стало на душе у Ангары и еще радостнее забилося ее сердце.

- И я буду тебе на всю жизнь верной женой, - сказала она. - А волшебные бусы, что я для тебя держала и которые привели меня к тебе, мы раздадим людям, чтобы и они получили от этого радость и счастье.

Енисей взял Ангару за руку, и они вместе пошли по голубой солнечной дороге...

Много лет прошло с тех пор. Слезы Байкала, Ангары, Енисея и Иркут-га, пролитые ими от горя и от радости, превратились в воды. И только все бесчувственное всегда бывает подобно камню. В большой камень превратился неумолимый богатырь Ольхон, не знавший, что такое слезы. Камень поменьше, что кинул когда-то в Ангару Байкал, люди прозвали Шаманским. А добрые пожелания Ангары исполнились: там, где были брошены ее рукою волшебные бусы с камнями-самоцветами, разгорелись большие и яркие сильные огни жизни, выросли города, окрепло людское счастье. И таких городов будет еще больше.

Тут и сказке конец, а дело - всему венец.

Байкальская сказка

Т. Долбунова

У трёх сестёр было по сыну. И каждая в честь деда назвала сына Пахомом.

Все Пахомы были похожи на деда и друг на друга, как три капли воды. Рыжие, веснушчатые, крепенькие. Когда выросли, решили уехать на Байкал. Всем хороши братья, любое дело в руках спорится. Только у них, как и у деда, впрочем, один недостаток: бросали иногда начатое дело, не закончив.

Поселились Пахомы возле небольшой речке, впадающей в Байкал. Быстро построили дом из лиственницы. Узорами расписали окна, двери. Любо - дорого смотреть. Стали братья жить да поживать. Рыбу ловят, охотятся, орешками кедровыми балуются. В соседнем селе невест присмотрели, но жениться ещё не думали.

Однажды осенью, когда омуль на нерест пошёл в речку, закинули братья сеть. Много рыбы набрали. Да мало показалось, снова закинули. И ушли, а сеть в реке оставили. Потом забыли, загуляли. Билась, билась рыба в сети. Какая сама погибла, какую чайки склевали. Ни одна до нерестилища не дошла.

Другой раз братья на охоте костёр разожгли среди леса сухостойного. Тут уж пожар помарался. Сами еле ноги унесли, а уж зверя да птицы сколько погибло! О травах и деревьях говорить ничего: сгорело видимо - невидимо. Поселится тут теперь недолго вейник да кипрей. А братьям всё нипочём.

Весной Пахомы на нерп охотились, палили не жалея. Надо одну, подстрелят десять. Нет у нерп докторов, как у людей. Раненые нерпы в Байкал уйдут и там погибнут. Но когда они рады забавы подстрелили недавно родившегося нерпенка, не на шутку рассердилась владычица Байкала нерпа Иринда. Долго терпела она проказы братьев, до кончилось терпение. Как только уснули братья в своём домике - теремке, подняла Иринда ласту и махнула ветру горному. Снял ветер избушку вместе с братьями и принёс во дворец Иринды. Испуганные, предстали Пахомы перед владычицей Байкала. Умоляли простить. Но Иринда была непреклонна. Слишком много зла принесли братья. Послала Пахомов искупать свои грехи делом. Один Пахом дно Малого моря, загаженное людьми, чистил, второй - реку Ангару до самого Енисея, а третьему досталась река Селенга. Жить теперь братьям в теремке около дворца подводного, пока не закончат

работу. И только ночью на два часа Болл и Молл, верные помощницы-голомянки, всплывают с ними, чтобы вдохнуть байкальского воздуха.

Каждого, кто не жалеет обитателей Байкала и лесов, ждёт наказание - рано или поздно.

Тут и сказке конец

Байкал, Ангара и Енисей

Однажды, во время весеннего разлива, к Ангаре на водопой пришли мать Олениха и маленький Олененок. Усталые олени жадно захватывали воду большими губами и долго пили, утоляя жажду. Потом они улеглись на пригорке бок о бок. А ночь неслышно опускалась на кроны деревьев и, не торопясь, сползла на землю. Мать Олениха, как обычно перед сном, стала рассказывать что-то своему сыну. Прислушалась и Ангара:

Есть на Севере большая река Енисей, - не перейти, не переплыть. Говорят, вода там очень вкусная. Слышала я, что ждет Енисей посланца от Байкала, а посланца все нет и нет.

Заснули Олененок и его мать, и только Ангара долго ворочалась в тесных крутых берегах. А когда уснула, приснился ей витязь широкобровый. Услышала Ангара его сильный, зовущий голос, бросилась к нему, а он обернулся такой широкой рекой, что и берегов не видно.

Проснулась Ангара и понять не может: сон то был или явь. Пошла к Байкалу:

-Скажи, отец, почему тебя все любят?

И ответил дочери седой Байкал:

-Мои родители наказывали когда-то: не жди, что бы добро тебе дела ли, старайся прежде сам его сделать. Пусть твой взгляд будет так же све тел, как и твои мысли. Да будешь жив этим и благословен.

Выслушав наказ о доброте, сказала дочь отцу:

-Пойду и я искать свое место, свою дорогу. Правда ли, что ты соби рался послать добрый привет Енисею? Я хочу его передать.

Седой Байкал удивился и ответил:

-В добрый путь, дочь моя!

Помчалась Ангара, огибая валуны, водопадами спадая с гор, пересекая сухие долины, пробираясь через непроходимые чащи навстречу Енисею.

Однажды на небе появился черный дым, запахло гарью. Из зарослей на берег выскочил черно-серебристый соболек и пропищал:

- О, сестра, спаси нас! Тайга горит, все горит! Нам не убежать, не справиться, все погибнем в огне.

Из леса, задыхаясь, бежали медведи, лоси, белки. И Ангара, свернув с намеченного пути, помчалась навстречу пожару. . .

Удивляясь ее силе и решительности, огонь затих и отступил. И река помчалась по оставшимся огненным островкам.

Медведи, зайцы, соболи, лоси, таежные красавицы сосны, березы, кедры благодарно кричали Ангаре вслед:

- Породнились мы с тобой, ты нам сестрою стала! Знай это, может, и наша помощь когда потребуется!

С тех пор неразлучна Ангара с тайгой и ее обитателями, единым целым стали.

Все ближе и ближе была Ангара к своей цели. Лишь одно волновало -а как-то встретит ее Енисей? Но закончился долгий путь, и поняла Ангара, что не зря стремилась к могучему Енисею, сибирскому богатырю. Не зря одолела многие сотни верст, не зря. Енисей о разлуке и думать не мог.

И поплыл первой доброй весточкой от Ангара и Енисея к светлейшему Байкалу

белый пароход. За первым пошел второй, третий... Зажглись на берегах огни, зазвучали песни.

Живут с тех пор в любви и согласии Ангара, Енисей и Байкал. От этого прочного союза пуще разрастается тайга, множится соболь, радуя глаз серебром своего пушистого меха. Все в этом мире взаимосвязано. Реки неразлучны с тайгой. Тайга неразлучна с землей, земля неразлучна с небом.

Цветут в урочищах рек черемуховые заросли, расстилается по сопкам и гольцам алый ковер багульника, в высоких травах распахивают диковинные цветы свои синие, желтые, лазоревые глаза.

Но все чаще хмурится Байкал, слизывая битое стекло, глотая фиолетовые пятна нефти, выбрасывая на берег щелочную пену, спасая косяки серебристого омуля, рачков и каждое утро протягивает в надежде руки-волны навстречу солнцу, принимая его улыбку.

Отбросив столетия, расправляет плечи Байкал. Прощая людское зло, он все же надеется на непроходящую доброту людей.

Шаман – камень

**Записано от Георгия Максимовича
Шелковникова, о. Ольхон**

Говорят и Байкал был когда то веселым и добрым. Задумал он выдать замуж свою дочь Ангари за могучего богатыря Иркуту, но ослушалась своевольная красавица отца, убежала от него к красавцу Енисею. Отломил тогда Байкал скалу, Шаман-камень и бросил беглянке вдогонку. Упала гора на горло девушке, стала умирать Ангара от жажды и просить у отца хоть капельку воды. "Я могу дать тебе только свои слёзы", - отвечал отец. С тех пор течет Ангара водой-слезой, а Байкал всё больше хмурится.

Это, пожалуй, самая чувственная и красивая легенда об Ангаре, Байкале и Шаман - камне. Торчащая из воды скала всегда будоражила людское воображение, давая пищу для возникновения сказаний о мощи и силе сибирской природы.

Пришли к Байкалу огромные быки. Пришли из Монголии, где выпили все реки и озера, искать воду. Один бык выпил пол Ангари и уснул. Ночью старик Байкал вновь наполнил Ангари водой. Спящий бык затонул, сейчас лишь рог его виден - Шаман - камень.

Живя на берегу глубокого озера, у подножья высоких гор, люди наделяли духов и богатырей мощью и огромными размерами. Духи были большими и сильными. Казалось это одно из составляющих понятия красоты того времени.

Не тут то было!

Почти все духи страшны и безобразны. Чего стоит злой хозяин воды, живший в реках, хватающий людей с берега и уносящий их в омут!

А духи ветров!

Баргузин с огромными мутными глазами и зеленокудрый Култук, обладающий страшным криком, были соперниками. Они сватались к огромной лохматой

великанше Сарме, у которой "волосы пепельные, а щеки, что студень!"

Духи ужасны, но их можно победить. Прекрасны люди.

Сказка не заканчивается, она бесконечна, как бесконечен сам Байкал, как бесконечно убеждение, дошедшие через века, что ключ счастья, который поможет зажечь солнце новой жизни, навеки спрятан в тайге.

Как появилась Ангара
Записано от Георгия Максимовича
Шелковникова, о. Ольхон.

Было это очень давно, так давно, что тех древних людей, которые тогда жили, сейчас и в помине нету. Вся Сибирь была покрыта льдом, и те люди бродили только по маленьким островкам и кое-где находили себе пропитание. Потом льды стали таять, островков появилось больше, постепенно они начали соединяться, и получилась большая земля.

Год от года в Сибири становилось теплее, холода все дальше к Ледовитому океану отступали, и люди почувствовали большое облегчение. Раньше они ели только одну рыбу, которая водилась в озерах между островками, а теперь после ухода льда размножились звери и птицы

и человек стал привыкать к мясу.

Посреди Сибири в большой котловине появилось море, прозванное Байкалом, и это море стояло в своих берегах. Никуда оно своей воды не девало, и к нему не подходила ни одна речка.

Скучно стало ему, тоска его начала грызть: ни днем, ни ночью словом перемолвиться не с кем. Какая же это жизнь, одинокому, скалы и те рядышком растут, им и то веселее. Тосковал, тосковал Байкал, начал силы свои терять и сохнуть. А в это время в горах покоилось много воды. Много лет таяли льды и снег, и вода никуда не уходила. И воде тоже надоело стоять на одном месте. Но вот случилось землетрясение, вода с гор и гольцов прорвалась к Байкалу и подняла его высоко-высоко. Вода размывала горы и наделала много падей, и с тех пор потекли по ним ручьи и реки в море.

Ожил Байкал, веселее ему стало, в погоду гребни заулыбались, вздохнуло море полной грудью. Жить бы ему так да жить, но, видно, не привык он к спокойствию. Разбушуется ни с того ни с чего, разойдется, как богатырь, и всем тошно приходится. Скалы подмоет - они в воду рушатся, деревья с корнем выворачивает - к себе берет, берега смывает - и себе мягкое дно стелет. Хотели его маленькие речки и ручейки уговорить, чтобы он вреда никому не чинил, но не слушался грозный седой старик, не унимался. Тогда речки и ручейки принатужились, собрали по капле всю воду с гор и всей слой навалились на старика, чтобы не держал он их воду в плену и дал ей выход к другим морям и океанам.

Сила в тех ручьях и речках была большая, чем в самом Байкале. Сколько он ни держал их у себя в берегах, которые он обнес скалами и высокой стеной леса, но удержать не мог. От тяжести воды, которая пришла от ручьев и речек, дно Байкала около Саян начало опускаться. Вода просочилась глубоко под дно, до самых белых камней. Камни эти, как известка, закипели и прорвали берег, разломали скалы, и повалила вода вниз по долине, сделала себе широкую дорогу.

Увидел старик Байкал, что богатство его уходит, рассердился и бросил в провал большой камень. Провал тот камень проглотил. Старик больше прежнего бросил камень, и тот ушел под воду. Тогда он бросил последний камень, который теперь видно, но обессилел и затих. Подумал старик, что ничего ему теперь не сделать, и смирился. А вода тем временем шла и шла по провалу и прорвалась до самого океана.

Видят речки и ручьи, что старик запечалился, сказали ему: "Не горю, наш отец, пока мы живы и ты будешь сильным". С тех пор прошло много лет. На берегу Байкала поселились буряты. Они идут от людей, при которых случился провал. Провал буряты называют Ангарой, потому и реку, которая идет от провала, они до теперешнего времени зовут Ангара.

Стихи о притоках Байкала

Горбунов А.

Речка Куда

Ты куда бежишь, Куда, Родниковая вода?

Прожурчала речка:
Я бегу далечко,
За кудыкины луга,
За кудыкины стога,
Там живут кудыки
Щечки в голубике;
Прибегу — умою
Шелковой волною!

М. Кривошеин

Вдруг утес – гора упорная
Преградила путь ему
И, как крепость непокорная,
Не пускала вдаль волну...

Но напруг он грудь свободную, -
С треском рушилась гора –
И по ней волной холодной
Зашумела Ангара!

Георгий Вяткин

В ненастный день иль ясным
утром,
Стоит ли осень, иль весна,
Все Ангара великолепна,
Все новой прелести полна.

Все восхищенный взор чарует,
Своей капризной быстриной,
Своей хрустальной глубиной
Своей лазурною, как море,
Зеленоватою волной.

Георгий Вяткин.

Немало чудных рек в Сибири
Быстрее этих и сильней,
красивей этих несравненно
Иртыш и Обь, и Енисей.
Не перечесть нам рек и речек
Светлей и чище серебра,

Ангара

Георгий Вяткин.

Как лед студеной и летом,
Стекла прозрачнее она,
в ней каждый камешек увидишь,
В ней рыбка каждая видна.
Какой мозаикою пестрой

ИСТОК АНГАРЫ

М. Сергеев

Когда висит июльская жара,
до самой кости
землю пригревая, -рукой
прохладной горы разрывая
из моря вылетает Ангара.
Вода свита в тугой упругий жгут,
река летит крылато и картинно,
пока ее не приструнят плотины и
радугу
над лесом не зажгут.
Пойдет огонь - как бы река сама:
быть городом среди берез и
сосен...
Но лето тает, и приходит осень,
а вслед за ней - сибирская зима.
Сугробы - словно слитки серебра,
у берега байкальского - торосы,
но, посрамив всеильные морозы,
открытой грудью дышит Ангара. .
И что с того, что холод так

Но нет прозрачней и прекрасней
Чем дочь Байкала – Ангара.
Как будто в каменной ограде,
В кольце величественных скал,
Суровый, гордый и прекрасный
Покоится старик Байкал

Все дно расцвечено у ней,
Из белых, синих, желтых,
красных,
И разных галек и камней.

жесток,
что белый пар над волнами
витают,
О, как она отважно вылетает,
как дерзок и стремителен поток!
Легка, прозрачна и темна вода,
и в заберега бьет струя витая,
И утки здесь живут, не улетаю,
и также презирают холода.
Уснул Байкал под снегом января
на древнем ложе, окруженном
чашей,
доверив зиму дочке работающей,
которую он вырастил не зря.
Так дерзок и стремителен исток,
ак молодо - неукротима сила:
в турбинах Ангара заколесила,
и лопасть для нее - как лепесток! ..
.И если, друг, ты накопил года,
и даже повидал чудес немало,
но Ангара не видел и Байкала –
то, что, скажи мне, видел ты тогда?

Ветры Байкала

Сказки, рассказы, проза

Омулевая бочка

Стародумов В.П.

Случилось это очень давно. Но русские тогда уже промышляли омуля на Байкале и в рыболовецком деле не уступали коренным жителям Славного моря — бурятам да эвенкам.

А первым среди умельцев-добытчиков значился дедко Савелий — недаром в вожаках полжизни проходил и морем кормился сызмальства. Крепко своё дело знал старый рыбак: подходящее место найти и время для лова выбрать верное — это уж из его рук не выскочит. Родовую свою дедко Савелий вёл от рыбаков поселения русского Кабанска, а кто не знает, что кабанские рыбаки по всему Славному морю

за самых фартовых считались.

Излюбленным угодием дедка Савелия был Баргузинский залив, где он и неводил чаще всего. Плёт этот близок от Кабанска, но байкальскому рыбаку приходится выезжать зачастую и дальше: в поисках омулёвых косяков на одном месте не засидишься.

Вот здесь-то как-то утром после удачного замета рыбаки позавтракали жирной омулёвой ущицей, напились крепкого чаю и расположились у моря на отдых. И потекла у них беседа о том о сём, а больше — о той же рыбе, о её повадках, о тайнах морских глубин.

А был в этой артели особо пытливый парень, большой охотник послушать бывалых рыбаков, у которых уму-разуму набраться можно. Хлебом молодца не корми, а уж если что запало в душу — дай разобраться, без этого и спать не ляжет, себе и людям покоя не даст.

Звали парня того Гаранькой, и родом он был откуда-то издалека, потому и хотелось ему побольше узнать о Славном море. Неспроста он дедки Савелия держался близко и всё норовил выведать у него что-нибудь, донимал вопросами всякими, а у того и в привычке не было, чтоб с ответом медлить: всегда человека уважит.

И на этот раз Гаранька сидел рядом с дедком Савелием и слушал всё, о чём он рассказывал, а потом вдруг и спросил его:

— А правда, что здешние ветры имеют власть над рыбами?

На это дедко Савелий ответил не сразу. Поглядел он на Гараньку с удивлением и спросил:

— О бочке, что ль, прослышал?

Гаранька того больше удивился.

— О какой такой бочке? Ничего не знаю...

— Есть такая... омулёвая. Особенная она, бочка та. Волшебная...

У Гараньки даже дух захватило от услышанных слов, он и пристал к дедку Савелию:

— Так расскажи о ней. Расскажи, дедко!

Дедко Савелий куражиться не любил. Набил трубку табаком, раскурил её от уголька и, видя, что не только Га-ранька, но и все остальные рыбаки наострили уши, неторопливо начал:

«Дело-то из-за рыбы нашей байкальской получилось, а как давно это было и как это открылось миру, неведомо мне. Старики сказывают, а им вся вера. Над рыбьими угодьями тогда, сказать надо, хозяйничали ветры-великаны — Култук и Баргузин, попервости — хорошие приятели.

А страшилищами были оба — словами не передать! Густые волосы разлохмачены, пеной брызжут почище бесноватых, пойдут гулять по морю — света белого не увидишь! Любили они друг к другу в гости ходить — поиграть, повеселиться. А для забавы была у них одна на двоих игрушка чудесная — омулёвая бочка. На вид простенькая такая, обыкновенная, какие и теперь наши бондари делают, а вот силу-то как раз она имела необыкновенную: куда плывёт она, туда и омули неисчислимыми косяками тянутся, будто в бочку ту сами просятся. Ну, это и забавляло великанов. Налетит на Култука Баргузин, расшумится, выкинет бочку из пучины да и бахвалится:

— Гляди-ка, сколько рыбы нагнал! Видимо-невидимо! Попробуй проворотить!

А Култук выждет своё время, подхватит бочку ту и посы-лает её обратно со смехом:

— Нет, ты лучше на мои косяки погляди да полюбуйся: чай, побольше будет-то!

Так и вводили они друг друга в задор. Не то чтобы им нужна была эта рыба или за богатство какое они считали её, а просто нравилось им проводить время как можно озорнее. Прикинуть в уме ладом, так будто и не такое уж заманчивое занятие, а вот не надоедало им. И доньне, пожалуй, так перекидывались бы они омулёвой бочкой, да вдруг крутенько повернулась им эта забава.

А получилось вот что.

Полюбили богатыри Сарму, горную богатыршу, хозяйку Малого моря. Оно называется так потому, что от Большого моря, Байкала, отделяет его остров Ольхон.

А у Сармы свой путь по волнам проложен, и если уж разгуляется она каким часом, то добру не бывать: норов-то у неё покруче, чем у Баргузина с Култуком, да и силы побольше. А кого не за-манит иметь такую жену.

Вот раз Баргузин и говорит Култуку:

— Хочу жениться на Сарме — сватов засылать буду...

Да не больно-то по сердцу пришлись Култуку такие слова, он и говорит:

— А это уж как ей поглянётся. Я-то ведь нисколько не хуже тебя и тоже хочу, чтоб она была моей женой. Я тоже пошлю своих сватов, а там видно будет, за кого пойдёт Сарма.

На том и порешили. Без спору и обиды, по доброму согласию. А в скором времени и ответ от Сармы принёс баклан — птица морская:
— Замуж выходить меня пока неволя не гонит, но приглядеть жениха надо.

А вы мне нравитесь оба — и видные-то вы, и весёлые. Однако ж кто из вас лучше — судить буду после, когда увижу, кто скорее исполнит моё желание. А желание моё таково: хочу иметь омулёвую бочку, чтобы и моё Малое море кишело рыбой. И кого из вас я увижу с бочкой первым, того и назову своим мужем!

Совсем не хитрым показался богатырям каприз невесты, только и делов — завладеть бочкой, выкинуть её в Малое море, и гуди победу — станешь женихом. Ан не тут-то было! В той кутерьме, которую подняли ветры-великаны, когда улетел баклан, никак нельзя было определить, кто кого осилит. Только Баргузин ухватится за бочку, как Култук тут же вышибет её и норовит за собой оставить, но через миг бочка снова в руках Баргузина. Ни в какую друг другу уступать не хотят. Так остервенились, что по всему Байкалу слышно было, как они ворочаются и ревут. Да и бочке ладно досталось — только знай поскрипывает да летает с места на место. Совсем разъярились богатыри, оставили бочку, да и кинулись грудью друг на друга, сцепились, ревут, пеной брызжут. Долго возились, а поскольку силы-то у обоих одинаковые, один другого не может одолеть.

...Уморились, глядь, а бочки-то и не стало вдруг: то ли в воду ушла, то ли в небо улетела...

Пометались, пометались разъярённые ветры-великаны да и затихли, уморились от напрасных поисков. Решили подождать, когда бочка сама появится. А только напрасно на то надеялись: бочки будто и вовсе не бывало. День прошёл, за ним другой, потом недели полетели, месяцы, а бочки всё нет и нет. Ветры-богатыри и понять не могут, с чего так получилось? Измучились от дум да от мук сердечных: жаль, что игрушку волшебную упустили и Сармы лишились. А по-том порешили, что это сам Байкал отобрал у них свой подарок-бочку из-за их раздора и запрятал её в своих глубинах.

Сарма же сперва ждала, чем кончится спор у великанов, а потом послала своего верного баклана передать богатырям, что она ни за кого из них замуж не пойдёт, одной, мол, лучше. Да ещё и посмеялась: какие-де вы богатыри, раз не сумели бочку удержать в своих руках!

Только с тех пор, говорят, в Большом море куда меньше рыбы стало, чем прежде. Вот и думается, что хорошо было бы, коль эта омулёвая бочка нашлась бы, но где она сейчас, никто не знает...».

Кончил свой рассказ дедко Савелий и перевел дух. Вздохнул и Гаранька — будто воз на гору затащил. Так всегда бывало с ним: слишком уж заслушивался он, когда кто рассказывал что-нибудь удивительное, лицом даже каменел. Перебивать он

никогда не перебивал рассказчика, а неясное всё на память брал, чтобы потом не скупиться на вопросы. Так и тут получилось.

— А может, Сарма и в самом деле достала ту бочку? — спросил он у дедка Савелия.— Взяла и утащила у богатырей, пока те боролись.

— Да кто ж его знает, всё может быть,— ответил он.— Сарма самая сильная из ветров-великанов, её сам Байкал побаивается и устоять перед ней не может, готов исполнить любую её прихоть. А Сарма-то, Гаранька, такая: побалует-побалует да вдруг ко всему и охладает, отступится...

С той поры глубоко запала в голову парня дума о чудесной омулёвой бочке, которую прячет где-то в своих глубинах батюшка Байкал.

«Вот бы найти её да к делу пристроить в нашем рыбацком промысле»,— часто мечтал он и всё ждал, когда представится такой случай.

Сколько-то времени прошло с тех пор, и вот снова рыбачила дедушкина артель в Баргузинском заливе. Работали рыбаки дружно, но на этот раз улов оказался совсем ничённым. И сколько ни заводили невод, а рыбы вытащили, что кот наплакал.

— Так не пойдёт дело,— нахмурился дедко Савелий.— Рыбы здесь нет. Да вроде и не предвидится.

— А не поплыть ли нам в Малое море? — живо встрепетнулся Гаранька.

— А что, можно опробовать,— поддержал дед Савелий,— в Куркутскую губу, авось нам там подфартит.

Рыбаки согласились. Приплыли они в Куркутскую губу, поставили шалаш из бересты на берегу и подготовили снасть к замёту.

А плёс такой облюбовали, что краше и не бывает, поди. Тут и скалы могучие да высокие, и тайга-матушка зелёная, а над водой чайки да бакланы летают и кричат. С неба лазоревого солнышко светит и греет ласково, а воздух такой медовый разлит вокруг, что и надышаться невозможно. Однако дедко Савелий, глянув на небо, нахмурился вдруг.

— Не быть сегодня удаче. Видите, над ущельем белые кольцевистые морока появились, навроне тумана. Непременно вскорости Сарма пожалует.

Гаранька так и обмер.

— Неужели доведётся увидеть богатыршу эту?

— Непременно доведётся.

Сказал это дедко Савелий и велел всё прибрать и запрятать в скалах, а шалаш снести — всё равно-де Сарма разрушит его. И только управились с делами рыбаки, как точно ударил с угрюмых гор сильный ветер и вокруг сразу стало темным-темно. Зверем заревело Малое море, затрещали на его берегах вековые деревья, со скал полетели в воду огромные камни...

Гараньке хоть и не по себе стало от такой страсти, а любопытство всё же взяло верх, высунулся он осторожно из-за укрытия.

Видит, нависла над морем огромная, будто из дыма сотканная голова женщины, страшная и лохматая. Волосы пепельного цвета с проседью, щеки, что студень, так и трясутся, изо рта пар густой валит, а губы, что мехи кузнечного горна, так волны и вздувают, нагоняют друг на друга.

— Ох, и сила же! — подивился Гаранька и скорей обратно в укрытие полез.

Дедко Савелий улыбнулся:

— Ну, как Сарма? Приглянулась?

— Ой, дедко, век бы с ней не видеться и не встречаться!

— Да, Гараня, красоту всяк по-своему понимает. Тебе страшна, а для Култука или, скажем. Баргузина — не сыскать краше. Так-то.

Долго ли, коротко ли бушевала разъярённая Сарма, а все же наконец стихла. И когда над Куркутской губой снова заликовало солнышко, вышли рыбаки из своих укрытий и видят: на прибрежном песке, около их стана, лежит прибитая волнами какая-то бочка, а на бочке той баклан чёрный, как обугленная головешка, сидит. Но сидел он недолго, поднялся и улетел, а на его место села чайка, белая-белая, и начала клювом копать в своём крыле.

Рыбаки, конечно, диву дались. И у всех сразу одна дума в голову ударила: уж не та ли это чудесная омулёвая бочка всплыла, которую Баргузин и Култук потеряли в давнишнем споре? Но вымолвить этого не смеют — глядят на дедка Савелия и ждут, что он скажет.

Не хватило терпения у одного лишь Гараньки.

— Дедко... она, поди, а?

А тот и сам оторопел, молчит да поглядывает на берег исподлобья. Наконец одумался и команду дал:

— Идите за мной!

И повёл рыбаков на отмель. Чайка, завидя людей, взмахнула крыльями, закричала что-то по-своему да и взмыла в воздух. И тут, откуда ни возьмись, другие чайки, а с ними и бакланы поналетели, и такая их тьма объявилась, что неба не видно стало. И начали они всем скопом в море нырять и рыбу доставать да пожирать.

— Добрая примета! — молвил дедко.

А когда подошёл и глянул на бочку — не стал сомневаться и тут: по всем признакам бочка та — и сделана на диво добротнo, и выглядит краше всяких других, и дух от неё исходит такой остро-пряный!

— Ну, Гаранька, правый ты был, вот кто так долго бочку хранил, теперь-то нам будет удача, — сказал парню дедко Савелий и поглядел на море. А там тоже перемена. Раньше были разные полосы воды: светлые — тёплые и темные — холодные, рыбой не терпимые. И вот на тебе: никаких полос и слоев, одна ровная, гладкая поверхность. Это дедко Савелий за хорошую примету принял. Повернулся он к рыбакам и сказал весело:

— Богатый ноне улов будет! Тут не надо и воду щупать и корм рыбий искать!

И рыбаки принялись за дело: погрузили в мореходку снасти и выехали в море на замёт.

Вот плывут они не спеша и невод помаленьку в воду выбрасывают. А когда выбросили, дедко Савелий крикнул на берег:

— Ходи!

Сам одной рукой кормовое весло к бедру прижимает, правит, а другой бороду приглаживает и улыбается. Удачу чувствует. Глядя на жоака, и остальные рыбаки готовы чуть ли не песни петь, да удерживаются: не хотят прежде времени радость свою показывать.

Не дремали и оставшиеся на берегу — начали они вер-теть ворота и наматывать на них концы невода, чтобы вытащить его на берег. И тут заметили рыбаки с баркаса, что на плёсе какая-то заминка вышла: остановились люди.

— Что там? Заело? — подал голос с кормы дедко Савелий.

— Да нет,— закричали с берега.— Тянуть больше не можем, не под силу!

— Экая напасть приключилась,— удивился вожак, баш-лык по-местному, и давай торопить гребцов, чтоб поднажа-и.— Надо помочь ребятам.

И вот уже вся артель за ворота встала.

—А ну, ходи! — скомандовал дедко Савелий.

Приналегли ребята, поднатужились. Что такое? Вороты ни с места. И от помощи никакого толку не вышло. Рыбаки ещё больше удивились и забеспокоились.

— Хилое дело...— вздохнул башлык и даже затылок почесал от досады. Не рад стал, что столько рыбы зачерпнул своим счастливым неводом.

— Не достать ведь, ребята, по всему видать. Что делать будем?

А что оставалось рыбакам? Один и был исход: распороть мотню и выпустить рыбу на волю. Сколько ни судили, сколько ни рядили, только время дорогое потратили, сошлись всё же на том, чтобы хоть невод пустой вытащить.

Так и сделали. Выехали в море на подъездке, распорол мотню у невода и выволокли его на берег. К вечеру высушили невод и починили. И тут дед Савелий по упрямству своему решил ещё раз испытать счастье — что выйдет.

Рыбаки возражать не стали.

Но и второй замёт таким же колесом пошёл. Пришлось снова распороть мотню. С тем и заночевали.

Наутро дедко Савелий уже не решился выходить в море, предусмотрителен стал. Но и делать что-то надо было. С пустыми руками возвращаться — кому охота? Собрали совет. Дедко Савелий предложил:

— Надо, ребята, волшебную бочку в море пустить. Тогда опять всё пойдёт своим чередом. Согласны, что ль?

Эх, и прорвало тут Гараньку! Вскочил он, закричал:

— Да разве можно бросать такую бочку, дедко? Нам счастье в руки даётся, а мы отказываемся от него! Ведь столько рыбы никому не доводилось выдывать! Да с такой бочкой весь свет завалить рыбой можно! Неужели мы такие дураки будем, что выбросим её?

Дедко Савелий выслушал Гараньку спокойно, а потом так же спокойно сказал:

— Чудак ты, Гаранька! Какое же это счастье, если рыбы много, а взять её нельзя? Пусть лучше меньше будет, да всё в руки нам попадёт. Не жадничай, паря, как жадничала Сарма. Ей-то самой надоело, так нам задачу задала озорница...

И порешили рыбаки чудесную бочку эту в Большое море пустить. Полюбовались и столкнули её в воду.

— Пусть по всему Байкалу плавает, а не в одном месте,— махнул рукой дедко Савелий.— Глядишь, лишняя рыба уйдет в Большое море, и тогда везде будет богато её. А достать рыбу мы всегда достанем, только бы руки да сноровка при нас остались.

А Гаранька совсем в уныние впал, когда увидел, что волны подхватили волшебную омулёвую бочку и понесли её вдаль.

И вдруг из лазоревого море стало тёмным, потемнело и небо, заволочлось тучами, и всё вокруг загудело, заходило ходуном. И волны поднялись такие огромные, что закрыли бочку.

Дедко Савелий нахмурился.

— Баргузин подул, быть нам и сейчас не при деле. Пусть побалуует...

Услыхал Гаранька про Баргузин — куда и обида делась! Кинулся к дедку Савелию:
— Неужели и этого богатыря увидеть доведётся?

— А ты на море погляди...

Гаранька глянул — и ахнул: за дальними волнами, там, где море сходилось с небом, поднялась страшная голова с огромными мутными глазами и всклокоченными белопенными волосами, с которых змейками-струями стекала вода. А потом над водой вытянулись крепкие жилистые руки и по всему морю разнеслось:

— Э-гэ-гэй!!!

От богатырского зычного крика море заволновалось ещё пуще, и Гараньке стало не по себе.

— Ох и чудище! Хоть и не Сарма, а боязно...

Но на море глядит, за Баргузином следит. А тот снова:

— Э-гэ-гэй!!!

И тут заметил Гаранька, что в руках Баргузина появи-лась волшебная омулёвая бочка. И не успел парнишка глазом моргнуть, как бочка эта была отброшена богатырём далеко-далеко. И в ту же минуту море успокоилось, тучи рассеялись, и над водами снова засияло солнце, а Баргузина и след простыл. Дедко Савелий заулыбался:

— Ну, вот и нашлась волшебная игрушка. Непременно сейчас Култук откликнется...

— И его мы можем увидеть? — разинул рот Гаранька.

— Сдаётся, что так.

И только успел сказать эти слова старый башлык, как море из лазоревого снова стало тёмным, потемнело и небо, заволоклось тучами, и всё вокруг загудело, заходило ходу-ном. И волны по всему морю поднялись такие огромные, что за ними ничего сперва и не видно было, а только через минуту появилась зелёнокудрая голова другого страшилища, и на всю морскую ширь громовым раскатом пронеслось:

— Э-гэ-гэй!!!

Хоть и ожидал появления Култука Гаранька, а всё же снова страшновато стало. А когда увидел в руках Култука волшебную омулёвую бочку и как тот через минуту кинул её назад, подумал: «Что-то будет теперь!» А ничего и не было. Култук исчез, просветлело, успо-коилось море, и всё вокруг озарилось солнечными лучами.

— Вот и славно, ребята, — сказал дедко Савелий. — Видать, Баргузин и Култук забыли ссору. Теперь снова волшебная бочка будет при деле. А у Сармы богатств в Малом море и без бочки хватит...

А на морской поверхности между тем снова разные по-лосы появились, и светло-голубые — тёплые, и иссиня-чёрные — холодные. Но эта перемена не обескуражила дедка Савелия.

— Ловить рыбу будем так, как ране ловили, — сказал он — Потрудимся с честью — добудем рыбы, а нет, так брюхо подтянем. В полдень замечем невод...

И вот в полдень повёл дедко Савелий свою артель в море. Выметали невод, поплыли назад. На берегу уже концы тянуть начали. Ходко пошло дело!

А что рыбы вытащила на этот раз артель дедка Савелия, так не скажешь словами: видеть надо!

Повеселели рыбаки, ожили. Легко стало на сердце и у дед-ка Савелия. Повернулся он к Гараньке, усмехнулся и говорит:

— Ну, будешь ещё попрекать меня волшебной бочкой?

— Нет, дедко, не буду,— весело сказал Гаранька.— Твоё умение волшебнее...

Тайга (автор неизвестен)

Когда-то в Сибири стояло вечное лето и на мирных просторах ее обитал трудолюбивый, добрый народ: землю пахал на мамонтах и сеял хлеб. Вольготно, весело жил! В каждой семье ребятишек, что гороха в мешке.

Один только царь - синеокий Баргузин да его златоволосая жена - царица Селенга печалились: не было у них детей.

Каждую ночь снился царю один и тот же сон: влетит в окно птица-заряница, хлопнет крылом о крыло, обернется стройной девушкой и расчесывает ему кудри перламутровым гребешком. Никому про тот сон царь Баргузин не сказывал, чтобы царице Селенге не проговорились, - очень уж подозрительной была, к собственной тени мужа ревновала.

Отправился раз царь Баргузин в дремучие леса погулять, кручину развеять. Шел-шел. Вдруг видит: сидит на кусточке та самая птица-заряница. Решил поймать. Подкрался, а она на другой кусточек перепорхнула. Так и пошло: он - к ней, она - от него... Завела в глушь - неба не видно.

Хлопнула птица-заряница крылом о крыло, обернулась стройной девушкой.

- Узнал? - спрашивает.

- Узнал, - отвечает царь Баргузин. - Кто ты?

- Тайга, хозяйка лесов. Люб ты мне, вот и прилетаю в твои сны. Дочку и двух сыновей тебе родила! - Махнула кедровой веточкой, расступились деревья, и вырос перед гостем перламутровый дворец. Повела Тайга дорогого-желанного в богатые хоромы. Навстречу девочка и два мальчика выбежали.

- Батюшка пришел!

Тайга зарделась от счастья.

- Дочку Сармой назвала, - хвастает. - Старшенького - Култуком, а младшенького, как тебя, - Баргузином.

Устроили пир. Сарма отцу на колени забралась, ласково заглядывает в синие очи, смеется. Хозяйка лесов разливает царю Баргузину в перламутровую чашу пьяного дикого меда, уговаривает:

- Оставайся жить с нами. Детям отец нужен...

Отодвинул он от себя перламутровую чашу с диким пьяным медом и рассудил так

- Не царское это дело - про свой народ забывать, гордую царицу Селенгу выставять на посмешище. Не прилетай ко мне больше, милая Тайга. От детей не отказываюсь. Придут в гости, рад буду.

Горько заплакала хозяйка лесов, покатались хрустальные слезы по зеркальному полу - раздался нежный звон, будто на лугах голубые колокольчики запели. Подняла одну, протянула любимому:

- Возьми, пусть Селенга проглотит и запьет березовым соком. Родится мальчик, назовите Байкалом. Будет на кого под старость лет опереться...

Вернулся царь Баргузин домой, проглотила царица Селенга хрустальную

слезинку, запила березовым соком и вскоре родила сына. Растет Байкал не по часам, а по секундам. Родители души в нем не чают, до того пригожий да послушный! Сарма, Култук и младшенький Баргузин к отцу в гости зачастили. Братца нянчат. Царица Селенга мужа в измене стала подозревать:

- Пришлые ребятишки-то на тебя пошибают! Откуда взялись? Тупит царь очи, молчит, как в рот воды набрал. Давай она Сарму, Култука и младшенького Баргузина выспрашивать, те и выложили:

- Наша матушка - хозяйка лесов, а батюшка - царь Баргузин... Помрачнела царица пуще тучи, напустилась на мужа:

- Коварный изменщик!

- Я не виноват, возмутился тот, - хозяйка лесов сама птицей-заряницей в мои сны прилетала, перламутровым гребешком кудри расчесывала. Наш Байкал из ее хрустальной слезинки родился... Помнишь, березовым соком запивала?

- Если так, - облегченно вздохнула царица Селенга, - пусть ребятишки у нас живут, но и про мать не забывают. Выходит, не чужие они Байкалу. Я тоже к ним привыкла, особенно к Сарме - шустрая девчонка!

Вымахал Байкал - шапкой звезды достает. И ум, и стать - все при нем. Сарма, Култук и младшенький Баргузин хоть и постарше его, но все еще из

детских проказ не выросли. Теперь Байкал в оба за ними следит, чтобы где-нибудь беды не натворили. Царь Баргузин и царица Селенга радуются: серьезный молодец, такому и царство смело можно доверить, когда состарится.

Поехал однажды Байкал на мамонте во зеленые луга песню иволги послушать и натолкнулся на дочь пастуха - Ангару. Сидит ненаглядушка под плакучей ивой, плетет веночек из незабудок, а сарафан на ней радугой

переливается. Глянули друг на друга и влюбились без памяти. Посадил Байкал свою суженую на мамонта и повез во дворец отцу-матери показать, родительского благословения попросить.

Царь Баргузин и царица Селенга его выбором остались довольны: милей и старательней Ангары во всем царстве невесты не сыщешь.

Стали свадьбу играть. Большой праздничный костер в ночь развели, чтобы вокруг него хороводы водить, молодых славить. И старого и малого пригласили на свадебный пир, а про Тайгу на радостях забыли.

Сарма, Култук и младшенький Баргузин шалят: подожгут от костра прутик и машут им, алые круги выписывают. Уголек возьми да и отскочи на сухую траву... Испугались шалуны и бросились в разные стороны. Охватило гудящее пламя смертельным кольцом веселую свадьбу.

А в это время хозяйка лесов - Тайга сидела в своем перламутровом дворце и горевала. Обидно ей, что на свадьбу не пригласили. Вдруг слышит, за окном глухари тревожно защелкали, мамонты заревели. Выбежала на крыльцо - обдало каленым дымом. Взвилась птицей-заряницей в ночное небо и ахнула: владения царя Баргузина горят! Огненные змеи ползут по хвойным распадкам вглубь дремучих лесов. Давай она причитать да плакать, хрустальными слезами пожар тушить. Не помогло. Решила тогда: «Если народ не могу спасти, спасу хотя бы леса...» И превратила царя Баргузина, царицу Селенгу, невесту Ангару в текучие реки, Байкал - в огромное прозрачное озеро, а подданных - в речушки и ручейки. Зашипели огненные змеи, наткнувшись на воду, и погасли.

Сарму, Култук и младшенького Баргузина в наказание за баловство разгневанная мать обернула в буйные ветры и предупредила, чтобы никогда не собирались вместе, иначе опять наделают бед.

Прошли века. Многое изменилось с тех пор: кончилось вечное лето, исчезли с лица земли мамонты, макушки гольцов покрыло нетающими снегами. Сибирь заселили тунгусы, вслед за ними на мохнатых лошадках прискакали из знойных степей буряты, а еще позже - вернулись далекие потомки поданных синеокого царя Баргузина и златоволосой царицы Селенги, чудом уцелевших во время великого пожара. Выслеживая в дремучих лесах соболя или изюбря, нет-нет да и увидят охотники птицу-заряницу. Промелькнет между деревьями и канет бесследно. Бойтся хозяйка лесов Тайга на глаза людям показываться: жестокие времена наступили - убьют.

То березкой, то осинкой в тихий час крадучись выйдет на обрывистый берег прозрачного озера, подолгу любуется на свое отражение и удивляется:

- До чего же Байкал на меня похож!

Оно и понятно: он же из ее хрустальной слезинки родился.

КАКАЯ это Сарма! С давних времен заметили люди, что ветра на Байкале большую власть над рыбами имеют. Наблюдательность рыбаков тому свидетельство. Кто из них чутко следит за тем, какой ветер подует, тот всегда удачен будет, в нужное место сети поставит, всегда с большим уловом с Байкала вернется. А хозяйничали в старину над рыбьими угодьями только два байкальских ветра-великана — Култук и Баргузин. Были Култук с Баргузином вначале хорошими приятелями, любили друг к другу в гости ходить, играми себя богатырскими тешить. Да и игрушка у них была особая — омулевая бочка. С виду простенькая такая, обыкновенная. Но вот силу имела необыкновенную: куда бросят ветры-великаны ту бочку, куда поплывет она, туда и омули неисчислимыми косяками потянутся. Как будто сами в бочку просятся. Перебрасывали ветры-великаны ту бочку друг другу, перегоняли туда-сюда косяки рыбы. Так бы и тешились они до сих пор этой нехитрой забавой, если бы промеж них ссора не вышла. А дело так было. Нежданно-негаданно полюбили вдруг ветры буйные красавицу Сарму — строгую властительницу западных ветров, хозяйку Малого моря, которое отделено от так называемого Большою моря островом Ольхон. Заметим к случаю, что Сарма исстари свой нелегкий характер на байкальских водах проявляла. И если уж Сарма вырвется на волю, если вдруг разгуляется по байкальским просторам, то добру не бывать: улова у рыбаков не будет, а будут только беды да несчастья. Стократно убедились местные рыбаки, что, как только задует Сарма, лучше уж сразу сворачивать свои сети да убираться восвояси, в душе радуясь, что живыми остались. Потому и идет в народе молва, что нрав-то у Сармы покруче будет, чем у Баргузина с Култуком. Итак, восплававшие любовной страстью Баргузин и Култук, не мешкая, послали своих сватов к Сарме. А в скором времени и ответ от нее получили. Его баклан — птица такая морская на Байкале водится — принес: «Замуж меня пока неволя не гонит, но женихов испытать имею охоту. Оба вы видные, статные, веселые да работающие. А кто из вас лучше, судить буду после того, как увижу, кто вперед выполнит мое желание. А задание мое такое будет: подарите мне свою чудобочку! Хочу, чтобы и мое Малое море кишело рыбой! Вот кого я увижу с бочкой первого, того и назову женихом своим!» Совсем нехитрым показался друзьям-

ветрам каприз невесты. Изловчились богатыри, враз ухватились за бочку, да так и застыли: ни тот ни другой не хотят выпустить ее из рук — всякому хочется первым быть. А силы-то у обоих равные! И только было ухватились они всерьез биться, как глядь, а бочки-то и не стало, выскользнула она из рук, да и ушла на дно.. Уже потом ветры-великаны узнали, что седой Байкал сильно рассвирепел за то, что из-за чудесной бочки раздор промеж них вышел. Ведь это был его подарок богатырям. Потому отобрал он волшебную бочку да и спрятал ее в своих глубинах. Ему-то какое дело, что из-за этого свадьба у Сармы расстроилась! А красавица Сарма сперва терпеливо ждала, чем закончится состязание, а как узнала, что случилось, так сразу же послала своего верного баклана передать богатырям, что ни за кого из них замуж она не пойдет. Да еще и упрекнула вдогонку: «Какие же вы, дескать, богатыри, коли не сумели бочку-то в руках своих удержать. Я-де посильнее вас буду, сама уж как-нибудь её достану!». И ведь действительно исполнила задуманное, достала-таки себе бочку омулевую! Теперь на Малом море омулей видимо-невидимо стало! А Сарму — не без основания — считают самой сильной из байкальских ветров. Говорят даже, что ее сам грозный Байкал побаивается, не может перед ней устоять, готов исполнить всякую её прихоть! Култук же с Баргузином до сих пор друг друга знать не хотят — каждый своим путем по Байкалу-озеру ходит. Ну, а уж ежели по старой привычке и делают набегі один в сторону другого, то попеременно, каждый в свое время, чтоб, значит, не встречаться друг с другом лицом к лицу. Стыдятся, видно, что так оплошали — с заданием Сармы-красавицы не справились.

Проза

Ветры Байкала О. Татарникова

Верховик приходит после красного восхода

Один из самых известных - северный ветер верховик. Дует он с севера на юг или на юго-запад из долины Верхней Ангары, оттого и получил такое название. В разных частях озера его зовут по-разному: верховка, север, сивер, ангара (правда, это название чаще применяют в северной части озера, потому что в южной ангарой зовется ветер в истоке знаменитой реки).

Первые верховики набирают обороты где-то с середины августа. Предвестником верховика служит ярко-красный горизонт перед восходом солнца. Часто ветер начинается утром и стихает к закату, но все-таки, как правило, дует дней по десять. Он может быть сразу на всем Байкале. И погода при этом ветре стоит сухая и ясная, да и порывов сильных нет, только в открытой части озера вода быстро становится темной и покрывается белой пеной. Видимо, отсюда и еще одно название ветра - черновина. Благодаря продолжительности и отсутствию порывов, верховик может

создавать очень большие волны. В ноябре - декабре, перед замерзанием Байкала, верховики становятся свирепыми. Волны после них долго не стихают, и на озере стоит мощная пологая "мертвая" зыбь.

Култук несет самые сильные шторма

Ветер Култук, дующий вдоль озера с юга в северо-восточном направлении, рождается в заливе Култук, точнее в пади Култучная. Он же низовик, низовка. Его предвестники - огромные мрачные тучи на юго-западе озера. Этот ветер несет дожди и пасмурную погоду. Иногда весной и в начале лета култук дует и при ясной погоде. Может задувать сразу над всей котловиной озера, но не так долго, как верховик. Чаще и сильнее култук бывает осенью. Характерная особенность этого ветра - появление тумана на гольцах хребта Хамар-Дабан. Нередко култук налетает внезапно, и так же внезапно может уступить место верховику.

Култук - один из главных среди байкальских ветров. Он приводит к самым сильным штормам на Байкале, поднимая огромные угрюмо-свинцовые волны. В середине лета ветер способен резко поменять направление, тогда сталкиваются два противоположных ветра - верховик и култук, и образуются "толкуны", так называют беспорядочные волны.

Баргузин тащит в сети омуль

Баргузин - могучий северо-восточный ветер. Устаревшее название - баргузник, также его называют и полуночником. Он сильный и ровный, с постепенно нарастающей мощностью, но по продолжительности и силе заметно уступает верховику и култуку, и в отличие от них хозяйничает он в основном в центральной части озера - из Баргузинской долины поперек котловины Байкала в сторону острова Ольхон. Скорость ветра редко превышает и 20 м/с, но в Баргузинском заливе он может достигать ураганной силы и становится опасным для легких судов. Говорят, что баргузин может добраться и до южного Байкала. Но дует он не больше суток.

Этот ветер приносит с собой устойчивую солнечную погоду, а рыбаки уверены, что он загоняет косяки омуля в сети.

Ветры гор разгоняют жару

Западные и северо-западные горные ветры внезапно срываются со склонов Приморского и Байкальского хребтов. Холодные арктические массы подходят к Байкалу и скапливаются у этих горных массивов, не в силах перевалить их с ходу. Накопив критическую массу, холодный воздух перебирается через горы и, ускоряясь, устремляется по крутым склонам к Байкалу. Это самые коварные и порывистые ветры озера. Правда, свое влияние они распространяют только на западное побережье Байкала.

Летом ветрам часто предшествует тихая безветренная погода и изнуряющая жара, над горными вершинами появляются разорванно-кучевые облака, постепенно образующие угрюмый облачный вал, вытягивающийся над горным хребтом. Достаточно надежным признаком, предвещающим горный ветер, может служить резкое падение атмосферного давления. Все начинается внезапно, и ветер быстро набирает силу. Пусть он и кратковременный, но достигает ураганной мощи и

скорости более 40-50 м/с. Этот ветер преобладает с октября по ноябрь. Сарма, харахаиха, бугульдейка, ангара - это все разновидности горного ветра.

Сармы даже Байкал боится

Слово "сарма" происходит от бурятского "перекат". Из устья реки Сармы вырывается мощный воздушный поток - шквалистый ветер с таким же названием. Он охватывает главным образом Малое Море - между северо-западным берегом и островом Ольхон. Этот ветер разрушает все на своем пути: валит деревья, переворачивает суда, сбрасывает домашний скот с берега в море, срывает крыши с домов, так что в поселке Сарма, расположенном в долине одноименной реки, жители привязывают их к земле.

Предсказать ветер можно по постепенно сгущающимся слоисто-кучевым облакам над Приморским хребтом, вблизи Сарминского ущелья. Обычно от начала концентрации облаков до первого порыва сармы проходит 2 - 3 часа. Последним предупреждением является открытие "ворот" - появление просвета между вершинами гор и нижней кромкой туч. Иногда заметны клочья облаков, устремляющиеся вниз по горным склонам. Ветер налетает через 15 - 30 минут. А на Байкале перед этим тихо и спокойно.

Летом ветер может внезапно начаться и кончиться, осенью сарма иногда может злодействовать больше суток. Скорость ее возрастает скачками и достигает до максимума (а это 40-50 м/с) в течение первого часа. Ветер вырывается из горной долины, пересекающей Приморский хребет. Через Малое Море и Ольхонские ворота он обрушивается на Ольхон. Вся южная часть Малого Моря вспенивается, ветер гонит пенные буруны. При морозе скалы острова покрываются толстой коркой льда. Обычно ветер распространяется до 20 км от берега, дальше ослабевает, но иногда распространяется до восточного побережья Байкала. Этот ветер иногда называют также подвой.

Местные жители говорят, что Сарма самая сильная из ветров-великанов, ее сам Байкал побаивается, и устоять перед ней не может, готов исполнить любую ее прихоть.

От покатухи до завивки

Теплый юго-восточный ветер Шелонник скатывается с хребта Хамар-Дабан. Он состоит из воздушных масс, приходящих из Монголии. Охватывает лишь южную часть Байкала. Скорость шелонника обычно не превышает 10 м/с. Этот ветер может приводить к мощному накату на западном берегу. Название его, скорее всего, завезено новгородцами - так называется юго-восточный ветер на реке Шелонь, впадающей в озеро Ильмень. Шелонник приносит очень теплую погоду.

Еще над Байкалом кружат и другие ветры, не такие знаменитые, но не менее своенравные. Один из них, Хархаиха, горный и очень свирепый шквалистый ветер, дующий из долины реки Голоустной. Он силен и продолжителен. Название произошло от бурятского "хара" - черный. Также существует ветер, который зовется Покатухой. Это горный кратковременный шквал, он сметает все, что стоит у него на дороге.

Бугульдейка - еще один горный ветер разрушительной силы, пересекающий Байкальский хребет. В долине реки Бугульдейки удерживается до четырех суток. Он

несет пыль, мелкую гальку, людей валит с ног. Ангара-ветер дует из долины своей тезки, Ангары-реки. Достигает большой силы, разгоняя свирепые волны в мелководном истоке Ангары. Обычно дует ровно, без шквалов. Этот ветер приносит на восточный берег сырую холодную погоду. Холодный поперечный ветер юго-восточного направления Селенга, дующий из долины одноименной реки, может достигать западного берега и приводить к возникновению мертвой зыби в районе поселка Бугульдейка. Есть еще и такие ветры как бережник, ветер холода, падей, полуденники, хиус (опасен при низких температурах) и даже завивка.

Непостоянен мир Байкала. После затишья всегда должна прийти буря. Но, несмотря на разрушительную силу этих бурь, ветры являются частью образа Священного моря, силой его характера и крутостью нрава.

Это интересно

О ветрах Байкала существуют десятки бурятских сказаний и легенд. Говорят, что у ветров были хозяева, которые жили в скалах озера. Это были духи Суво Тумуршин-нойон и его жена Тудугиш-хатан, в честь которых были установлены обо (место бурятских обрядов. - Ред.) и деревянный бурхан. По воспоминаниям людей, на молебен в честь сувойских владык собиралось много местных жителей и в жертву приносили барана.

Легенда об омулевой бочке:

По старинной бурятской легенде, раньше над рыбными угодьями хозяйничали ветры-великаны - Култук и Баргузин, хорошие приятели. Любили они друг к другу в гости ходить - поиграть, повеселиться. А для забавы была у них одна на двоих игрушка чудесная - омулевая бочка: куда плывет она, туда и омули неисчислимыми косяками тянутся, будто в бочку ту сами просятся. Это и забавляло великанов.

Но однажды полюбили богатыри Сарму, горную богатыршу, хозяйку Малого моря. Нрав-то у нее покруче, чем у Баргузина с Култуком, да и силы побольше, такая жена любому нужна. И захотели оба на ней жениться. На это Сарма сказала, что мужем ее станет тот, кто первый принесет к ее ногам бочку волшебную: "Тоже хочу, чтобы в моем Малом Море много омуля плескалось". Великаны решили, что дело-то плевое, но не хотят уступать друг другу богатыри. Да и бочке досталось: поскрипывает да летает с места на место.

Наконец изловчились богатыри, враз ухватились за бочку, да так и застыли: ни тот, ни другой высвободить бочку не может, поскольку силы-то у обоих одинаковые. И только они решили снова бороться - смотрят, а бочки-то и не стало вдруг, выскользнула из рук, в воду ушла... Это сам Байкал ее забрал, чтобы раздоров не было, а Сарма так ни за кого замуж и не вышла. Ссорятся до сих пор ветры-великаны: спорят, кто из них лучше. Так и нагоняют волны на озере.

Сказание о Байкальской Розе ветров

По еще одной легенде было у Байкала пятеро помощников, ветров-богатырей: Горный - отличавшийся упорством и выносливостью, честный и открытый Баргузин, верный друг и хороший товарищ Култук, сильная и своенравная Сарма и

красавица Ангара со светлой и чистой душой. Все ветра служили Байкалу и хранили как зеницу ока волшебный цветок - Байкальскую Розу ветров. Многие люди хотели увидеть его, да мало кому это удалось. Кому-то упорства не хватало, кто-то хотел обманным путем на цветок взглянуть, кто-то со злом в душе шел за ним. Не открывался таким людям цветок, так и рос втайне, только сам Байкал да ветры-богатыри знали, где его можно найти.

Как-то собрались они вместе и стали совет держать. Горный ветер предложил спрятать цветок на самую высокую гору, Баргузин - в непроходимом лесу, Култук - в глубине моря, Сарма - в пади, а Ангара - под Шаман-камнем. Внимательно выслушал мудрый Байкал своих помощников и говорит: "Каждый из вас способен о нашей Байкальской Розе ветров позаботиться, укрыть ее от недостойных глаз. Но если человек будет честен, упорен, верен в дружбе и силен в делах, добр и красив душой - пусть ему откроется красота этого цветка. А потому не будем мы его прятать ни на высокой горе, ни в непроходимом лесу, ни в глубинах морских. Пусть Байкальская Роза ветров живет в моем сердце".

Как Сарма себе женихов выбирала.

С давних времен заметили люди, что ветра на Байкале большую власть над рыбами имеют. Наблюдательность рыбаков тому свидетельство. Кто из них чутко следит за тем, какой ветер подует, тот всегда удачен будет, в нужное место сети поставит, всегда с большим уловом с Байкала вернется.

А хозяйничали в старину над рыбьими угодьями только два байкальских ветра-великана — Култук и Баргузин.

Были Култук с Баргузином вначале хорошими приятелями, любили друг к другу в гости ходить, играми себя богатырскими тешить. Да и игрушка у них была особая — омулевая бочка. С виду простенькая такая, обыкновенная. Но вот силу имела необыкновенную: куда бросят ветры-великаны ту бочку, куда поплывет она, туда и омули неисчислимыми косяками потянутся. Как будто сами в бочку просятся.

Перебрасывали ветры-великаны ту бочку друг другу, перегоняли туда-сюда косяки рыбы. Так бы и тешились они до сих пор этой нехитрой забавой, если бы промеж них ссора не вышла. А дело так было.

Нежданно-негаданно полюбили вдруг ветры буйные красавицу Сарму — строгую властительницу западных ветров, хозяйку Малого моря, которое отделено от так называемого Большого моря островом Ольхой. Заметим к случаю, что Сарма исстари свой нелегкий характер на байкальских водах проявляла. И если уж Сарма вырвется на волю, если вдруг разгуляется по байкальским просторам, то добру не бывать: улова у рыбаков не будет, а будут только беды да несчастья. Стократно убедились местные рыбаки, что, как только задует Сарма, лучше уж сразу сворачивать свои сети да убираться восвояси, в душе радуясь, что живыми остались. Потому и идет в народе молва, что нрав-то у Сармы покруче будет, чем у Баргузина с Култуком. От себя добавлю, местные жители, рассказывая про Байкал, до сих пор произносят имя Сарма с какой-то особой настороженностью...

Итак, воспылавшие любовной страстью Баргузин и Култук, не мешкая, послали своих сватов к Сарме. А в скором времени и ответ от нее получили. Его баклан — птица такая морская на Байкале водится — принес: «Замуж меня пока неволя не

гонит, но женихов испытать имею охоту. Оба вы видные, статные, веселые да работающие. А кто из вас лучше, судить буду после того, как увижу, кто вперед выполнит мое желание. А задание мое такое будет: подарите мне свою чудо-бочку! Хочу, чтобы и мое Малое море кишело рыбой! Вот кого я увижу с бочкой первого, того и назову женихом своим!»

Совсем нехитрым показался друзьям-ветрам каприз невесты. Изловчились богатыри, враз ухватились за бочку, да так и застыли: ни тот ни другой не хотят выпустить ее из рук — всякому хочется первым быть. А силы-то у обоих равные! И только было ухватились они всерьез биться, как глядь, а бочки-то и не стало, выскользнула она из рук, да и ушла на дно...

Уже потом ветры-великаны узнали, что седой Байкал сильно рассвирепел за то, что из-за чудесной бочки раздор промеж них вышел. Ведь это был его подарок богатырям. Потому отобрал он волшебную бочку да и спрятал ее в своих глубинах. Ему-то какое дело, что из-за этого свадьба у Сармы расстроилась!

А красавица Сарма сперва терпеливо ждала, чем закончится состязание, а как узнала, что случилось, так сразу же послала своего верного баклана передать богатырям, что ни за кого из них замуж она не пойдет. Да еще и упрекнула вдогонку: «Какие же вы, дескать, богатыри, коли не сумели бочку-то в руках своих удержать. Я-де посильнее вас буду, сама уж как-нибудь её достану!». И ведь действительно исполнила задуманное, достала-таки себе бочку омулеву! Теперь на Малом море омулей видимо-невидимо стало! А Сарму — не без основания — считают самой сильной из байкальских ветров. Говорят даже, что ее сам грозный Байкал побаивается, не может перед ней устоять, готов исполнить всякую её прихоть!

Култук же с Баргузином до сих пор друг друга знать не хотят — каждый своим путем по Байкалу-озеру ходит. Ну, а уж ежели по старой привычке и делают набегу один в сторону другого, то попеременно, каждый в свое время, чтоб, значит, не встречаться друг с другом лицом к лицу. Стыдятся, видно, что так оплошали — с заданием Сармы-красавицы не справились.

Ветры на Байкале

Проза

Ветры Байкала не такие, как в других местах: внезапно вырываясь из узких горных ущелий, они порой приносят немало бед. У каждого ветра есть свое местное название, обычно по имени реки, из долины которой он вылетает на озерный простор: баргузин, култук, верховка, лоск, сарма, ник, хиуз, сивер и так далее. Самые свирепые из них - воспетый в старинной песне баргузин и бешеная сарма, бушующая осенью и зимой в Малом море, как раз против Ольхонских ворот. Сарма, падая с гор в узкое пространство Малого моря, достигает ураганной силы, срывает гребни волн, образуя смерчи, поднимает тучи брызг, которые быстро замерзают в воздухе, ветра и грохот волн бывают так сильны, что заглушают звук выстрела. Воды Байкала кипят злобно и яростно: порой кажется, что верхушки волн достигают черных, низких туч. Скалы содрогаются от ударов волн и издают глухой зловещий гул. Величественную и грозную красоту этих бурь может, наверное, передать только кисть художника или симфоническая музыка...

Верховик

Верховик, он же ангара (второе название чаще применяют в северной части озера, а в южной оно вносит путаницу - Ангарой также называют ветер, хозяйничающий в истоке Ангары). Иногда используются названия верховка, север, сивер. Назван ветер так потому, что дует из долины реки Верхняя Ангара, т.е. с верхнего конца озера.

Верховик может дуть одновременно на всем Байкале. Летом верховик добирается до южной оконечности Байкала крайне редко, ограничиваясь мысом Толстый в качестве южной границы (мысов с таким названием на Байкале шесть, в данном случае имеется в виду мыс, расположенный примерно в 10 км к востоку от поселка Листвянка). На северном Байкале верховик дует с севера, на среднем и южном Байкале - с северо-востока.

Особо свирепые верховики случаются перед замерзанием Байкала - в декабре. Ветер не порывистый - обычно дует спокойно, погода при таком ветре сухая и ясная.

Начинается верховик обычно утром, после восхода солнца и нередко перед закатом стихает, но может дуть и очень долго не переставая - до десяти дней. Такие затяжные ветры начинаются с середины августа. Благодаря значительной продолжительности и отсутствию порывов, верховик может создавать очень большие волны. Это один из самых известных и значимых ветров на Байкале.

Предвестником верховика служит ярко-красный горизонт перед восходом солнца.

Култук

Култук - один из главных среди байкальских ветров. Он приводит к самым сильным штормам на Байкале, поднимая огромные угрюмо-свинцовые волны. В середине лета ветер способен резко поменять направление, тогда сталкиваются два противоположных ветра - верховик и култук, и образуются "толкуны", так называют беспорядочные волны.

Култук, он же низовик, низовка. Ветер, дующий с нижней, южной оконечности Байкала, от залива Култук (точнее, из пади Култучная). Это юго-западный ветер, он дует в направлении, противоположном верховику, но тоже вдоль котловины озера. Култук несет с собой мощные штормы, дожди и пасмурную погоду. Иногда весной и в начале лета култук дует и при ясной погоде. Этот ветер может дуть сразу над всей котловиной озера, но не так долго, как верховик. Нередко култук налетает внезапно, и так же внезапно может уступить ветру противоположного направления - верховику. Култук приводит к самым сильным штормам на Байкале, поднимая огромные угрюмо-свинцовые волны. Предвестником култука служат мрачные тучи, собирающиеся в юго-западной части Байкала.

Баргузин

Баргузин - ровный и сильный северо-восточный ветер. Используются также названия полуночник (иногда баргузин дует ночью) и уже устаревшее - баргузник. Воздушный поток вырывается из Баргузинской долины.

В отличие от продольных ветров - верховика и култука - баргузин дует поперек котловины озера и только в средней его части. Предполагается, что при

определенных условиях баргузин может достичь южного Байкала. По продолжительности и силе он уступает верховику и култуку.

Баргузин обычно не дует больше суток, чаще всего начинается после восхода солнца и стихает к закату. Обычно баргузин приносит с собой солнечную погоду. Скорость ветра редко превышает 20 м/с, но в Баргузинском заливе он может достигать ураганной силы.

Ангара

Разновидность горного ветра, дует из долины реки Ангара. Достигает большой силы, разгоняя свирепые волны в мелководном истоке Ангары. Обычно дует ровно, без шквалов. Приносит на восточный берег сырую холодную погоду. Особенно часто случается осенью и зимой.

Сарма

Сильный шквалистый ветер, вырывающийся из долины впадающей в Малое Море реки Сарма, разновидность горной. Холодный арктический воздух с Приленской возвышенности, переваливаясь через Приморский хребет, попадает в суживающуюся к Байкалу долину реки Сарма - природную аэродинамическую трубу, на выходе из которой достигает ураганной скорости.

Сарма может непрерывно дуть несколько суток, ветер при этом бывает настолько силен, что валит деревья, переворачивает суда, срывает крыши с домов и сбрасывает домашний скот с берега в море. Крыши домов в поселке Сарма, расположенном в долине одноименной реки, жители привязывают к земле. Этот ветер наиболее част и свиреп осенью и зимой. В среднем, в ноябре сарма дует 10 дней, в декабре - 13. Обычно сарма охватывает Малое Море и западную часть Байкала, но иногда может ощущаться и на восточном берегу озера. Скорость ветра нарастает скачкообразно и быстро достигает ураганной силы.

Признаком надвигающейся сармы служат слоисто-кучевые облака с резко очерченными границами, собирающиеся над вершинами Приморского хребта вблизи Сарминского ущелья. Обычно от начала концентрации облаков до первого порыва сармы проходит 2-3 часа. Последним предупреждением является открытие "ворот" - появление просвета между вершинами гор и нижней кромкой туч. Иногда заметны клочья облаков, устремляющиеся вниз по горным склонам. Ветер налетает через 15-30 минут после этого.

Отрывки из ПОВЕСТИ Л.И. БОРОДИНА ГОД ЧУДА И ПЕЧАЛИ

Сарма

«Сарма - внучка богатыря Сибира, от предков ей досталась сила растапливать лед, она знала выход из долины и знала секрет вечной молодости. Однако ее горе оказалось сильнее всяких заклятий, и за многие тысячелетия она превратилась в ужасную старуху. Вот какой ее впервые видит мальчик: «Это была такая старуха, что старее и придумать нельзя. Морщины по ее лицу шли вдоль и поперек и пересекались между собой, а в квадратах между морщинами пересекались другие,

поменьше, и вообще все лицо ее состояло из морщин. Плотно сжатые губы подтягивали большой подбородок к самому носу, глаза сидели так глубоко в пачках морщин, что она казалась слепой. И притом она была одета во все голубое и воздушное, и это голубое и воздушное окутывало ее всю с головы до ног, и только руки в голубых перчатках по самые локти не давали подумать, что в этом голубом коконе только одна голова».

Баргузин

«Баргузин! Так называется вал, идущий с севера, хотя, если правильно говорить, баргузином называется ветер. Этот ветер на севере взбаламучивает воду и гонит к нам волны, и потому у нас может быть и небо чистое, и без ветерка, а волны лезут на берег, как будто их снизу, из глубины кто-то выпирает и выбрасывает. Волны шли ровными рядами, а вдали это движение скрадывалось, и море казалось застывшим в черных горбах, что оживали у берега и на нем срывали досаду и усталость. А берег каменными россыпями у подножья железнодорожного полотна будто подставлял плечи под их ярость и злость и своей непоколебимостью раздражал волны еще сильнее, доводя некоторые до бешенства».

«В это утро Байкал был совсем другой, и даже поверить невозможно, что вчера от берега до бесконечности лежала светлая гладь без единой морщинки, да и возможно ли такое, ведь это же море, и малейший ветерок гонит по воде рябь, а когда кончается ветерок, то рябь еще долго идет по его направлению темно-синей стрелой. Сегодня так и было. Весь Байкал был синий, но по синему острыми клиньями с юга на север носилась рябь еще синее» «И я уже знал, что скоро пойдут волны с юга, и это хорошо для рыбалки, это значит, вал погонит рыбу к нашему берегу и что подойдет привальный хариус, то есть хариус, который очень большой и живет в глубине, а подходит к берегу во время вала, потому что вал бьет по берегу и из-под камней выбивает икру бычков».

«Другого берега видно не было, там только тучи или густые облака лежали почти на воде, или так казалось. А у нашего берега начало плескаться не совсем понятно что, потому что волн не было, одна темно-синяя рябь металась туда-сюда: то вдоль берега, то от берега; иногда все кругом покрывалось темной рябью, и тогда уже был не синий цвет, а, скорее, темно-серый, почти черный, но лишь стихал ветер, вода снова голубела, и мне не хотелось другого цвета, кроме голубого, потому что и небо точь-в-точь, как вода, тоже никак не могло выбрать для себя постоянного цвета в это утро и тоже то разливалось синью, то ребрилось перьями разметавшихся по горизонту облаков». «Когда мы спустились к воде, вал уже начался. Правда, волны были невысокие, шли друг за дружкой спокойно и не торопясь, шли не напрямую к берегу, а как бы наискось, и волна сначала лишь одним краем заплескивалась на берег, словно цепляясь за него, а когда другой, видимый конец ее тоже достигал берега, здесь, у наших ног, уже другая волна падала на камни, выбрасывая вверх между камнями горсти блестящих брызг».

Стихи о Байкальских ветрах

Геннадий Тахтабаев

Долина ветров

В долине ветров – ветра,
Култук, Баргузин, Сарма.
Ветра из- под туч летят,
«Толкуны» фонтаном висят.

Всем заправляет Бурхан,
Накажет любой обман.
Путник удачи не жди,
Коль грешен ему не лги.

Камни, песок – его клык,
Воды Байкала, как крик.
Тоонто земля бурят,
А горы – бесстрашный отряд.

К месту молитвы – Бярсук,
Ночами колдует старик.
Там у шамана трон,
Там раздаётся звон.

Это священный Байкал,
Я помощи здесь искал.
Природный вылечить страх,
И в небо вернётся птах.

Сердце Байкала – Ольхон,
Языческий чту – закон.
И тайна из века в век,
Ускорит желанный бег.

Загадка

Горный ветер - ураган,
Настоящий хулиган.
Весь Байкал ревет и стонет.
Волны бешенные гонит.
Это Арктика привет
Шлет Байкалу много лет.
Так хотелось бы узнать,
Как реку и ветер звать?
(Ветер Сарма, река Сарма).

С морем один на один,
Вдвоём мы страх победим.
И это случится тут,
Помедли приход пастух.

Дуют кругом облака,
Шелонник идёт тогда.
Дыханье южных степей,
В бухте спокойно моей.

В долине ветров – ветра,
Култук, Баргузин, Сарма.
Монеты бросил в волну,
Я к ветрам без страха плыву.

Загадка

Дуют с юга и востока
Дуют мягко и жестоко.
Дуют вдоль и поперек,
Моют скалы на песок.
Рыбаки с одними в ссоре,
Не выходят даже в море.
А с другими дружбу водят,
Стаи рыбные находят.
Дали всем им имена.
Кто же самый злой
Ну-ка, память напрягите,
Остальные назовите.
(Сарма; Баргузин, Шелонник, Култук,
Верховик)

Рассказы, сказки, проза

Пятнистая шубка, встреча

Устинов С.К.

Иду я однажды по тайге. Речка шумит, солнышко светит, ветер деревья покачивает. Прохладно в лесу. Горы кругом высокие, на них скалы-утёсы. Камни лишайником поросли. Толстые старые деревья стоят, поскрипывают, будто жалуются мне на что-то. В лесу всегда много голосов, их только надо уметь слышать.

И вот слышу неподалёку, среди больших камней в кустах, пронзительный крик: «Пауут! Пауут!» Скорей подхожу на помощь – никого нет... Не кричит больше. Вот чудеса, думаю. Кто же кричал? Даже оглядываться стал. Не померещилось ли? И вдруг опять из ближнего куста: «Пауут!» Тихонько шагнул три раза. Виду – кучка травы сухой. А рядом тёмные и светлые листики лежат, а вот цепочкой – длинненькие. Наклонился... Да ведь, господи, телёночек какой-то крошечный лежит! Вот ушки к головёнке прижатые лепесточками. Вот мордочка с кулачок детский, точёная, махонькая. А вот большие, тёмные глаза. Он их закрыл, испугался. Чужого увидел. Ножки под себя поджал, как карандашики. И весь пёстренький-пёстренький. Будто солнышко проскользнуло сквозь куст спиреи и осветило листики. Отведи глаза – опять искать будешь. Вот так замаскировался телёночек. Шубка пятнистая.

Многие дикие животные так раскрашивают своих детёнышей, чтобы они были менее заметны. А попозже, когда они окрепнут, шубку меняют на другой цвет. Не боюсь, мол, теперь никого.

Конечно, это кабаржонок. Я знаю, что в этих горах живёт самый маленький олень – кабарга. Его и оленем-то называть как-то неловко. Ну что за олень, всего десять килограммов веса? И рогов нет. И не бегают он, а только ходит и высоко ловко прыгает.

Самое главное, не надо его трогать, на руки брать. Некоторые ребята, если случайно найдут в лесу лосёнка или козулёнка, несут их домой. Спасли, вроде, а на самом деле, чаще всего – загубили. Мама не бросает их. Если её не убил браконьер, она всегда найдёт своего малыша. Она просто ушла пощипать травы. Дикие звери не любят неволи. А кабаржонки, сколько ни пытались держать их в зоопарке, гибли.

Тихонько отошёл я в сторону. Сел на упавшее дерево и замер. Кабаржонок ещё раз крикнул. А из кустов ему: «Ммык». Это пришла его мама, кабарга. У неё тёмная коричневая шубка. Красивые большие глаза. Аккуратные серые ушки. Она огляделась, приняхалась. Решила, что никого поблизости нет. Когда кабаржонок напился молока, она легла рядом.

МЕДВЕДЬ БЛИЗКО!

Устинов С.К.

Вдруг кабарга подняла голову и насторожилась. По речке кто-то шёл! Он громко шлёпал по воде. Кабарга резко, но бесшумно встала. Она увидела медведя! Медведь переходил речку. Он шёл почти прямо к ним! Маленький кабаржонок не понимал, как это опасно. Кабарга вдруг с шумом бросилась прямо к медведю. А потом сразу как-то боком запрыгала в сторону. Вот-вот упадёт. Большая, решил медведь, такую догнать и поймать – ничего не стоит. Медведь бросился за ней. Кабаржонок затаил дыхание, закрыл глаза, поджал ножки, замер.

И опять под кустом лежала просто кучка сухих листьев, и никто не мог догадаться, что это лежит кабаржонок. Тут прилетели комары. Они весело звенели над кабаржонок, выискивая, куда бы его укусить. Но свой нос он спрятал в траве, а всё остальное было в густой шёрстке, не прокусить. Комары разочарованно позвенели и улетели. Трест кустов, куда бросилась кабарга, быстро удалился. Всё затихло. Кабаржонок чувствовал, что лежать надо до тех пор, пока не придёт мама.

Напрасно вы думаете, что медведь поймал кабаргу. Она столь стремительно прыгает, что медведь, наверное, до сих пор бежит по лесу, всё её ищет! А она уже давно дома. И рядом с ней её кабаржонок. Она медведя обманула, отвела подальше от детёныша и вернулась. Кабарга-мама спасла ему жизнь. Так поступают мамы многих животных.

ПОДАЛЬШЕ ОТ РЕЧКИ

Устинов С.К.

После того, как приходил медведь, кабарга повела детёныша подальше от речки. Они пошли повыше на склон горы. Речки ведь текут по долине, и там повсюду разные тропинки. По тропинкам ходят всякие звери. Кабаржонок этого не любит. А на склоне лучше, тут растёт сорный лес, много скал, много укрытий. Вот и ключик с водой рядом. Почти всё лето они проживут здесь. На тропинке к ключику по утрам будут оставаться крошечные кабарожкины следы, будто кто карандашом потыкал. Это они пить приходили. Но однажды кабарга сильно испугалась: ночью над скалой пролетел филин!

ПОЧТИ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Устинов С.К.

Прошёл месяц, как кабаржонок родился. Его теперь было не узнать. Он вырос и во всём походил на свою мать. У него теперь на шее две такие же светлые полоски, как у неё. Это чтобы узнавать друг друга в тёмном лесу. Они есть у всех кабарожек.

Вскоре у кабаржонок началась почти самостоятельная жизнь, хотя было ему от роду всего четыре месяца. По лесу он ходил теперь один. Нет, мама не оставила его, просто так заведено у всех кабарог. Кабарги – удивительные звери, они любят одиночество. Их никогда не бывает много вместе. Вот и наш кабаржонок тихо и

незаметно жил в своем лесу один. Но почти каждый день к нему приходила мама и поила его молоком.

Теперь кабаржонок умел отлично прыгать. Однажды он встал на упавшее дерево, валежину, и хотел почесать у себя за ухом. Копытцем задней ноги это очень удобно делать. Но тут кто-то зашуршал совсем близко. И вдруг чуть не под ноги кабаржонок выскочил бурундук! Кабаржонок вздрогнул, и тут его увидал бурундук. Как они оба испугались! Зверёк шмыгнул в траву и мигом залетел под валежину. А кабаржонок высоко подскочил, но, падая, увидел, что напорется на острый сучок. Тогда в воздухе он повернулся вбок. Когда же ноги коснулись земли, опять наклонился, будто хотел упасть, но сильные ноги снова подкинули его вверх. На этот раз он летел уже совсем в другую сторону. Под ним мелькали кустики, камни, валежины. Он летел, как птица! Никто в лесу не умеет так прыгать.

ПРИШЛА ОСЕНЬ

Устинов С.К.

Наш кабаржонок встречался с матерью теперь всё реже. И она и он стали немножко забывать друг друга. Увы, так принято у всех кабарожек, и это их не обижает. Но когда они встречаются следы друг друга, они узнают, кто здесь ходил – мама или её кабаржонок. Узнают кабарги своих по запаху. У каждого зверя свой запах, и его они не спутают ни с чьим другим.

И вот пришла осень. Полетел снег. Начались холода, но кабаржонок было тепло, у него появилась новая, зимняя, шубка. Она была тёмно-коричневая, как у матери, но от той, первой, пёстренькой, в которой он родился, осталось ещё много серых пятнышек. Кабаржонок теперь каждый год будет надевать новую шубку. И на каждой из них понемногу будет оставаться светлых пятнышек из его детства.

РЫСЬ

Устинов С.К.

Рысь была старая, мудрая. Она многое, если не всё, в лесу знала. Например, что вот среди этих скал, должно быть, живёт кабарга. Зверь этот – главная в этих краях добыча рыси. Так уж решила Природа. И рысь умеет ловить кабарожек. Она тихо идёт на своих мягких лапах с втянутыми костями. Втянутые когти – спрятанное оружие. Часто останавливается. Долго слушает. Слух у неё очень тонкий.

Рысь вспрыгнула на камень, заметила чьи-то следы... Конечно, это следы кабарги. Теперь начнётся охота. Рысь пойдёт по этим следам! Над кабаржонок нависла смертельная опасность! Рысь медленно подползала на брюхе для решающего броска. мех у неё светло-серо-желтоватый. Он хорошо скрывает зверя на снегу и в пожелтевшей траве.

Кабаржонок чутко прислушивался. В лесу было тихо. Только за кустиками спиреи еле слышно шуршала мышь. Так показалось кабаржонок, но это была не

мышь, и не полёвка...

Взрыв снега – жёлтая молния вспыхнула совсем рядом! Что-то резко рвануло за ухо!

Вы бы видели, как кабаржонок полетел! Он прыгал так, как никогда раньше! Он был жив, рысь промахнулась! И она даже его не преследовала. Она знала кабарог. Если промахнулся - преследовать бесполезно. Они тёмной птицей мгновенно исчезают в лесу. И больше к ним не подкрадёшься.

МНОГО СНЕГА

Устинов С.К.

Вскоре выпало много снега. Он бы с головой накрыл кабаржонка. Ведь олешек же маленький. Даже одного метра в высоту нет. Как тут быть? Другие олени, даже громадные лоси с их длинными ногами, уходят на зиму в места, где мало снега. А кабарожки остаются! Почему? Вроде траву и лишайник снегом закрыло, но ведь много лишайника растёт и на деревьях. На ветвях и на стволах, эти-то снегу никогда не закрыть. А как кабаржонок его там достанет? Ну как обычно! Все ребята видели, как ветер сбрасывает с ветвей снег? Кто в лесу бывал – видел. Это очень важное дело: падающий снег сбивает с ветвей лишайник. Что кабарожке делать? Ходить и подбирать! Можно по своим вчерашним следам. Не надо лезть в высокий снег. Лишь бы было много лишайника и ветра. Так у кабарожки возникают тропинки, раз она всё время ходит по своим старым следам. А на тропинке глубоко не провалишься.

Самые лучшие друзья кабарожек – это ель, кедр и пихта. Кто догадался почему? Потому что на этих деревьях растёт много лишайника. В таком лесу кабарожки живут охотнее всего. И их там бывает много.

ЦВЕТОК ЛЕТА

С. Бунтовская

Когда медвежонок родился, была зима. Он это чувствовал. Там, за пределами берлоги, мир был холодным и враждебным. И только в маленьком тёмном мире, где жили он и его мама, было тепло и уютно. Мама дремала и в полудрёме тихонечко напевала ему колыбельную. Любой человек, слыша ее пение, сказал бы, что она просто тихонько рычит. Но медвежонок точно знал, что здесь, в берлоге, маме рычать не на кого, и она может только петь. По-своему, по-медвежьи.

Мама пела о том, что когда-то кончатся морозы и метели, растает снег, прилетят с юга птицы, зазеленеет трава и распустится дивный цветок. И тогда, когда он распустится, наступит самое замечательное время, которое называется лето.

А летом они будут купаться в реке, есть сочную траву и сладкие ягоды. А ещё они отправятся в далёкий поход через горы. В страну, где по берегам семи голубых горных озер бродят непуганые северные олени и жирные сурки приветствуют каждого громким весёлым свистом.

Медвежонок не знал, что такое озёра и никогда не видел оленей и сурков, но мамины песни навевали сны. И в этих снах он видел всё, о чём пела медведица.

Однажды утром холодная капелька спрыгнула откуда-то сверху прямо на нос медвежонку. Он облизнулся и чихнул. Капли продолжали падать одна за другой всё чаще и чаще, пока не потекли сплошной тоненькой струйкой. Всё это очень позабавило медвежонка. Он трогал струйку лапой и ловил её языком. В конце концов, он так расшалился, что разбудил маму-медведицу. Она подняла тяжелую голову и тихонько рыкнула.

В этот день они покинули свою берлогу.

Мир за ее пределами поразил медвежонка.

Пушистые пихты приветственно махали ему и его маме мягкими лапами, разноцветные птицы пели о чем-то красивом и ярком. «Конечно, о лете» думал медвежонок и оглядывался, стараясь отыскать волшебный цветок. Долго оглядываться ему не пришлось. Вон он, цветок, совсем рядом. Лежит на траве.

Голубой, точно отколовшийся кусочек неба. И медвежонок со всех ног бросился к цветку, чтобы сорвать его и показать маме.

- «Хам!» - сказал медвежонок, щелкнув зубками. Странно, цветка во рту не было. Не было его и в том месте, где он только что рос.

Медвежонок сел на мягкий зад и огляделся. Цветок летел по воздуху! Он махал лепестками и удалялся всё дальше и дальше. Медвежонок со всех ног бросился вдогонку, но не догнал цветка. Тот исчез где-то в кустах, и грустный малыш ни с чем вернулся к матери.

— Я нашёл цветок Лета, — сказал он ей. — И хотел принести его тебе. Но он улетел и теперь ты мне не поверишь....

— Поверю, малыш, — сказала медведица и лизнула его в холодный нос. — Это была всего лишь бабочка.

— Бабочка? — удивился медвежонок, — но она так похожа на цветок!

— Цветы не летают, — сказала медведица. — Не торопись, сынок. Когда цветок Лета распухнет, мы обязательно увидим его.

Прошло несколько дней. Медвежонок залез на пригорок и разбежался, чтобы скатиться вниз вместе с потоком мелких камешков, но вдруг остановился как вкопанный. Нежный цветочек цвета сиреневых закатных облаков, покрытый мягкими волосками, тянул к небу свою мягкую головку.

Медвежонок подошёл поближе и ткнул его носом. Цветочек качнулся, но остался на месте. «Значит, это не

бабочка, — подумал он и легонько откусил пушистую головку.

— Фу! Какой же он горький!» Медвежонку захотелось поскорее выплюнуть сиреневую головку, но он стерпел и со всех ног бросился к маме.

Медведица бродила неподалёку. Она выкапывала лапой какие-то корешки и вкусно хрустела ими. Медвежонок остановился перед ней и сказал: — Мама, нафтала пора уфодить ф страну феми офер, — цветок лежал у него на языке и мешал говорить. Поэтому он наклонил голову и аккуратно положил свою находку перед матерью. — Вот!

Медведица глянула на то, что принес ей медвежонок, улыбнулась и погладила его лапой по голове:

— Нет, малыш, это подснежник, цветок Весны. Цветок Лета расцветёт позже. Только зачем же ты берёшь незнакомые цветы в рот, не спросив у меня? Знай, цветок Весны ядовит, поэтому не стоит больше рвать его.

Хорошо, не буду, — послушно согласился медвежонок и стал

внимательно наблюдать за матерью, запоминая растения, корешки которых съедобны для медведей.

Скоро, однако, это занятие ему наскучило, и он принялся носиться по полянке за стрекозами и пчёлами. Одну пчелу он

почти поймал, но тут она, деловито жужжа, опустилась вниз и села на маленькое жёлтое солнышко. Медвежонок застыл как вкопанный: — Так вот он какой, цветок Лета! Он солнечный! — Мама! Мама! Скорее сюда! — баском зарычал он. Но она была далеко и слышать его не могла. Тогда он изо всех сил кинулся к медведице, чтобы позвать её и показать цветок. По пути ему попался ещё один солнечный цветок, потом ещё, а потом целых пять малениких солнышек окружили медвежонка посреди полянки.

Мама! — позвал он изо всех сил. И медведица услышала. Она оторвалась от своего занятия и нето ропливо побрела к медвежонку. Он же подпрыгивал на месте от нетерпения, желая поскорее похвастаться матерью своей находкой.

Однако увидев выражение её глаз, медвежонок сник.

— Это цветок Лета? — с надеждой спросил он.

— Нет, малыш, — покачала головой мама, — это одуванчик, очень весёлый и умный цветок.

— Почему умный? — заинтересовался медвежонок.

— Потому что он умеет предсказывать дождь, — сказала мама. — Перед непогодой он закрывается и прячется, а после дождя снова подставляет солнышку своё жёлтое личико.

— А почему весёлый? — не отставал медвежонок.

— Потому что скоро он превратится в воздушный шарик, и с ним можно будет очень весело поиграть, — ответила медведица. —

А теперь пойдём. Нам пора отдохнуть.

Прошло несколько дней.

Долгожданный цветок никак не желал расцвести, и наступившее утро показалось медвежонку особо серым и хмурым. Он поискал на полянке одуванчики и ни одного не нашёл. Тогда медвежонок вспомнил,

что говорила ему вчера мама, и загрустил. «Они спрятались, значит, будет дождь, и цветок Лета сегодня не распустится», — подумал он.

— Эй, сынок, — позвала медведица, — скоро начнётся ветер и дождь. Нам надо поскорее дойти до елового леса. Там я знаю одно тихое местечко. Поторопись!

И она быстрым шагом пошла прочь от полянки, где расстроенный медвежонок всё-таки пытался отыскать цветок. Он понурил голову и побрёл вслед за матерью. Медвежонок не глядел по сторонам. Ему было ясно — сегодня лето не настанет.

— Будь аккуратен, береги нос и глаза. Здесь шиповник. Он очень колючий, — предупредила его мама.

Медвежонок закрыл глаза, сморщил нос и стал пробираться вслед за матерью сквозь какие-то дико колючие кусты, которые мама назвала шиповником. И вдруг — запах! Нет, даже не запах. Аромат! Дивное благоухание заставило медвежонка остановиться и открыть глаза. Прямо перед ним, на покрытой

острыми шипами ветке, рос цветок. Ярко-розовые лепестки обрамляли жёлтую середину. Этот цветок нисколько не боялся дождя. Даже наоборот, он столь удивительно пах, что собрал вокруг множество насекомых. Медвежонок посмотрел на медведицу и всё понял.

— Он расцвёл! — радостно рыкнул он. — Значит, настало лето!

Ура!!!

На следующий день медведица и медвежонок уходили в страну семи озёр. И, где бы они ни проходили, их встречали и провожали розовые цветы Лета.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Устинов С.К.

А вы не забыли нашего кабаржонка, шубку пятнистую? На днях я его видел. Я шёл по старому кедровому лесу. Крутой склон и скалы. Недалеко от этого места нынче летом я нашёл маленького телёночка, помните? Шубку пятнистую. Я увидел кабарожкин след и тихо пошёл по нему. Вот большой камень, обросший мхом и лишайником. Его закрыл снег. Я выглянул из-за этого камня. Неподалёку стояла кабарга. Она смотрела на меня, услышав шорох. Левое ухо, как ножницами, было разрезано надвое. Я сказал: «Ну здравствуй, Пятнистая шубка!»

ЗАЯЧЬЕ ЗЕРКАЛО

Сказки и были о лесных жителях
Устинов С.К.

Жили в лесу два зайца. Домик у них был тёплый зимой, прохладный в летнюю жару. Это было дупло в толстой лежащей лиственнице. Когда-то дерево это было живым и стояло, смотрело в небо своей вершиной, как все деревья. По ночам лиственница видела звёзды и луну, а днём – солнце и плывущие облака.

Иногда облака спускались вниз и задевали вершину дерева. Тогда с неба шёл дождь, либо если зимой – то падал снег. Когда налетал ветер, лиственница качала вершиной и ждала, когда он кончится. И ветер всегда кончался.

Но однажды он принёс запах горящего леса, и вскоре пришёл пожар. Он родился от молнии. Молния ударила в сухое дерево и скользнула вниз. Там она зажгла ветви и траву.

Огонь увидел, что его никто не тушит, и яростно бросился по лесу. Он много сжёг деревьев, кустов и разных животных. Тех, кто не сумел убежать или улететь от него.

Много лиственниц сгорело, а у одной, когда подгорели её корни и она упала, выгорела середина. Получилось дупло. Его-то и нашли впоследствии зайцы. «Ай да домик! – сказали они. – Лучшего во всём лесу нет!»

Днём зайцы сидели в домике, спали, рассказывали сказки, читали. Что читали? Да однажды они нашли два больших куска берёзовой коры.

На ней известные лесные писатели – дятлы – своими острыми клювами наделали много-много дырочек. Это они берёзовый сок пили когда берёза была живым деревом. Она всех поила сладким соком, весенним лесным лакомством. Вот эти дырочки в коре берёзы и читали зайцы, потому что там дятлы описали всю свою интересную жизнь.

А надо сказать, что один заяц был аккуратным, вежливым. Второй же был неряшкой, невоспитанным. Вот, например, поедят они веточек или листьев, коры осиновою прогрызут. Первый сядет поудобнее, почистит травинкой зубы, вытрет лапкой усы, разгладит их, и они идут домой. Второй никогда не прибирал себя, пока первый ему не скажет: «Опять ты неаккуратно ел, приведи себя в порядок, как мама учила! Вот придёшь с собой куда, все подумают: какой неряшка этот заяц!»

Однажды воспитанный заяц и говорит: «Ты бы хоть в зеркало посмотрелся!»

А где же зеркало? И в самом деле, где взять в лесу зеркало? Можно, конечно, поскакать к тому светлому ручейку, в него посмотреться. А всё же хорошо бы иметь

у себя дома.

Стали зайцы размышлять, где найти зеркало. Ничего придумать не могут, задумались. И вот, что вскоре услышали.

- Что пригорюнились, длинноухие? Ладно уж, очень – вижу я – нужно вам зеркало. Так и быть, приходите завтра, будет вам зеркало!

Посмотрели зайцы вокруг – никого нет. Только берёза одна стоит рядом. Недоумевают.

- Что оглядываетесь? – говорит опять кто-то. – Я это сказала, береза. Что непонятного?

Зайцы очень удивились, что берёза может говорить по-заячьи. Поблагодарил её вежливый заяц, и они пошли домой. Назавтра, кто быстрее, прискакали и видят: невысоко от земли на берёзе растёт ровный, красивый гриб. Сверху он будто шоколадным маслом помазанный, а снизу весь белый и аккуратненько, будто тонкой иголкой, весь-весь истыкан.

- Ну и что, это и есть зеркало? – спросил неряшка. – Это же гриб такой, он на деревьях растёт.

- А ты сорви его, - сказала берёза, - и посмотри снизу. Это моя берёзовая губка. Это чудесное зеркальце! Мордашку-грязнулю в него не разглядишь, но если чуть-чуть в лапке поворачивать, оно светлым бликом играет. Мерцает, будто свет на твоей мордочке в нём отражается. Не помылся – ни света, ни бликов не увидишь.

Ещё берёза сказала: «Вот покушаешь и посмотри на него. Поверни в лапке. Вспомни и сразу беги к ручью. Умойся. Разгладь усы и будешь самый аккуратный заяц в нашем лесу».

Давно это было. Но и теперь в лесу, где живут зайцы, этот гриб иногда вдруг вырастает на берёзе. Это значит, что она заметила какого-то неряшку и дарит ему своё зеркало. Увидишь, не срывай, это не для тебя. Ты же не неряшка!

А ещё я вот что скажу. Когда лось увидит этот гриб, он подойдет и немного откусит. Лось считает его своей едой. И белка тоже, и ещё кто-то, я пока не догадался, не подсмотрел. Угляжу, расскажу когда-нибудь.

Гриб этот называется берёзовая губка. Я вот на днях нашел его в лесу. Не сорвал, он растёт для неряшек!

КОЧКА

Устинов С.К.

На лесной поляне жила кочка. Я не оговорился, кочка - это не только кучка

земли, это целый лесной домик. В нём многие маленькие лесные обитатели живут. Ну, и она с ними живёт.

Кочка эта была вся из травы. Траву подходили и скусывали разные животные, те, которые в лесу живут. Они проходили мимо и видели, что на кочке растёт сочная зелёная трава, которую можно есть.

Кочку трепали ветры, поливали дожди, трещали над ней морозы. Однажды на неё наступил медведь и чуть не раздавил. На зиму кочку укрывали снега и ей было тепло. Тепло было и тем, кто укрылся в ней от зимы.

Так и жила она много лет. Постепенно кочка старилась, всё на земле стареет. На ней всё больше и больше скапливалось прошлогодней, отмершей травы-ветоши. Новая трава росла вверх, старая ложилась вниз. Так кочка выросла на целых полметра.

И вот однажды, как только подсохла утренняя роса, мимо кочки шли три рыжих муравья. Муравьи жили неподалёку, на краю леса. Они там были заняты очень важным делом. Муравьи сохраняли здоровье леса, окрестных деревьев и кустов.

Они собирали и съедали разных вредных насекомых. За это все в лесу их очень уважали. Вредные насекомые или хвою и листья, отчего деревья и кусты засыхали. Они плохо росли, были корявые и чахлые. Но это там, где не было муравьёв.

Три муравья остановились около кочки. Как и полагается уважаемым серьёзным людям, постояли, подумали.

Потом старший говорит: «Кажется мне, внутри этой кочки много сухой травы. Наверное, там сухо, тепло и уютно».

Второй муравей – он был моложе всех - сказал: «Я схожу и посмотрю». Вскоре он вернулся и быстро зашевелил усами. На их языке это означало, что он видел там тёплое, сухое место. Теперь в кочку полезли все трое. Когда они выбрались, было решено построить здесь новый дом. В старом стало слишком много народа.

Муравьи поселились в кочке, и она этому очень обрадовалась. «Какие хорошие постояльцы!» - говорила она соседям. Соседи приходили, смотрели. Потом стали приглашать муравьев к себе в гости. Это всегда так: хороших людей все уважают и любят.

Вскоре по всей поляне среди всех кочек пошёл слух, что муравьи очень хорошие люди. Их надо звать к себе жить. Прошло ещё некоторое время, и что ни кочка стоит на лесной поляне, то жильё муравьёв! Всем стало хорошо. Муравьи расселились повсюду, а кочкам перестали докучать разные листогрызы-насекомые.

Я сижу у огонька на краю этой поляны, пью чай после долгого пути по весенней тайге. Смотрю на поляну. Вся она в бесчисленных больших и маленьких кочках. И в каждой из них живут хорошие лесные люди – муравьи. Стражи здоровья, кустов,

трав и деревьев.

Сказка Еврашка

Ольхон А.С.

Еврашки у нас в тундре живут, суслики северные. Зверьки небольшие, невзрачные, а весёлые. Любят еврашки возле своих норок на солнце греться. Как тёплая погодушка па Север придет, еврашка даже спать не может. Радуетса свету, радуется теплу, радуется, что трава быстро растёт. Побегает, побегает около норки еврашка, встанет па задние лапки и давай мордочку чесать. Сам себя прихорашивает, усы себе разглаживает. Почистится, потом закусывать начинает. Возьмёт в лапки корешок или веточку и хрупаёт. Стоит возле норы на бугорке, кушает не торопясь. Куда ему, еврашке, спешить? Лето пришло! Солнце и в полдень и в полночь с неба не уходит. Гуляет по небу солнце; еврашка по тундре гуляет. А нагуляется, встанет на бугорке и стоит целыми часами. Заглянет на минутку в свою квартиру подземную и опять на бугорок, на солнышко вылезет. Не спитса еврашке.

Да и с чего ему спать? Длинную тёмную зиму спал еврашка почти без просыпу, выспался. Все бока отлежал. Даже шёрсточка стала линять-выпадать. Шубу свою меняет летом еврашка. Забавляется еврашка. Летом ему раздолье.

Наша тундра летом нарядна. Молодые мхи пестреют. Цветы, словно звёзды яркие, зажигаются повсюду. Леса у нас в тундре совсем нет. Деревца в тундре карликовые, крохотные. И все они низко по земле стелются. Высоко им подниматься нельзя: ветер здесь сильный, вырвет. Полярные ивы есть — тарушки. Такая ива величиной с бутылку, всю с корнями на ладони можно уместить. Л оказывается, ей много-много лет.

Поглядите на наши деревца. Всё у них, как у больших. Листья, кора, ствол, ветви, корни. Только всё маленькое. Идёт человек по такому заполярному лесу, будто по невысокой траве. Самые большие кусты вершинами едва до колен достают. Вот какая у нас тундра!

А нашему еврашке стелющийся лес глухой чашобой кажется.

— Заблудиться в таком лесу можно, — думает еврашка, и от своей норки далеко уходить боится. Нору еврашка делает подальше от кустарников,

— Кто его знает, какие там звери в этих лесах, думает еврашка, —попадёшься в когти горностаю или ещё кому. Да и птицы хищные там, в кустарниках, гнездуют. Нет, на ровном месте спокойнее.

Так рассуждает еврашка. Правильно рассуждает! Горностай острозубый, как молния, в кустах налетит — и смерть еврашке. Сова полярная наскочит — и конец еврашке. А возле норы опасности меньше. Вокруг тундра гладкая. С бугорка, от самого входа в норку, далеко все видно, спрятаться всегда успеешь. Мелькнула тень в небе — исчез еврашка. Песец крадётса по тундре, увидел еврашка и кувырком в свою подземную квартиру. Поди-ка там его найди! Осторожный зверёк наш

еврашка, знает, что он маленький, беззащитный, и живёт, как ему положено, в большие звери не лезет. Один раз захотел он стать большим зверем — не вышло. Смешная история получилась.

В тундре летом, когда небо чистое и света много, бывает так: поглядишь — гора высокая стоит. А на том месте горы быть не должно. Что за чудо? Пойдёшь к этой горе, а она всё меньше да меньше становится. До самой горы дойдёшь — и станет она простой кочкой. Или так случается: смотришь — по тундре великан шагает, головой в небосвод упирается, ножищи огромные, каждый шаг — целая верста. Ты удивляешься, а великан к тебе идёт, и с каждым шагом рост его уменьшается. Подойдёт близко, и оказывается, это мальчуган знакомый из тундры топает, за ягодами ходил.

Чуда тут никакого нет. Кто в тундре давно живёт, тот знает. Это свет такой яркий летом, воздух прозрачный переливается: низенькая кочка горой кажется, собака — чудовищем, мальчик — великаном.

Кто долго у нас в тундре живёт, тот, конечно, не обманется. А еврашка как-то забыл об этом и обманулся. Сидел он на бугорке возле норы, траву жевал, вдаль глядел. На другом конце тундры другой бугорок стоял. И там другой еврашка траву жевал, на нашего глядел. Оба еврашки друг друга видели, глаза у них дальнзоркие. Вдруг наш еврашка от удивления подпрыгнул. Увидел он, как второй еврашка у своего бугорка на задние лапки встал и начал расти. Рос на глазах. Сначала он показался величиной с собаку, потом стал величиной с оленя, потом совсем верзилой каким-то сделался.

Наш еврашка даже перекувыркнулся от удивления.

— Ух ты! Сосед каким большим зверем вырос. Такого верзилу никто ещё не видал, — подумал наш еврашка. И одолело его любопытство.

— С чего это так быстро вырос сосед? Не иначе, нашёл волшебную траву. Недаром у него такая травина в лапах, толще бревна. Жуёт он эту траву, оттого и растёт быстро. Пойду-ка я к соседу, попрошу у него взаймы волшебной травы, поем и тоже большим зверем стану.

Подумав так, побежал любопытный еврашка к соседу. Бежит и глядит: опять чудо! Чем ближе наш еврашка подбегает, тем меньше сосед становится. Сначала уменьшился до величины оленя, потом стал ростом с собаку. Остановился наш еврашка, протёр себе лапками глаза. Не снится ли ему? Нет, не снится. Уменьшается сосед ростом.

Зажмурил глаза еврашка и побежал не глядя. Стукнулся лбом в соседский бугорок, тогда глаза открыл. Сосед еврашка совсем такой же, как он сам, глядит на него, удивляется:

— Ты что, друг милый, не заболел ли? Или какое чудо увидел?

Наш еврашка и ответить ничего не мог. Вспомнил он, что летом в тундре глаза обманываться могут. Догадался о своей ошибке и захохотал. Сам себе смешным показался. Обхватил своё брюшко лапками, хохочет заливается. Рассказал всё

соседу:

— Я ведь думал, что ты, сосед, волшебную траву нашёл, потому и вырос у меня на глазах. Хотел я этой волшебной травы взаймы попросить, а она ведь у тебя толще бревна. Как бы я её жевать стал?

— На, возьми, кушай! Расти большой да ума набирайся побольше, — засмеялся сосед и протянул нашему еврашке обыкновенный стебелёк осоки. Стали они оба шутить, хохотать. Весёлые зверьки еврашки.

— Иногда над своими ошибками и не еврашкам посмеяться можно. Над собой посмеёшься, в другой раз не ошибёшься

Сказка
Младший брат тигра
Ольхон А.С.

Бурундука знаете, ребята?

Маленький, желтовато-серенький, на спине полоски. Хвост у бурундука длиннее туловища, будто кисточка мохнатая, тонюсенькая. Да и весь зверёк — расторопный хлопотун. И всегда у него щёки раздуты. Похоже, что зубы болят. На самом деле не так — зубёшки у него крепкие, острые, как стальные иголки. За щеками он добычу таскает, запасец на зиму готовит. Кедровый орешек, семечко из сосновой шишки, кусочек сухого гриба, обрывок вкусной травинки — всё пригодится полосатому бурундуку. Кладовых у него в тайге много. Под большой валёжиной в ямке есть кладовая. В моховой кочке есть кладовая. Под хворостом возле ручья... Всех кладовых и не сыщешь. Только хозяин знает, да он не покажет. Бережёт свои запасы на голодное время. Смекалист полосатый бурундук.

Некоторые думают, что бурундук трусливый зверюшка. Это не так! Много забот у бурундука и врагов много. Всегда полосатый бурундук настороже. Так и надо! Хищная птица за ним охотится, соболь с горностаем гоняют. Даже маленькая ласка-кронопийца и та бурундуку прохода не даёт. Приходится ему защищаться как умеет. А какая защита у такого крохотного грызуна? Одна полосатая шкурка.

Прильнёт к траве или в сучьях затаится — и не увидишь полосатого бурундука. Лежит себе пёстрая палочка, не шелохнётся.

Шкурой своей полосатый бурундук гордится. Говорят, он считает себя младшим братом тигра. Вот какой чудак!

У нас, в северной тайге, тигров давно нет. Редко-редко когда с Амур-реки забежит жёлтое пугало, всех наших зверюг распугает, да под пулей охотничьей и кончит свои разбои.

Все звери амурского тигра издавна боятся. Бурундук не боится. Чего ему бояться, ведь он — младший брат тигра! У него у самого шкурка полосатая.

Правда, у амурского тигра чёрные полосы поперёк спины, а у бурундука вдоль. Ну, этим младший брат тигра не смущается: всё-таки он полосатый. Значит, на тигра

похож.

Как появились полосы на бурундучьей спине, знаете, ребята? Не знаете? Ну, слушайте.

Раньше у бурундука шкура была гладкая, желтовато-серенькая, совсем как у летней белки. Белка ему сестрицей двоюродной приходится. Таким родством Первый Бурундук не доволен был. Что за родня белка — попрыгунья трусливая? Бурундуки себя храбрыми считают. Дедушка нашего бурундука увидел однажды амурского тигра, забежавшего в северную тайгу. Увидел, заскочил тигру на лапу и говорит:

— Тигр, а ведь я на тебя похож, как родной брат. Давай побратаемся! Зафыркал тигр. Бурундук показался ему похожим на лесную мышь, а все тигры мышей терпеть не могут. Но бурундук был назойлив.

— Ну что тебе стоит? Побратаемся! Я про твою славу по всей тайге сказки сказывать стану.

Сказки тигр любил.

— А что с тобой делать, давай лапу, побратаемся.

Лапка у бурундука такая маленькая, что тигр никак не мог ее взять в свою лапищу и тихонько погладил вдоль бурундучьей спинки. Кончики когтей у тигра, словно лезвия бритвы. Хотя и старался названный брат не обидеть бурундука, а всё-таки содрал ему несколько ленточек кожи со спины. Сначала бурундук от боли запищал:

— Что ты наделал? Ты мне спину сломал!

Тигр утешил младшего брата:

— Назвался моим братом, так не плачь. Тигр плакать не умеет, и тебе стыдно. Ты радоваться должен. Теперь у тебя шкура полосатая.

Бурундук вытер слезы и надул щёки. Усишки бурундучьи, едва заметные, растопорщились.

— А усы у меня на твои похожи?

— И усы похожи! — успокоил младшего брата тигр, хотя даже не разглядел, есть или нет усы у бурундука.

— Мы с тобой всем похожи, оба полосатые звери.

И это верно, оба полосатые, только у тигра полосы поперёк, а у бурундука вдоль шкуры. Вот и вся разница.

ЛАСКА – БЕЛАЯ ЛЕНТОЧКА

Устинов С.К.

Наверное, все ребята знают, что леший в лесу живёт обычно в корнях огромного, давно упавшего старого дерева. Такое жилище называется выворотом или выскорью. Там живут и мыши, и полёвки, потому что много дупел, а в них тепло и сухо в любой мороз.

Однажды рано утром, когда не взошло ещё солнце, леший Кеша проснулся, полежал маленько, а потом спустил босые ноги на пол. Вставать надо, печку топить, шишки еловые жарить. Все знают, что лешие очень любят поджаренные в кипящей смоле еловые шишки. Опустил он ноги на пол, ищет шлёпанцы, а тут по соседству, тоже в дупле, раздаётся какой-то шорох, и мышь запищала. Леший высунулся и нос к носу столкнулся с лаской.

- Ты чего здесь шумишь, ленточка белая? - спросил леший.

- Да вот, мышь где-то спряталась, не могу найти. А ты, леший Кеша, разве тут не живёшь? Кедровка говорила, что ты нынче переехать за речку собирался.

- Собирался, да знакомая лисица говорит, дрова там далеко таскать и воды близко нету. Ну, заходи в гости, чаю попью. Что нового, хорошего? Горностаю давно видел?

- На днях, а что он тебе?

- Он ничего про Сибирячка не говорил?

- Нет, да мы накоротке виделись, поздоровались, как жите, здоровы ли ребятки, да и всё. Ты же, леший, знаешь, что мы не особенно дружны с горностаями.

- Такое дело, ласка. Ты Сибирячка знаешь?

- Кто же его не знает! Я даже видел, как однажды он грибы собирал. Сорока говорила, что он большой твой приятель, не врёт?

- Это правда, ласка, но он не только мой друг, его мнение в лесу уважают.

Интересный, а главное - добрый человек. Доброго все уважают. Он говорил, что хорошо бы с тобой познакомиться.

- Можно бы, наверное, да переезжаем мы в другие края.

- Что так?

- Мы, леший Кеша, всегда осенью кочуем: сегодня тут, завтра - там. Вернёмся, дня три поживём, и опять в даль лесную. Как же быть?

- Придумал! Ты, ласка, письмо ему напиши, а я передам. Он ко мне завтра должен прийти, я ему сказку одну обещал рассказать, он их любит. Расскажешь про себя, про ласок вообще. Что вы за зверьки, как живёте. Он про всех лесных жителей рассказы пишет. Да чтоб всё правда была, без выдумок.

- Нисколько приврать нельзя?

- Ни грамма, люди же читать будут, ребята!

- Ладно, леший, вечером занесу письмо.

Вечером леший под пенёком - это у него почтовый ящик такой - нашёл письмо, а в нём было написано так:

«Здравствуй, уважаемый Сибирячок! Пишет тебе ласка - белая ленточка. Леший, мой приятель, просил тебе кое-что рассказать про нас.

Мы - самые маленькие хищники из семейства куниц. Живём повсюду, даже высоко в горы забегаем. Можем жить в соседстве с человеком, на окраине посёлков и городов. Любим большие поляны, вырубки в лесах, гари старые. Только чтоб травы и кусты разные росли, лес - и то не обязательно.

Словом, живём там, где мыши и полёвки водятся.

Зимой мы белые, как горностаи, а летом, как и они, - коричневые! Ты, наверное, догадался уже, что это для маскировки, да и теплее, белому, зимой.

Тело у нас тонкое, гибкое, ноги и хвост коротенькие - вот и назвали нас белыми ленточками.

В мышиную нору свободно пролезаем. Линяем два раза в году, весной и осенью. Происходит это так: весной белые волоски слабеют и выпадают, а на их месте вырастают волоски коричневые. Постепенно, примерно за месяц, шубка меняет цвет. Теперь в кустах, в траве попробуй ласку заметить!

Длина тела у нас двадцать сантиметров, хвоста - четыре сантиметра, а вес тела целых сто граммов!

Это я про самца говорил, самки - меньше вдвое.

Если увидишь на снегу аккуратные, парой, один чуть позади другого, следы, длиной по одному сантиметру, то знай, что это ласка проскочила. Вот такие.

Чуть не забыл: с горностаями мы не дружим. Вечно они недовольны, что мы тоже полёвок и мышей едим, говорят - наших ловите. Горностаи сильнее нас. Приходится уходить, если горностаи поселился по-соседству. Да мы и не жалеем, всё равно бродяжим. Так интереснее, места новые помотришь, какую-нибудь новую полёвку добудешь.

Надо сказать, Сибирячок, поесть мы любим очень плотно. Вот я, например, за сутки столько мышей съем, что, если их всех вместе взвесить, - половину меня потянет! Охотимся обычно в сумерках, но бывает и днём, особенно зимой. За день один-два километра набегает. Это при наших-то размерах! Подолгу можем без воды обходиться. В местах с высоким снегом следов наших можешь не увидеть и подумаешь: ласки не живут тут. А мы под снегом! У самой земли проделываем в нём ходы, и бегаем там.

Отдыхаем в жилищах мышей, полёвок.

Детей у нас много, до десятка, а рождаются они два-три раза за один год. Папаша о нас не заботится, мама воспитывает. Да мы на него не обижаемся, он не виноват: природа так установила. Но что интересно, детёныши наши редкостно красивы, рождаются в сплошь малинового окраса волосинках, даже бывает - в оранжеворозовых! Как цветы живые, около мамы лежат. Здорово также и то, что растут они очень быстро, За полмесяца в 12 раз увеличивают массу тела! Через 10 дней уже и мышей едят, мама. приносит.

Опасны для нас все хищники, даже птицы. Как-то на днях напала на меня сова.

Гляжу: по снегу тень летит, луна яркая была. Я только хотел столбчком встать, поглядеть, что это, а она уж тут! Еле успел в снег нырнуть. Мы умеем в рыхлый снег мгновенно, как в воду нырять».

Вот и всё, что рассказала Сибирячку ласка - белая ленточка

КАК МЕДВЕДЬ ЛЯГУШЕК ПРОГОНЯЛ

С. Бунтовская

— Ква-ак! Ква-ак! Ква-ак! — день и ночь доносилось со стороны болота бодрое кваканье лягушачьего хора. Все лесные жители давно привыкли к этим концертам и не обращали на них никакого внимания. Птицы спокойно выкармливали птенцов,

мыши, в ожидании очередного потомства, обустроивали свои норы, а лосиха обучала своего малыша-лосёнка доставать из болота вкусные мягкие водоросли. Только медведь, лёжа под ёлкой, закрывал лапами уши и досадно морщился:

— Никакого от них покоя, от пустозвонов. Квак, да квак, точно заняться больше нечем.

Долго терпел косолапый, а потом всё-таки не выдержал:

— Всё, — твёрдо сказал он, — кончилось моё терпение! Пора гнать этих лягушек куда подальше. И чем дальше, тем лучше. Медведь встал и решительно направился к болоту.

— Эй, — заревел он страшным голосом, — лягушачье племя!

— Эй-эй-эй! Мя-мя-мя! — зловеще повторило эхо.

Лосиха настороженно поглядела на сердитого медведя и ткнула лосёнка в бок мягким носом — пойдём, мол, отсюда. Смешно поднимая тонкие длинные ножки, малыш выбрался из болота и побежал к лесу. Лосиха, часто оглядываясь на медведя, пошла за ним. Но косолапому до лосей не было никакого дела.

— Я — медведь, хозяин тайги, — рычал он,

— уходите отсюда! Чтобы я никогда вас больше не слышал и не видел! А увижу — придавлю!

— Лю-лю-лю, — заунывно продолжило эхо.

И медведь зашлёпал по воде своими мощными лапами с громадными кривыми когтями. Эхо звонко повторило его шлепки.

Лягушки перестали квакать и в ужасе запрыгали к краю болота. И только одна очень смелая лягушка осталась сидеть возле самого медвежьего носа.

— Ква-ак! — сказала она. — Глупец ты, а не хозяин тайги. Ква-ак!

С этими словами лягушка преспокойно высунула свой длинный язык и поймала пролетавшего над её головой комара. Проглотив его, она поглядела на медведя круглым золотистым глазом. Подобной наглости от такого мелкого создания косолапый не ожидал.

— Ах ты, мерзкая амфибия, — рассерженно рыкнул он, — утоплю!

— Лю-лю-лю! — поддержало его эхо. Медведь схватил лапой лягушку и сунул ее в воду. Но лягушка была скользкая и легко вырвалась. Она проплыла под водой несколько метров до берега и вынырнула на поверхность.

— Глупец, — презрительно повторила она и запрыгала прочь, даже не взглянув на своего обидчика.

Медведь с облегчением вздохнул и побрёл под свою ёлку досыпать. Но не успел он и глаз сомкнуть, как у левого уха раздался тонкий препротивный писк:

- Пи-и-и!
Косолапый, не открывая глаз, тряхнул головой, чтобы отогнать неприятного пiskuна. И тут писк послышался у его правого уха:

—Пи-и-и-и!
Медведь открыл глаза и увидел комара, сидящего у него на носу. Комар деловито расправил свои

ножки и вонзил в нос медведю тонкое жало. Медведь подскочил и со всей силы ударил по комару лапой. Но коварный комар успел взлететь, и потому медвежий удар пришёлся по его же собственному носу.

—О-ох! — заревел медведь, — нет мне никакого покоя!

И тут косолапый заметил, что вокруг него вьётся целое облако кровожадных

насекомых.

— Пи-и-и-и! — мерзко пели они. — Мы прилетели поблагодарить тебя за избавление нашего племени от этих

лягушек. Но мы не можем выразить тебе свою благодарность, не подкрепившись. Так что из-зини-и-и-и.

И комары накинулись на несчастного медведя. Они кусали его в нос, в глаза, в уши. А один умудрился укусить даже в хвост.

— Р-разор-рву-у! — ревел медведь, отмахиваясь от комаров лапами. Но медвежьи удары несколько не вредили насекомым. Они носились вокруг, противно пищали и... кусали, кусали,

кусали.

Медведь бросился к болоту и залез в воду, стара Потом он взвивался в воздух и вливался в стаю себе подобных, которая росла на глазах и вилась над торчащей из воды головой несчастного медведя.

Что я наделал? — хлопнул себя по лбу медведь — Я сам добровольно лишил себя по мокрой лапой. — коя на всё лето! Вот уж действительно глупец!

Он вылез из воды и со всех ног бросился в лес. Вслед за ним устремилось всё полчище комаров. Молчи-и-и-и! Молчи-и-и-и! - пищали они и

старались укусить медведя больнее. Косолапый на ходу тёр лапами уши и нос и рычал, что было силы:

- Лягушки! Лягушки!

- ...гуш-ки! ...гуш-ки! – вторило эхо.

- Помогите! – вопил медведь.

- ...гите! ...гите! – отзывалось эхо.

И вдруг впереди — долгожданное — ква-ак! Комары всполошились и хором испуганно заголосили:

— Лягушки-и-и-и! Лягушки-и-и-и!

Они попытались вернуться назад, на болото, но было поздно.

Откуда ни возьмись, появилась отважная лягушачья армия. Их ловчие язычки так и замелькали в воздухе. Комариное облако таяло на глазах.

Медведь сидел, отдуваясь, и радостно наблюдал за происходящим. Одна из лягушек подпрыгнула к нему совсем близко и глянула на него золотистым глазом. Косолапый тотчас узнал в ней свою недавнюю знакомую.

— Ты это, — смущённо попросил он, — прости уж меня.... Квакайте себе на здоровье, сколько хотите, я слова не скажу. Только не уходите с нашего болота. Понял я, что любая зверюшка на земле не просто так живет, у каждой дело есть. Пусть даже она такая маленькая, как ты, лягушка. В ответ лягушка весело подмигнула медведю и, высунув свой длинный язык, поймала комара.

Ква-ак! Ква-ак! — довольно сказала она.

Ква-ак! Ква-ак! – дружно поддержали ее собратья.

Медведь вздохнул успокоенно и отправился восвояси. С тех пор он очень заужавал лягушек и все их концерты слушал с большим вниманием.

Волкова С.Л.

Приключения зелёной команды

В аптеке Анти-Оха прозвенел колокольчик.

— Кто там?

— Я, Ворона. Доктор, у меня что-то с очками или со зрением...

— Расскажите подробнее, в чём дело?

— Не решаюсь... Дело в том, что вчера я видела зелёного зайца. И не одного, а четырёх сразу.

— Гм, какое странное заболевание. Так. Снимите очки и
глядите сюда.
— Я и без очков его вижу.
— Где?
— За вашей спиной, в витрине.
— Вот как!
И тут они оба услышали тоненький заячий голосок:

— Дайте мне, пожалуйста, коробочку «Тик-так».
— Ах! — Ворона закатила глаза и упала в обморок.
Анти-Ох дал ей понюхать нашатырный спирт, и она встала.
— Вы меня так испугались? — смутился зелёный заяц. — Доктор Анти-Ох, неужели вы меня не узнали? Я же Капустка!
— Припоминаю, — пробормотал Анти Ох. — Так это же ты приходил три дня назад и скупил у меня всю зелёнку?
— Я. Спасибо. И на меня и на моих трёх братьев хватило.
— Так ты от зелёнки такой зелёный? Зачем же ты сделал это?
— Всякий уважающий себя житель тайги должен быть зелёным?

— Я тоже себя уважаю! — подскочила Ворона. — Дайте и мне зелёнки, дорогой Анти-Ох.
— Так возьмите последний пузырёк.
— Спасибо! — обрадовалась Ворона и вылила пузырёк себе на голову.
— Ну что? Идёт мне быть зелёной?

— Дорогая Ворона, вы не изменились совсем.— Как! Может быть, я что-нибудь сделала неверно?
— Просто у вас такие чёрные перья, — сказал Анти-Ох, — что к ним ничего не прилипает.
— Значит, я никогда не смогу быть зелёной? — приуныла Ворона.
— Сможете, — сказал Капустка и достал из полевой сумки зелёный блокнотик. — Тот, кто в этом блокнотике все белые страницы заполнит, тот сразу станет зелёным! В блокнотике были белые страницы и пёстрые. На пёстрых были нарисованы картинки и написаны вопросы:

Ворона вынула из блокнота карандаш, думала-думала, почесала за ухом, поплюнула, но написать так ничего и не смогла.

— Плохой карандаш! — сказала она. — Ничего не выходит. С таким карандашом разве станешь зелёной?

— Для того, чтобы вышло, — сказал ей Капустка, — надо отправиться в зелёный поход. Пойдёте с нами?

И они отправились.

НЕСЛУХИ

Устинов С.К.

СКАЗКИ И БЫЛИ О ЛЕСНЫХ ЖИТЕЛЯХ

На невысокой горе у края калтуса росли ели. Калтус – это лесная поляна в долине ручья, заросшая кустарником. Ели стояли высокие, зелёные. Красивые. С горы им далеко всё было видно.

Они видели, как рано утром из леса на калтус выходили козули, лоси, изюбры. Однажды ели видели даже медведицу с медвежатами. Медвежат было двое и оба в белых шарфиках.

Все, кто приходил на калтус, ели траву, листья и ветки кустарников. Медведи ещё разбрасывали муравейники, ели кислых муравьишек. Если долго смотреть с одного места, как ели и поступали, можно было увидеть даже, как глухарка оставляла гнездо. Она тихо и незаметно ходила поблизости и собирала разных насекомых, скусывала травинки.

Так ели жили долго, и однажды у них родились дети. Это были несколько шустреньких ёлочек. Одеты они были в зелёные пушистые платяца.

Ёлочки при ветре весело шумели и качали своими зелёными лапками. Но однажды они решили сбежать из дома и поселиться на калтусе среди низкорослых берёзок. Что уж прельстило их там, не знаю. Может, то, что берёзки – низенькие кустики – громче всех шуршали и шумели при ветре и дожде. Они всю раскачивались даже и при малом ветре. Можно было подумать, что эти карлики

живут интереснее всей! Зимой же их видно не было, они прятались под высоким снегом. Что они там делали, было самым загадочным.

Ели-родители заметили, что дети пошли на калтус, и окликнули их. Две ёлочки вернулись. Они любили родителей и не хотели их расстраивать. Ёлочки поверили родителям, что на чужбине плохо.

Там холодно, потому что калтус лежит на дне долины. Место открыто всем ветрам, и неглубоко под землёй залегает вечная мерзлота. От неё гибнет всё живое.

Многие ели пробовали поселиться на калтусе, но они либо гибли, либо владели жалкое существование. Они были низкорослые, корявые, уродливо толстые. Пытаясь согреться в холодной долине, несчастные надевали неестественно много хвои. Хвоя вскоре чернела от невзгод.

Две молодые и глупые ёлочки сильно огорчили своих родителей. Они не вернулись на их зов. Ёлочки скрылись среди густых зарослей карликовых берёзок на калтусе.

Прошло много лет, и о беглецах ничего не было слышно. Был, правда, слух. Его случайно услышали ели из разговора двух дроздов. Будто там, на калтусе, среди берёзок стоят два маленьких деревца, похожих на ели. Похожих только своей колючей хвоей. Все остальное не поймёшь что: корявое, уродливое, некрасивое густое и почти чёрное, а не зелёное. Дрозды будто бы даже не смогли сесть на ветви этих уродцев.

Если поняли, что это их несчастные дети – неслухи. Теперь им с чужбины не вернуться, и у них не будет своих детей. А родина рядом. Вон, на склоне, стоят красивые, высокие, ровные ярко-зелёные ели, их родители. Рядом с ними две молодые, рослые и стройные ёлочки, ровесницы беглецов.

Счастье всегда найдёшь на родине. Надо только уважать старших, принимать их опыт.

Вот что нарисовалось мне, когда я смотрел на горную долину, - калтус с чернеющими кое-где несчастными, уродливыми ёлочками. Они видны были из открытых дверей моего зимовья – лесной избушки, построенной на склоне среди высоких, стройных зелёных елей.

Байборodin А.Г.

КОСОПЯТ – БОРОДА ДО ПЯТ

Жили-были дед да баба у самого синего леса. Деда звали Савраска, бабу Малахайка. Вот они жили-поживали, детей наживали. И нажили двух чадушек — сестрицу Олёнушку и Машеньку. Олёнушка послушная росла, и звал её дед Умкой. Скажет ей бабка сказку, как деда Савраску запрягли в салазки мух катать. Скажет дед байку, как старуху Малахайку посадил дедок на стайку, чтоб играла в балалайку. И уснет Олёнушка сладким сном.

Только Машенька не спит. Ножками стучит, Олёнушку дразнит:

— Олёнка-пелёнка — невеста поросёнка.

Дед Савраска байки все проговорит, бабка Малахайка сказки вымолвит. И всё без проку. Не берёт девчонку угомон. Никак не спит. Ушами шевелит, деда с бабкою дразнит:

— Деда Савраску и бабу Малахайку

Посадили в стайку.

Стали сеном их кормить,

А потом пошли доить.

Стала бабка Малахайка плакать-убиваться.

Стал дед Савраска ругаться:

— Вот Олёнушка-то Умка, а ты пошто такая Чумка? Ну-ка, КОСОПЯТ-БОРОДА ДО ПЯТ, забери-ка нашу Машу уму-разуму учить!

Лишь промолвил дед про это, так и одолел Машеньку сон. И приехал в её сон богатырь — сам с пенёк, косопят, борода до пят.

Запряг семеро опят.

Тележка берестяна, оглобельки осиновы. КОСОПЯТ- БОРОДА ДО ПЯТ лихим голосом вопит — ветер в ельнике гудит.

— Кто долго не спит?! Ножками стучит и Олёнушку дразнит?! Кто тут худо засыпает, деда с бабкой обзывает?! Сам не спит, чадушкам моим — шишкам, ягодам, грибам — спать не велит?!

— Это я, это я! — расхрабрилась Машенька. — Спать не хочу, твоим чадам не даю. А ты стар — забодай тебя комар! А ты кривопят — тебя блохи заедят!

Взъярился КОСОПЯТ- БОРОДА ДО ПЯТ, накинулся на Машеньку с берёзовой клюкой.

Испугалась Машенька, света белого не взвидела.

Бежит через сон, сквозь тайгу глухую. Травы хлещут по ногам, листья больно щиплются, всю иголки искололи, шишки в голову стучат. А КОСО-ПЯТ-БОРОДА ДО ПЯТ погоняет опят. Машу настигает. И берёзовой клюкой по спине стегаёт.

Но тут Машенька из сна выбегает. Просыпается.

Пробудилась и сестрица Олёнушка и сказала Машеньке:

— В лес ходила я во сне. Иду, а на валежинке сидит сам КОСОПЯТ-БОРОДА ДО ПЯТ. Запряг семеро опят. Тележка берестяна, оглобельки осиновы. И говорит мне КОСОПЯТ- БОРОДА ДО ПЯТ: «Олёнушка, мастерица-рукодельница, зачини-ка мне порты!» А порты у него из берёзовой коры. Взяла я кедровую иголку, зачинила дедушке порты. И говорит мне КОСОПЯТ-БОРОДА ДО ПЯТ: «Ты такая Умка. Деду с бабкой помогаешь, браво засыпаешь. Вот тебе гостинчик мой». А на тележке стоит туесок берестяной, а в том туеске земляника-ягода. Красная, поспелая. Хотела я туесок взять, а КОСОПЯТ-БОРОДА ДО ПЯТ велел в тележечку садиться. «Рук не

утруждай, ног не избивай, а садись в тележечку. Отдохни маленько. Отвезём тебя к утру. Ну-ка, — говорит, — ребятки — белые опятки, мчите нас сквозь глухую ночь к синенькому утру». И понеслись опять выше рек текучих, выше туч летучих. И примчали меня прямо в утро... Вот такой приснился сон. Еж-ли бы взаправду земляники туесок...

Глянула Олёнушка вокруг себя, а тут диво дивное: стоит подле кровати туесок, полный земляники.

А Машенька почуяла, что у неё и ноженьки, и рученьки болят — в кровь исколоны. Осердилась Машенька.

И опять синий вечер опустился. Запахнули ёлочки свои зелёные глаза, потянулись и уснули. Спит Олёнушка-сестрица. А Машенька лежит, но в голос не кричит, деда с бабкой не дразнит. Стал дед Савраска ей байку говорить:

— Бабка Малахайка уселась на стайку, играет в балалайку...

А Машенька деду говорит: .

— Не надо байки сказывать. Вы меня не усыпляют. Ноне я сама усну. А этот КОСОПЯТ-БОРОДА ДО ПЯТ мне гостинец принесёт, землянику-ягоду. Полный туесок. Пусть попробует обманет, — снова расхрабрилась Машенька, — надеру за бороду. Зря я, что ли, засыпаю? Нынче я сама усну. А завтра вечером снова буду ножками стучать, ушами шевелить и Олёнушку дразнить.

Вздыхнул сердито дед Савраска и полез на печь к бабке Малахайке, сны глядеть, стары кости греть.

Тут и Машенька уснула. И попала в сонный лес.

А во сне сидит КОСОПЯТ-БОРОДА ДО ПЯТ.

Запряг семеро опят. Тележка берестяна, оглобельки осиновы. Молвит тихо:

— Машенька, дочурка, почини-ка мне порты из берёзовой коры! Отмахнулась Машенька:

— Сам порвал, сам и чини, не великий барин. И давай-ка мне скорей туесочек с ягодой. Нынче я сама уснула. Тащи скорее землянику. Недосуг с тобой болтать, огородно чучело.

— Ах ты, Чумка! — рассердился КОСОПЯТ-БОРОДА ДО ПЯТ.

И накинулся на Машеньку с осиновой клюкой.

И опять поколотил.

Открыла она утром глазки и заплакала. Но стала Машенька с той поры деду с бабкой помогать — грядки поливать. Стала и без уговоров засыпать.

И она уже забыла про деда КОСОПЯТА. Но проснулась как-то утром, а КОСОПЯТ-БОРОДА ДО ПЯТ запряг семеро опят и привёз Машеньке ивовую корзину.

А в корзине той малина, душистая, лесная.

И я там был, малиновый квас пил, по усам текло, да в рот не попало.

В. Стародумов

Жалобная книга

Ах, какой богатый открылся в Подлеморье лесной базар! Чего только там не было: и капуста, и морковка, и орехи кедровые, и грибы сушёные, и ягода всякая — брусника, черника, голубица, не говоря уже о разных травах в берёзовых чумашках! Всё зверьё, падкое до вегетарианской пищи, потянулось за покупками. Завернул сюда и косолапый Мишка, понюхал воздух, не пахнет ли сладостями.

Продавец Лось поманил его к себе в ларёк: — Небось конфет захотелось, топтыга? Есть у меня конфеты, причём всякие.

— Ты угадал, Лось, — заурчал медведь. — Отвесь-ка мне полкилограмма шоколадных конфет... из дорогих... Ну... тёзок!

— Каких тёзок? Ах, «Мишек»! Ладно. Только из каких тебе — бурых или из северных, белых?

Медведь поморщился: — Белого я не употребляю. Ты отвесь мне нашенских. шишкинских «Мишек».

Лось вывалил конфеты из чашки весов на прилавок: — Забирай!

— А во что я их заберу, — возмутился медведь. — У меня же в шкуре карманов нет!

— А бумага у меня кончилась, — начал оправдываться Лось. — Нет бумаги. Байкальский целлюлозный комбинат, говорят, закрыли.

— Подай мне сюда жалобную книгу! — потребовал медведь.

Лось захлопал глазами, встряхнул лопатообразными рогами, помедлил немного, но жалобную книгу всё же подал.

Медведь вырвал из книги несколько листов, сделал кулёк, ссыпал в него конфеты и проворчал: — А ещё говорит, что у него нет бумаги.

В. Стародумов

Лиса и выдра

Надоело лисе в норе жить. Вот идёт она к выдре и говорит:

— Хочу тебе одно дело предложить.

— Какое? — спрашивает выдра.

— Давай построим вместе избушку и станем в ней жить. И тебе, и мне будет веселее. А то живёшь ты одна в своей норе около воды и света белого не видишь. Ведь правда?

— Пожалуй, правда.

— Значит, согласна?

— Согласна.

Пошли они место выбирать для строительства. Облюбовали. Лиса и говорит: — Ты выходишь на охоту только ночью, а я днём могу охотиться, давай договоримся: ты будешь рубить лес, а я — добывать пищу, чтобы нам было чем подкрепиться после тяжёлой работы.

Выдра согласилась. Взяла топор и начала деревья валить. А лиса ушла в лес с ружьём добывать еду.

Сперва подстрелила куропатку и тут же съела, чтобы подкрепить свои силы для дальнейшей охоты. Потом, выйдя на равнину, увидела на солнцепёке весёлого суслика: он стоял на задних лапках возле своей норы. Лиса и его подстрелила и тут же съела.

Утолив голод, она разомлела и решила отдохнуть в тени под деревом. Ничего больше ей не хотелось. Она и не заметила, как прошёл день.

Под вечер лиса собралась в обратный путь. Идёт и думает: «Чего бы такого на ужин себе и выдре добыть мимоходом?» И видит — змея на тропе лежит. Лиса прихватила её, идёт дальше. Слышит, запищала где-то мышка.

«Хоть и не велик кусок, да лаком», — обрадовалась она. И, осмотревшись, обнаружила мышку под корягой. Поймала и тут же съела, чтобы не таскаться с мелочью.

Ещё больше обрадовалась лиса, когда заметила зайца, попавшего в капкан.

«Вот это удача так удача!» — засмеялась она. Достала зайца из капкана и — прямёхонько домой!

Пришла на место строительства и обмерла: перед нею стоял готовый сруб избушки, а около, положив под голову топор, спала выдра.

«Эк, утомилась бедняга, — посочувствовала лиса, — так крепко поработала, что задремала от усталости».

Попробовала она разбудить выдру, да где там!

«Ну пусть отдыхает, — решила лиса. — Выдра поработала за двоих, а я, так уж и быть, поужинаю за двоих!» И начала уплетать зайца.

Вот и судите: и у выдры, и у лисы — усталость, а кому еды больше досталось

В. Стародумов

Слепой сохатый

На Байкале, на море славном, загуляли нерпы недавно. Загуляли, так запели хором, что даже качнулись горы. Не диво ли?

Это ещё не сказка, а присказка. Вот зажарим омуля на рожне, поедем да напьёмся крепкого и душистого чая, тут и сказке будет начало. Жил-поживал когда-то ни бедно, ни богато старый рыбак Гунга. И была у него чудесная тальниковая дудочка: стоило заиграть на ней, как непременно из тайги выходили на пригорок к избушке рыбака то медведь, то олень, то рысь, то белка или бурундук, а то и соболь.

Только на двух четвероногих — собак-волкодавов Гыра и Чира — игра на дудочке не действовала. Они с ворчанием следили, как Гунга привлекал к себе лесных обитателей, а когда трели прекращались, с лаем срывались с места и прогоняли пришельцев. Приходили они в Долину Брусничных Зорь издалека. Своих-то зверей и зверушек Гыр и Чир щадили, не всегда провожали лаем.

Кто только не перебивал здесь! Наведывался изюбр, забегала кабарга, подымался на пригорок кабан. Даже появлялся барсук, а ведь его днём из привычной тёмной норы ничем другим и не выманишь. Что значит дудочка Гунги!

Одного только хозяина Долины Брусничных Зорь, старого сохатого, сильнейшего из зверей, дудочка не могла приманить к избушке рыбака. Гунга знал, что этот

матёрый лось не имел соперников, равных себе по силе, хотя и был слеп. А ослеп он ещё молодым, когда его чуть не разорвала волчья стая. Но и тогда сохатый был настолько силён, что от него сильно пострадали волки, лишь немногие едва унесли ноги. С тех пор они не появлялись в Долине Брусничных Зорь. А сохатый, уже не видя родной природы, ещё больше стал чувствовать её и любить так, что никуда из Долины не отлучался, сжился с нею и, если б потребовалось, пошёл бы на смерть ради неё.

Однажды Гунга, сидя на завалинке своей избушки, стал выводить на дудочке такой замысловатый мотив, до какого ещё ни разу не додумывался. И поглядел на приговор: ну-ка, кто появится на этот раз? Повернули туда же головы Гыр и Чир, и оба тотчас неистово залаяли.

— Слепой сохатый! — ахнул Гунга.

И верно: на приговор ступил долгожданный слепой сохатый. Он тяжело дышал, вздымая бока, покрытые шрамами и ссадинами — следами былых боёв с хищниками.

— Гунга, ты хорошо играешь на дудочке, — заговорил сохатый трубным голосом. — Даже я не устоял перед нею. Да разве только я? На пути к тебе я слышал угрожающий голос: «Дудочка Гунги будет моей, она поможет мне съесть всех, кто приходит в Долину Брусничных Зорь!» Сюда стремится страшный Быкотигр! Поберегись, Гунга!

И с этими словами слепой сохатый исчез.

Гунга оторопел: Быкотигр — это же четырёхрогое кровожадное чудовище с головой быка и туловищем полосатого тигра. Ходило оно, как человек, на задних лапах. И где бы ни появлялось чудовище, солнце сразу же исчезало, поднимался ветер, гулом наполнялась тайга. Жило чудовище в ущелье, среди гор.

— Беда, если чудовище нагрянет сюда, — испугался Гунга.

Чир и Гыр жалобно заскулили. Всё вокруг избушки вдруг потемнело, засвистел ветер, повеяло холодом. Откуда-то издали послышался лязг скрестившихся рогов. «Слепой сохатый схватился с Быкотигром!» — догадался Гунга.

Чир и Гыр бросились через пригорок в тайгу. Их глазам предстало необыкновенное зрелище: огромный четырёхрогий Быкотигр наступал на слепого сохатого, а тот спокойно отражал его наскоки. А потом изловчился и отбросил Быкотигра на тропу, что поднималась на Гремучий утёс. Под утёсом гремел поток. И тут, на тропе, сохатый разъярился: в горячке боя он наткнулся на стволы могучих кедров, сдирая себе кожу, но не отходил от врага. Разъярилось и чудовище: ему, зрячему, приходилось отступать перед слепым сохатым! Никогда не случалось Быкотигру встречать такого сильного противника!

Прошло совсем немного времени, и сохатый загнал Быкотигра на вершину Гремучего утёса. И тут чудовище в отчаянии напрягло последние усилия и так

бодн
уло
слеп
ого
сохат
ого,
что
рога
их
спле
лись,
и оба
поле
тели
вниз
с
Грем
учего

утёса...

Темень расступилась, вмиг исчез свистящий ветер, и между уходящих мрачных туч проглянуло весёлое солнце.

Чир и Гыр с лаем обогнули утёс и спустились с горы к потоку. Слепой сохатый лежал среди камней. Он был мёртв.

А куда девался Быкотигр? Оказывается, поток унёс его под землю — туда, откуда пришло чудовище.

Когда Чир и Гыр привели Гунгу к месту гибели четвероногого героя, тот сказал:

— Вот так надо любить родную землю и нам, зрячим. Этот сохатый сделал всё, чтобы я спокойно мог продолжать играть на своей дудочке, чтобы все звери и зверушки также спокойно шли на её зов.

Слава слепому сохатому!

Стихи о животных

Трофимов М.Е

НА УРОКИ

По зимнему лесу спросонок
Бежит длинноногий лосёнок,
Он резвым галопом
Несётся по тропам
Среди невысоких сосёнок

Торопится увалень-мишка.

Под мышкой тяжёлая книжка.
Устроить бы гонку,
Догнать бы лосёнка,
Да только мешает одышка!

Бегут озорницы лисицы,
Сегодня они ученицы.

Спешит как на праздник
Бельчонок-проказник,
Сегодня и он первоклассник.

Зайчишка купил за копейку
Тетрадку в косую линейку,
И мчится вприпрыжку
Весёлый зайчишка,
Нырять в любую лазейку.

Стрекочут на ветках сороки,
Торопят они, белобоки.
Несут меня ноги
По белой дороге —
Я тоже спешу на уроки!

Лесная азбука: Стихи - загадки.

Трофимов М.Е

ОЛЕНЬ

Ходит Олёшка
На четырёх кочерёжках.
Сзади вертун,
Спереди лизун,
Гляделки две
И куст на голове.

БУРУНДУК

В бурундучьем огороде,
У Байкала на горе,
Бурундук с дубинкой ходит,
Не сидит в своей норе.

Он бруснику не сажал,
Он её не поливал,
Сама вызрела —
Мышка вызнала.

На брусничном огороде
Бурундук с дубинкой ходит,
Рыжий и усатый,
В шубе полосатой.

Он бруснику сторожит,
И у мышки хвост дрожит.

Не в зверинце, а в тайге:

Стихи для малышей

Киселев В.В.

БУРУНДУК

Бурундук надел пижаму.
Громко крикнул дятлу:
— Друг! Отстучи-ка телеграмму:
„Всем вокруг! Всем вокруг!
Сообщаю: стал я тигром,
Полосатым грозным тигром.
Я теперь не бурундук!"

Дятел громко рассмеялся:
— Ты, дружок, совсем заврался.
Если б ты спросил у мамы,
Ты б узнал, смешной зверёк,
Что тигриные пижамы
С полосами поперёк.

СОБОЛЬ

Про него сложили небылицы,
Он герой веселых умных басен:
Хоть без крыльев,
Но проворней птицы,
Без клыков,
Но кабана опасней.

У него сейчас невинный вид,
Потому что он по горло сыт.
А голодному ему не верь,
В нём проснётся сразу хищный
зверь.

Свиристели: стихи для детей Трофимов М. Е.

Колонок

Рыжий он и очень милый –
Весь, от хвостика до глаз.
Его солнышко любило,
Навещало каждый раз.

Его солнышко любило,
Приходило с посошком,
Медом диким накормило,
Щекотало за ушко

Барсучата

Ладушки да ладушки
У барсука, у дядюшки
На высокой на горе
Есть маленький пригорочек,

Во глубокой во норе
Есть маленький отнорочек –
В том отнорке барсучатки
Целый день играют в прятки.

Белка

Кто тут бегал вверх и вниз,
Цокал,
Кто игрив и весел,
Кто грибы сушить повесил
И на ветке шишку грыз?

Обежал зверёк весь лес,
А потом в дупло залез,
Изнутри дупло заткнул.
Притаился иль заснул?
Не видали мы, а жалко,
Кто здесь бегал поутру.
Вот вам палка-застукалка,

Постучите по дуплу.
Вы зачем в дупло стучали?
Белку очень испугали:
Белка выскочила
Спинку выгнула,
Завертела хвостом,
Зацокала языком –
Осердилася на вас,
Был у белки тихий час.

НЕБЫЛИЦЫ, НЕБЫВАЛЬЩИНЫ

Росомахи

Тити-тили-тили-тили,
Росомахи в лес ходили:
Шишки били, шелушили
И в мешках домой носили.

КНИГА ВЕСЕЛОГО ДЯТЛА

Сергеев М.Д.

ЛОСЬ

Шла тропинка вкривь и вкось,
завивалась лихо.

Шёл по той тропинке лось,
а за ним – лосиха.

И сказал лосихе лось:
– Этот куст невкусный брось!
Отыскать грибы в чащобе
Мне сегодня удалось!

Говорит лосиха лосю:
– В небе что-то пролилось,

и в тайге опять мокреть –
просто муторно смотреть!
Ты сходил бы к леснику,
ты попил бы с ним чайку,
ты валежину сухую
притащил бы старику.
Чтобы в дождь ему не слечь,
чтоб топилась в доме печь,
чтоб лесничиха-старуха
пироги могла испечь!

ОЛЕНЬ-ДРАЧУН

Справедлива тайга и строга.
Наказала оленя тайга –
где-то в чёрной чащобе лесной
потерял он крутые рога.

Он потерю искал
от темна дотемна,
обходил стороной
он друзей и врагов,
чтоб не встретил случайно
никто
драчуна
без красивых,
ветвистых рогов

Вот кусты он увидел вдали.
– Не рога ли торчат из земли?
Неужели олени рога
на поляне лесной проросли?

Но деревья растут и кусты,
но растут лопухи и цветы,
а чтоб выросли в чаще рога –
о таком не слыхала тайга.

И напрасно олень
дотемна каждый день
всё искал
и вблизи и вдали.
Не на рыжей траве –
на его голове
молодые рога
проросли! Будешь ещё
драться?!

Растительный мир

(цветы, травы, деревья, ягоды)

Сказки, рассказы, проза

В. Стародумов

Хвойная невеста

У одного бедного рыбака было три сына: Митрофан, Петрован и Иван. За всю жизнь трудяга так и не нажил ничего, но голодным никогда не был — Байкал и кормил, и поил его. Известно, у рыбака — голы бока, зато обед царский.

Собираясь умирать в своём большом, но пустом доме, старик созвал сыновей.

— Пора вам, сыны мои, жениться и жить самостоятельно. Даю вам по омулёвому надутому пузырю, пустите их. В какую сторону полетят и где сядут, там вы и найдёте своих суженых...

Сыновья вышли на берег Байкала, запустили в небо пузыри. У Петрована пузырь полетел за море, к острову Ольхону, у Митрофана — в долину, а у Ивана — в сторону прибрежной хвойной тайги.

Петровану пришлось садиться в лодку-мореходку и плыть к острову, Митрофану — идти берегом в долину, а Ивану — в тайгу.

Идёт Иван и видит: пузырь опустился над шалашом, сложенным из лиственничных стволов и крытым ветвями ели.

Вышла из шалаша красивая девушка, поймала пузырь.

— Кто ты будешь, красавица? — спрашивает Иван.

— Я — дочь кедра и сосны, — ответила девушка. — Зовут меня Альяной. А ты кто?

— Я сын рыбака Иван. Пойдёшь за меня замуж?

— Я-то за тебя пойду, — сказала Альяна. — А вот ты сперва подумай: я ведь хвойная.

Иван пригляделся к Альяне. Волосы её отливали оттенками цвета пихты, в глазах сияла кедровая зелень, а кожа на лице и руках напоминала цвет коры молодых елей и сосен. «Но ведь она — моя суженая, и притом красавица», — подумал Иван и сказал:

— Ты хвойная, ну и что! Главное, чтобы между нами были любовь и согласие.

— Да у меня и богатства никакого нет, кроме постели из мягких пихтовых лапок.

— Я тоже не богаче тебя.

Привёл Иван Альяну в отцовский дом, старик отвёл молодым комнату.

Вскоре появился со своей невестой и Митрофан. Приданое Таисии едва вместились в комнате — отец-то у невесты был скупщиком, все уловы рыбаков он перепродавал на стороне втридорога.

Последним прибыл с острова Ольхон Петрован с ещё более богатым приданым невесты Тонхон, дочери бурятского князька-нойона.

— Вот и стал наш дом полной чашей, — сказал старик, довольный выбором старших сыновей. — Рад за вас, а даст бог — и младшему, глядишь, когда-нибудь улыбнётся счастье.

Сказал так и умер.

Но разве могут ужиться под одной крышей три невестки? Начались раздоры, нападки Тонхон и Таисии на Альяну:

— Чего тебе с Иваном ютиться в пустой комнате, а у нас, гляди, сколько богатства, — помещать негде. Переселяйтесь в свой шалаш!

Подумали-подумали Иван с Альяной и решили уйти. Им и самим надоела такая жизнь. А в тайге их уже ждали...

Медведь вышел навстречу с бочонком мёда, а за ним — сам хозяин тайги Кедрач-кудрявич в пышном облачении. В руках он держал большую просмолённую чашу.

— Невесты дом да будет домом и жениху, — сказал он Ивану. — Приветствую и одобряю твой выбор. Но чтобы и в твоих жилах текла хвойная кровь, испей этот чудодейственный напиток. И Кедрач-кудрявич протянул Ивану чашу.

Не колеблясь, Иван припал к чаше губами, опорожнил её до дна.

— Ну вот теперь ты наш, — сказал Кедрач-кудрявич. — А коль так, сыграем настоящую свадьбу, нашенскую... Тащи, Миша, мёд на стол, а вы, Иван и Альяна, следуйте за мной!

В распадке, на поляне, куда Кедрач-кудрявич привёл вслед за медведем Ивана и Альяну, за большим столом, ломившимся от обилия таёжных кушаний и напитков, уже сидели многочисленные обитатели тайги: сохатые, маралы, косули, зайцы.

Гости встретили хозяина с женихом и невестой восторженно. Маралы трубили, сохатые в такт отщёлкивали языком, косули били копытцами по столу, а зайцы, словно циркачи, жонглировали морковками. Не скучал и медведь, он носился со своим бочонком мёда вокруг стола и неуклюже пританцовывал. Растроганно глядели на всех Иван с Альяной. Такого отношения к себе они ни разу в жизни не видели: всё походило на сказку!

Кончились свадебные торжества, гости, распрощавшись с молодыми, разошлись

по
своим
дорога
м и
тропин
кам.
Покину
ли
поляну
и
Кедрач-
кудряв
ич с
медвед
ем,
осталис

ь Иван с Альяной одни. Их кровом стал шалаш. Зажили они в тайге на радость всем зверям и птицам: в Иване с Альяной они увидели своих защитников!

Молодых всё радовало: каждое дерево, каждая травинка своим шорохом и шелестом, казалось, вверяли им что-то своё, сокровенное. Прохладные ручьи и ручейки, утолявшие жажду, услаждали слух мелодичным журчанием, в котором слышалось что-то от дрёмных чащоб и горных ущелий, полных тайн. Вот в тишине тайги подала голос какая-то пичужка и смолкла, как бы боясь снова нарушить тишину.

Чу! — прыгнула с ветки кедра белка. И тотчас воздух потрясло: — Фр-р-р-р-р! Это вспорхнула с зарослей голубичника вспугнутая белкой стая куропаток.

Годы шли так быстро, что Иван с Альяной и не заметили, как выросли их дети и стали жить отдельно.

Как-то сидя в своём шалаше и перебирая бруснику, Иван с Альяной разговорились о прожитой жизни и вспомнили о Петроване с Таисией и Митрофане с Тонхон.

— Они за все эти годы ни разу и не навестили нас, — пожаловалась мужу Альяна. — Зарылись в своём богатстве, и до нас им, видно, нет никакого дела.

— Но это неправда, что мы бедны, — сказал Иван. — Есть у нас самое главное богатство — здоровье и сила! Кто сказал, что мы одряхлели? Мы были свежими и бодрыми, такими и остались. А вот они, наверно, давным-давно состарились, и богатство им не в радость.

Была поздняя осень. Осыпались листья с деревьев, и только хвойные не меняли своего вида. Хлопотливые зверушки заготавливали корм на зиму. Иван тоже ушёл в кедрач за орехами.

Прибралась в шалаше Альяна, вышла посидеть на пенёчке. Глядит — приближаются к ней по тропе две сгорбленные старушки. В руке у каждой клюка для опоры.

— Не узнаёшь нас? — говорит одна из них.

— Нет, не узнаю, — признаётся Альяна.

— Мы — Таисия и Тонхон.

Тут уже, забыв про обиды, Альяна бросилась к старушкам, обняла их, расцеловала, от радости, казалось, была сама не своя. Столько лет не виделись!

— Ой, как же вы изменились! — удивилась Альяна. — С чего бы это?

— Известное дело: спился мой муж, и всё наше богатство пошло прахом, — призналась Таисия. — Все заботы по хозяйству легли на мои плечи, от непосильной работы я и согнулась прежде времени, едва хожу.

— Мой тоже не лучше, — высказала свою печаль Тонхон. — Измоталась я, хоть плачь. Такая моя жизнь.

— А дети у вас есть? — спросила Альяна.

— А как же! — ответила Тонхон. — И у меня, и у Таисии, но с нами сейчас никого нет: разлетелись все как вольные птицы, и мы остались одни. А ты, гляжу я, совсем не старишься, выглядишь как молодая невеста. Как тебе удаётся сохранять молодость и свежесть?

— Так я же... хвойная, — сказала Альяна. — А вас может омолодить лишь напиток, который имеется у хозяина тайги Кедрача-кудрявича.

— Вот как, — удивилась Тонхон. — А не сможешь ли ты достать нам этот напиток?

— Да, не сможешь ли? — попросила и Таисия.

— Нет, — сказала Альяна. — Напитком распоряжается сам Кедрач-кудрявич. Но спросить у него я могу.

Кедрач-кудрявич явился сам.

— Поздно пришли. Мой напиток надо пить не в старости, а в молодости, тогда её можно продлить.

Ни с чем ушли Таисия с Тонхон. Больше они здесь уже никогда не появлялись. А Иван с Альяной и сейчас ещё живут в своём шалаше.

В. Стародумов

Бедовый орешек

На мысе Кадильном, на самой вершине утёса, стоял над Славным морем могучий кедр, весь усыпанный шишками с созревшими орехами. От их тяжести низко сгибались ветви хвойного великана. Особенно тяжёлой была верхняя шишка, потому что в ней находилось самое крепкое и здоровое ореховое семейство. Все орехи спокойно и терпеливо дожидались, когда освободятся от смолистых панцирей, и только один из них — самый маленький — был очень беспокойного, непоседливого характера. Ему не терпелось поскорее взглянуть на белый свет и раньше всех приняться за дело. А за какое — он ещё и сам не знал. Просто не сиделось орешку на месте.

Наконец он не вытерпел, напряг все свои силёнки, поднатужился да и приподнял панцирь. И таким всё вокруг показалось интересным, он даже ахнул!

И видит орешек — подходит к кедру человек, а в руках у него — огромный деревянный колот. Приставил человек колот к кедру, затем отвёл его — и с силой ударил по стволу дерева. Кедр дрогнул, и с него посыпались на землю увесистые шишки.

Упала на землю и шишка с непоседливым орешком.

«Тут что-то недоброе», — подумал орешек и мгновенно покинул шишку. Метнулся в сторону на тропинку и покатился вниз, под гору.

Мимо пролетала кедровка, на зиму корм себе запасала. А известно, какая у этой птицы еда — орехи кедровые.

Заметила кедровка шустрый орешек и с лёту на клюв его взяла. Подняла в воздух — и в зоб, мошну свою бездонную, куда попал уже не один десяток орехов.

«Какой же я несчастливый! — пожаловался на свою судьбу орешек, ворочаясь в зобу. — От одной напасти удрал, на другую нарвался. И как это меня угораздило бежать не туда, куда надо!»

А кедровка подлетела к старой-престарой лиственнице и юркнула в дупло, там у неё был ореховый склад. Опротала она свой зоб и полетела за новой добычей.

Пригляделся к своим собратьям орешек, опечалился: «Ох, и много же нас, скорлупчиков, томится здесь! Что-то будет с нами?»

И только он подумал так, перед ним очутилась белка, заботливый зверёк, — и она запасалась на зиму. Присмотрелась, что кедровка таскает орехи в дупло, и по-воровски быстро-быстро, боясь, что кто-нибудь захватит врасплох, стала отправлять за обе щёки орех за орехом. Угодил сюда и наш бедовый орешек

«Третья напасть рядом...» — ужаснулся он. Но — делать нечего! Постарался и тут устроиться среди собратьев поудобнее, чтобы успокоиться и подумать, как быть дальше.

А белка тем временем — наутёк! Перепрыгивая с дерева на дерево, добралась до другой старой лиственницы, где у неё было дупло и склад. И, не теряя даром времени, снова кинулась к кедровкиным запасам.

Этого и ожидал притаившийся вблизи бурундук. Он тотчас юркнул в белкино дупло. Был он из таких же хапуг, которые не прочь попользоваться чужим добром. Разве мало надо запастись на зиму корму даже такому маленькому зверьку! Вот воришка и стал за обе щёки упрягивать орех за орехом из запасов белки. Не оставил и нашего орешка.

«Четвёртая напасть! — огорчился орешек, но страху не поддался. — Погоди, выкрутимся как-нибудь и из этой беды!»

А бурундук, обрадованный удачей, кинулся скорее к сухой старой сосне с обжитым дуплом. Но добраться до убежища пришлось

— на него камнем упал с неба кречет. Взвизгнул бурундук под когтями хищника, что находилось у него в защёчных мешках, вывалилось.

Упал на землю вместе со своими братьями орешек и обрадовался: легко отделался от пятой напасти!

«Не пропадём!» — утешил он себя и покатился по звериной тропе под гору. А навстречу ему медведь! Встал на дыбы, рявкнул басовито. Но орешек не сробел, ловко проскочил между лап и покатился дальше. Медведь — за ним!

«Где тебе, косолапому, угнаться за мной!» — засмеялся орешек и прибавил ходу. Поднажал и медведь. А кто не знает, что у медведя передние лапы короче задних, и в гору он бежит гораздо проворнее, чем с горы! Склон оказался крутым, и медведь с первых же шагов полетел вниз кувырком. Орешку бежать стало веселее, и он озорно

ему не

и всё,

захихикал. А медведь сослепу трахнулся головой о камень да и остался лежать без памяти. Вместо него полетел вниз камень, о который ударился медведь. Этот камень и придавил орешек.

Бедовый орешек и тут унывать не стал.

«Ну, это ещё не напасть, нам и здесь не пропасть!» — бодро сказал он и начал пробиваться наружу. И такая у орешка сила появилась, что он вскоре пророс из-под камня. И поднялся над землёй стройным кедрёнком.

...Давно уж одряхлел, а потом сгнил на Кадильном мысе кедр, от которого родился бедовый орешек. Но таким же могучим хвойным великаном среди своих собратьев возвышается над Славным морем его потомок.

В. Стародумов

Как Таню цветы выручили

Больше всего на свете маленькая Таня любила цветы.

Мама её вязала сети, и жили они в рыбацкой избушке на самом берегу Байкала. Цветов здесь мало было, они росли дальше. А те, что встречались здесь, сразу же полюбили Таню: она ещё только идёт к цветку, а он уже улыбается, кланяется ей, наверное, потому, что Таня как-то по-особому смотрела на цветы и умела с ними разговаривать. Вот только находиться среди них Тане приходилось нечасто: у мамы не было свободного времени, а идти в распадок одной Тане не разрешалось.

Но однажды Таня забыла обо всём на свете. Ей очень понравилась большая нарядная бабочка, пролетевшая мимо избушки. Таня погналась за нею, не заметила, как углубилась в лес, и потеряла бабочку из виду. Искать её не стала, хотела вернуться домой к больной матери. Но тут подул лёгкий ветерок, и Таня услышала тихий, дрожащий шёпот, похожий на далёкую, едва слышную музыку:

—Погоди, Танюша, не спеши, полюбуйся, как мы хороши... Таня оглянулась и увидела своих лесных друзей. Они приветливо

кивали ей, сияли от улыбок. Это были незабудки, жарки и колокольчики. Таня слышала, как они звали к себе.

Она поздоровалась с голубыми незабудками, огненно-оранжевыми жарками, синими колокольчиками и пожалела, что не видит среди них подснежников, которые давно уже отцвели.

— Ты, конечно, возьмёшь кого-нибудь из нас с собой? — робко спросили Таню незабудки, когда она присела около них на корточки.

— Обязательно возьму, вы же просите, — сказала Таня и сорвала всех поровну, чтобы никто не обиделся.

А её уже издали приглашали к себе тёмно-голубые васильки, белые ромашки, пёстро-лиловые кукушкины сапожки, саранки, фиалки.

— Иду, иду к вам! — помахала им рукой Таня и весело зашагала по лесной тропе.

С букетом цветов подошла к ручью, за которым начиналась лесная возвышенность. Таня радовалась букету, всему, что видела вокруг, и не заметила, с каким разочарованием посмотрел ей вслед встретившийся на пути светло-жёлтый дягиль, стебель которого был гораздо выше

Тани.

«Почему же ты не замечаешь и обходишь меня? — молча спрашивал он Таню и

досадлив
о
морщил
я. —
Разве я не
понадобл
юсь,
когда у
тебя
заболит
животик?
»

Обиже
нным
взглядом
проводил
Таню и
жёлтый

первоцвет, прошептавший:

— А разве я не понадоблюсь, когда ты или твоя мама простынете? Тут не выдержал и росший плотно к земле и нисколько не боящийся, что на него наступят, подорожник:

— Я тоже нужное растение, и без меня не обойтись при каком-нибудь ранении. Таня, сорви меня! Я помещусь в любом кармашке!

— Нагнись, не ленись! — складно прошептал самый широкий лист подорожника, но Таня была уже далеко и не расслышала.

Не жаловался лишь колючий шиповник. Утешался тем, что в Танином букете он уже красовался в пору своего цветения. Когда созреют его вкусные целебные плоды, девочка снова вспомнит о нём! Конечно, шиповник был прав.

Таня начала подниматься в гору и скоро достигла скалы, на которой меж камней росли самые знатные из всех цветов, а потому и гордые, — серебристые эдельвейсы. Подобно орлам, они любят горные вершины, с которых величаво смотрят на всех...

Завидев Таню, эдельвейсы закивали ей головками, заулыбались ещё приветливее тех цветов, которые росли внизу. Обрадовалась эдельвейсам и Таня. Но чтобы

дотянуться хотя бы до первого, ближайшего цветка, надо было вскарабкаться по выступам скалы на высоту одноэтажного дома.

И Таня осмелилась.

Эдельвейс удалось сорвать, но, спускаясь вниз, Таня оступилась и, скатившись к подножию скалы, ушибла и поранила о камень свою ножку. Сандалии в горах, — плохая защита! Заплакала Таня и решила идти домой. А дорогу-то назад забыла!

Испугалась Таня. Что делать? Как попасть домой? А тут ещё эта боль в ноге. Но блудить в лесу Тане не пришлось — выручили цветы.

— Сюда, Танюша, сюда! — настойчиво зашептали душистые фиалки, а за ними — кукушкины сапожки, лилии, саранки, колокольчики. — Скорее к нам!

Таня хоть и плохо узнавала дорогу, но шла по тем же местам, где собирала букет.

Сорвала широкий подорожник, приложила к ушибленному месту, привязала пояском от платья. И сразу же стало легче!

«Ну, теперь дойдёт очередь и до меня! — обрадовался долговязый дягиль. — Кажется, девочка понимает толк в полезных растениях!» — просиял он.

И в самом деле, Таня вспомнила о своей больной матери, сорвала мимоходом дягиль, а за ним — и первоцвет, присоединила их к своему букету. Отсюда дорога домой была хорошо знакома. Узнала она полянку с жарками, незабудками и марьиными корнями, которые наметила сорвать, когда будет возвращаться домой. Так и сделала. Вот обрадуется мама!

И он не ошибся. Когда Таня добралась наконец до своей избушки, побранила Таню за самовольную отлучку в лес, можно не говорить — это, само

Подснежник и багульник

В прибайкальские лесистые горы пришла весна — солнечная, дружная. Таёжные дебри оглашал несмолкаемый говор — это стекали в Байкал строгорные ручьи и речки. Пахло смолистым вечнозелёных хвойных великанов — и елей. Распускались липкие зелёные деревьев и кустарников. В небе над полянами заливались жаворонки, наводя порядок в лесу, чёрные и красные

Прищурился от ярких солнечных старый-престарый пенёк на лесной Вдруг что-то нарушило тишину. Старый

шался: совсем недалеко от него кто-то разговаривал! —Ах, это опять расхвастался подснежник, — недовольно проворчал нахмурившийся пенёк. — И чего ему неймётся, даже своего цвета не хватило — у неба перенял! И то пожадничал — вон какой синий!

Пенёк возмущался не напрасно: подснежник и в самом деле, горделиво вытянувшись на своём хрупком стебле, говорил густому багульнику, что раскинулся у подножия сосны:

—Ты ведь тоже раньше других начинаешь цвести весной, но тебе до меня далеко: самым первым всегда расцветаю я. Да, я! Понимаешь? Прямо из-под снега... И мне нисколько не холодно!

Скромный багульник, у которого из бутончиков, прикрытых тёмно-коричневой кожицей, только что появились розовато-лиловые нежные лепестки с тоненькими прозрачными тычинками, согласно покачивал своими ветками с глянцевыми листочками и время от времени поддакивал. Ему не хотелось спорить с заносчивым подснежником!

А тот продолжал хвастаться: — Я же первым приношу людям радость! Как хорошо, как приятно бывает, когда люди сорвут тебя, соберут в букет и поставят на столе или на подоконнике, чтобы самим любоваться и тем, кто проходит мимо дома! Ведь мы, подснежники, живём для красоты... А красота — это и есть смысл жизни!

Ничего не сказал багульник из скромности, а только подумал: «Ты-то, подснежник, приносишь людям радость и красоту только ранней весной, а я способен расцвести и зимой...»

Подснежник ещё что-то хотел сказать, но тут на поляне появились юноша и девушка из рыбацкого посёлка. Подснежник нисколько не сомневался, что они пришли за ним, и старался выглядеть как можно лучше, чтобы молодые люди сорвали именно его. Уж так ему хотелось из банки или кувшина напиться колодезной воды, о которой он слышал очень хорошие слова! «Вот бы попробовать...» — прошептал он.

—Ой, как расцвёл багульник! — восхитилась девушка. — Вот будет букет!

музыкальный мительные настоём кедров, сосен почки лесными Засуетились, муравьи. лучей опушке. пенёк прислу-

—И добавим к нему подснежников! — с восторгом отозвался юноша. Подснежник даже засмеялся от счастья: он не ожидал, что его мечты уже сегодня сбудутся.

Молодые люди собрали из багульника и подснежников букет и вдоль лесной опушки направились домой. Пень проворчал им вслед:

—Непрочный это союз, когда хвастовство и скромность смешаны воедино! Уж я-то знаю.

Прав или не прав был он (ведь говорят, что пней умных не бывает), но когда пришла зима, на поляне появилась эта же девушка.

И пень, задремавший под тяжёлой снеговой шапкой, приподнял брови, услышав голос, который понравился ему прошлой весной:

—Милый, дорогой багульник! Принесу тебя домой, чтобы ты, единственный, расцвёл и украсил мою жизнь! Как хорошо будет с тобою!

Девушка набрала букет замёрзшего багульника, принесла домой и поставила в банку с водой на подоконник. Дней через десять на ветках-метёлках начали набухать бутончики, а потом появились розовато-лиловые нежные цветы.

И в комнате повеяло весной, хотя за окном бушевала, завывая, снежная метель.

В. Стародумов

Перескок трава

О богородской траве и кукушкиных сапожках не будет речи, а речь травы особенной коснётся. О ней-то сказка и начнётся...

Жили-были на севере Байкала, в Нижнеангарске, бывалый охотник и рыбак Мокей и его жена Пестимия. Не будем удивляться, что фартовый промысловик занимался ещё одним делом, которое больше приличествовало бы домохозяйке: Мокей собирал лекарственные травы и лечил всех болящих как заправский врачеватель. Пестимия же, малоподвижная и грузная, посильно справлялась лишь с домашними делами.

Пришёл как-то Мокей из тайги и говорит жене:

— Мне сегодня крепко повезло: попалась редкая трава, не известная науке, а потому ещё ни в каких книгах не обозначенная. О ней я слышал от одного старого лекаря, когда ещё был мальчишкой. Называется она перескок-трава.

— Она что, целебная? — поинтересовалась Пестимия.

— Целебная, — подтвердил Мокей. — Но предназначена для... здоровых.

Больше ничего не сказал, да Пестимия и не стала допытываться, зная характер мужа: сам скажет, когда надо будет.

И тут к супругам во двор заглянул какой-то прохожий, скорее всего, турист. Их теперь много на Байкале.

Нельзя ли, хозяйюшка, обсушиться тут у вас? Ну и омулька поджарить, раздобыл немного. Надо же хоть раз в жизни попробовать!

Пустила прохожего, отвела ему место в углу двора около заброшенной летней кухни. Тот снял рюкзак, развесил своё тряпье на протянутые верёвки, а в сторонке поставил на траву необыкновенной красоты китайский термос с рисунками

драконов. Глянула на этот термос Пестимия, и сердце у неё захолонуло: не может от него глаз отвести!

Прохожий обратился к хозяйке с новой просьбой, не одолжит ли она сковородку. Надо же на чём-то омулей поджарить.

— Пожалуйста, бери!

Ушла к себе в избу Пестимия сама не своя: никак не выходит из головы прельстивший её китайский термос!

«Боже мой, это ж надо так сделать, так нарисовать, — восхищалась она термосом. — Такая вещь какую угодно кухню украсит, даже царскую!»

Терзаемая завистью, Пестимия места себе не находила от навязчивой мысли о том, как бы заполучить поскорее это диво. Не вытерпела и решила посоветоваться с мужем. Нашла его в закутке, где он перебирал травы, рассказала про термос.

— Ты знаешь, прохожий поставил его под кухонным навесом. Вот если бы он забыл его там...

— Тебе так понравился термос?

— А зачем бы я тебе стала говорить?

Мокей пристально, даже как будто с сожалением, поглядел на жену, покачал головой, помедлил немного и как-то уж очень решительно сказал:

— Ладно. Вот тебе немного перескок-травы, завари её вместе с чаем, угости прохожего, и он, уходя, обязательно что-нибудь забудет.

— Правда, что ли?

— Сама увидишь.

Обрадованная Пестимия взяла из рук Мокея щепоть перескок-травы, ушла к себе на кухню, а вскоре вышла оттуда с заваркой к прохожему. Тот в это время жарил вторую сковороду омулей — так они ему понравились!

подавая незваному гостю заварку, Пестимия ещё раз взглянула на китайский термос и вернулась в избу. Уверенная, что всё получится, как надо, прилегла на лавку и не заметила, как заснула. Однако ненадолго: будто кто-то толкнул её под бок, и она, вскочив, первым делом выбежала во двор, глянула в угол, где кулинарил прохожий, и у неё опустились руки: ни прохожего, ни термоса там не было.

Пестимия чуть не бегом вернулась в избу и с гневом накинулась на мужа:

— Так-то действует твоя хваленая перескок-трава! Обманщик ты, больше никто!

— Да ты постой, не шуми... В чём дело-то?

— А в том, что прохожий всё унёс с собой, ничего не забыл.

— Не может этого быть.

— А ты пойдёшь погляди. Где же твоё верное слово?

— А я от верного слова не отказываюсь: прохожий после перескок-травы обязательно должен забыть что-нибудь! Подумай хорошенько да припомни всё, как было... Или лучше сходи на место и ещё раз проверь, осмотришь.

Пестимия послушалась мужа, а вскоре до слуха Мокея донёсся со двора отчаянный вопль жены:

— Сковородку забыл вернуть, бессовестный! Мокей весело смотрел на жену:

Ну вот, а ты сомневалась, что перескок-трава действует

Стихи о растительном мире

Трофимов М.Е.

ИВАН-ЧАЙ

Захотел наш Иван чая,
прогулялся вдоль берёз,
и охапку иван-чая
из тайги Иван принёс.
Растопил он печь толково
и горшок поставил в печь,
Может, из цветов лиловых
он решил пирог испечь?
Может, вместо чая суп
из цветов таёжных
без картошки и без круп
приготовить можно?

Вынул Ваня котелок.
В котелке – пахучий сок,
и тайгой запахло в доме,
будто в дом пришёл лесок.

Всех знакомых угощая,
говорю я невзначай:
- Ах, какой из иван-чая
получился вкусный чай!

Хотите попробовать?

РОМАШКА

В небе ветер ходит тяжело,
ветер просто одичал.
Словно жёлтую ромашку,
ветер солнце раскачал.
В облаках кружил летучих,
оборвал у солнца лучик,
отскочил в один прыжок
Как он пальцы не обжёт!

Падал лучик
из-за
тучек,
проносился
как стрела.
Где земли коснулся лучик –
там ромашка расцвела.

ГОЛУБИЦА

Стали зубы голубыми у меня,
стали губы голубыми у меня,
стали руки голубыми у меня,
стала небу голубому я родня.
Показалось не во сне, а наяву,
будто в небо окунаюсь и плыву,
будто в небо окунаюсь и плыву –

будто выпачкалась в неба синеву.
Машут тучи мне, маня меня, маня

Заболталась я,
не слушайте меня.
Это просто
среди леса,
возле пня,
голубица перемазала меня.

Вершинина Т.А.

ЖАРКИ

Кто рассыпал у реки
В вешних травах угольки?
Лёгкие, воздушные,
Ветерку послушные!
Кто сюда их приносил?
Почему не загасил
И оставил в травах
Ветру на забаву?

Они жаром поутру
Полыхают на ветру!
Вот раздует ветер шар –
Загудит в лугах пожар!
Нет, ведь то не угольки,
Это цветики — жарки.
На ветру качаются,
Огнём переливаются!

Трофимов М.

ШИШКА

Покатилась шишка с горки,
Подкатилась прямо к норке,
А из норки вышли мышки
И обрадовались шишке:
Кедровая, ядрёная,
Смолью засмолённая.

Шелушили мышки шишку,
Шебуршали шишкой мышки.

Горбунов А.

КЛЮЧИКИ - ЗАМОЧИКИ

Одуванчики

Золотые звонцы —
Сахарок на донце.
Чтобы не размокнул,
Закрывают окна.
Отцветут — завянут,
Шариками станут.
Шарики пушисты,
В них парашютисты,
Сахарок они едят...
Ветер дунет — полетят!

Лисички

В рыжих шубках, в рыжих шапках...
Их не спутать все равно:
У одной — четыре лапки,
У другой — одна всего.
Обитают на куличках,
Умываются росой...
Две сестрички, две лисички —
Дикий зверь и гриб лесной.

Молчанов-Сибирский И.И.

ТАЕЖНАЯ ТРОПИНКА

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Словно синька стали губы,
Посинели даже зубы,
Даже руки посинели.
—Что случилось, в самом деле?
Стоит в чащу углубиться —
Зреет в чаще голубица.
Там кусты стоят, густы —
Ягоды спелёхоньки,
Туезки из бересты
К вечеру полнёхоньки...
Голубицы мы поели
— Потому и посинели.

Птицы

Сказки, рассказы, проза

ФИЛИН

Устинов С.К.

У филина широкие сильные крылья. Он ел на сухой сучок высокого дерева и глухо сказал как бы про себя: «Ух». Кабарга знает, что это страшный её враг. Его не обманешь, как медведя. Единственное спасение от него – в неподвижности. Даже моргать нельзя. Он может заметить. У него большие острые когти.

Филин сидел на дереве и смотрел в разные стороны. Светила луна, и когда он поворачивал голову, кабарга видела его большие, круглые жёлтые глаза. Только бы кабаржонок не пошевелился! Филин всё сидел. Видно, его беспокоили блохи. Он часто теребил перья у себя под крыльями и встряхивался. Беспокойство мамы передалось кабаржонку. Он опять лежал, как кучка сухих листьев. Так его не заметит никакой филин.

Вскоре далеко внизу у реки пронзительно крикнула какая-то птица «Чвититиитиить». Филин быстро посмотрел туда и тихо сказал: «Ффть». Он встряхнулся и распушил перья, отчего стал казаться ещё больше. Филин расправил крылья и бесшумно скользнул в темноту. Он полетел узнать, что там случилось. Нельзя ли чем поживиться? Где-то в этих скалах у него гнездо, а в нём маленькие филинята. Они ждут его с добычей.

Кедровка (тофаларская сказка)

Тофалары давно заметили – в тайге среди деревьев кедр живет, пожалуй, дольше всех. Он видел и знает, что происходило вокруг за целые пять веков. Вот, брат, какой он долгожитель! Кедр тянет высоко вверх свою густую крону с сильными ветвями и вечнозелеными листьями. Его не обхватить руками – такой он большой, толстый, крепкий. Стройный и гордый красавец кедр под стать нашим могучим Саянам. Огромные горные массивы заняты сплошными кедровыми лесами. Дары их обильны – кедровые орехи идут на питание и людям, и зверям, и птицам. У кедра есть добрый друг, его так и зовут кедровкой. Это – птица особенная и благородная. Большая труженица. Она имеет защечные мешки, что твоя сумочка, и собирает туда орехи, а потом надежно, в запас, прячет их в землю по всей тайге. Там, где работает неутомимая сеятельница, и вырастают вековые деревья. Маленькая птичка делает большое дело.

А. Горбунов

Снегири

Живёт Гоша на лесном кордоне, далеко-далеко от села. Отец — егерь: за диким зверьём присматривает. Мать по хозяйству хлопочет. Нет у мальчонки ни братика, ни сестрицы, но ему всё одно не скучно. Весной — ручейки отводил из ограды, за бурундуками наблюдал, летом сено с отцом косил, хитрых гольянов в речке удил, осенью — шиповник и бруснику с матерью собирал, за поздними стрекозами гонялся, а вот зима пришла - лайку Найду, кота Ваську кормит, на салазках с горки катается и книжки с цветными картинками листает. Особенно ему нравится книжка, где алые-преалые яблочки нарисованы. Мама. яблочки растут в тайге? — спросил однажды Гоша. — Что ты, сынок! Они в тёплых краях наливаются, — ответила мать. Не поверил. Если рябина в тайге есть, то и яблочки должны быть. Вот вырастет он большим-пребольшим и обязательно найдёт их! Катался раз Гоша с горки. Катался, катался — и вдруг встал как вкопанный, глазёнки выпучил: на голой берёзе, ни с того ни с сего, два алых-преалых яблочка выросло?! Бросил салазки и кинулся к берёзке. Высоко висят, рукой не достать. Хотел было влезть на берёзу, не смог ствол гладкий, за ветки даже с подпрыгом не ухватишься. Что делать? Может, по стволу постучать, яблочки и упадут? Так отец осенью шишки за огородом бил: ударит по кедру деревянным колотом-молотом, они градом сыплются на мох. Нашёл смекалистый Гоша палку-скалку, стук по берёзе — яблочки сорвались с ветки и полетели... в небо. Мальчонка от удивления рот разинул: вроде бы вниз яблочки должны упасть, а они вверх полетели?! Пришёл Гоша домой расстроенный. Мать ласково спрашивает: — Чего, Гошенька, такой печальный? — На берёзе два алых-преалых яблочка выросло, — отвечает. — Хотел их сбить палкой-скалкой, а они улетели в небо. Улыбнулась мать, погладила сыночка по голове: — Не кручинься, Бог даст, новые нальются. Раздевайся, ешь да спать ложись. Утро вечера мудренее. Умаялся, поди-ка, с горки кататься? Отец вернулся из тайги поздно. За горячим чаем мать рассказала ему про Гошино горе. Он рассмеялся и сказал: — Завтра в село за мукой поеду, если будут, куплю ему «снегирей»... Ночью Гоше приснился сон. Вырос он большим-пребольшим, идёт по тайге, а кругом алые яблочки на берёзах висят. Нарвал полные карманы, принёс домой — мать и отца угостил, себя тоже не обидел. Родители едят яблочки и Гошу хвалят: дескать, герой — яблочек добыл... Утром отец запряг Сивку-Бурку, бросил в сани охапку сена и поехал в далёкое село. Гоша на запятках саней до ближнего мостика прокатился и домой побежал: лайка Найда на привязи сидит не кормлена, коту Ваське парного молочка в блюдце плеснуть надо... знакомую берёзу, а под ней два алых-преалых яблочка с места на место перекатываются. Гоша — к ним. «Вот, — думает, — повезло! Высоко, видно, вчера в небо улетели, если только сегодня утром обратно упали». Не успел сделать и несколько шагов, увидел пушистую лисичку. Крадётся плутовка к берёзе, туда-сюда хвостом снег метёт. Тоже захотелось отведать сладких яблочек! Гоше так весело и жарко стало, что он даже шапчонку с головы сдёрнул. Покатился его серебряный

смех по волнистым сугробам. Лисичка вздрогнула и метнулась в чашу, а яблочки подпрыгнули в сияющее небо и растаяли.

Целый день мальчонка помогал матери. Лучины нащепал, дров по полешку натаскал в баню — мать каменку растопила. В обед щей похлебал, ограду подметать кинулся. Отец вернётся, увидит, как чисто в ней, обрадуется и скажет:

— Молодец! Толковый хозяин из тебя выйдет...

В заботах не заметил, как сумерки наступили. А тут и отец приехал.

В бане берёзовым веником попарился и за ужином выложил на стол два алых-преалых яблочка:

— Получай своих «снегирей»! Еду, смотрю - по дороге катятся. Я и накрыл их тулупом.

— Минутки не посидел, работник, пока тебя не было, — похвалила мать Гошу. — Честно заработал гостинец!

— Оно и видно, ограду-то подмёл, куда с добром, — согласился отец.

Одно яблочко Гоша разделил на три равных доли: матери, отцу и себе. Второе — оставил на завтра.

— Георгий, накрой «снегиря»-то решетом, улетит ведь... — серьёзно посоветовал отец. — Или кот Васька слопаёт, вон облизывается...

Ночью Гоше не спалось, встал и проверил: под решетом ли «снегирь»? Кота Ваську, на всякий случай, взял себе под одеяло, тот и намурлыкал ему глубокий сон.

Когда Гоша проснулся, зимнее солнышко уже бросило горсть озорных зайчиков на матёрые половицы горницы. Кот Васька, коварно мяукая, вертелся у стола, за которым, сидя друг перед другом, мать и отец уплетали блины.

— Слава Богу, распахнул глаза, помощничек! — обрадовался отец, макая румяный блин в сметану. — Моченьки нет. устали тут без тебя с котом воевать.

— Так и лезет к «снегирию» проказник. — поддакнула мать.

После завтрака Гоша отправился покататься с горки. Посмотрел на берёзу. а на ней опять два алых-преалых яблочка появилось! Подошёл осторожно и стал рассматривать. Разглядел хвостики, клювики и даже глазки. «Это же снегири!» — наконец-то догадался мальчонка.

— Мама! Папа! Снегири на берёзе выросли! — бросился вприпрыжку к избе.

Родители стояли на крылечке и лукаво улыбались бегущему навстречу умному-разумному сыночку.

Кто дал птицам песни (эвенкийская сказка)

Это было давно. Тогда на нашей земле птицы еще не умели петь, а только кричали и разговаривали человеческим языком. Только один ворон думал, что он умет петь. Кричал: "Кар! Кар! Кар!" — и всем говорил, что его так петь научили люди.

Однажды на своем суглане птицы решили просить Хэвэки, чтобы он дал им песни. Пришли к Хэвэки и говорят:

— Мы тоже хотим петь. Вон как Северное сияние хорошо поет. Мы так же хотим петь.

Подумал Хэвэки и говорит:

— Я одинаковые песни дать не могу. Вы возьмите песни у Северного сияния. Его ночью люди не слушают. Все спят, когда оно поет. А вы дайте Северному сиянию часть своего оперенья.

Птицы полетели к Северному сиянию и попросили дать им песни, а себе взять их оперенье.

Обрадовалось Северное сияние, взяло у птиц самые разные перья, а птицам отдало свои песни.

С того дня Северное сияние по ночам разными цветами играет, а Птицы самые разные песни поют.

Никого не обидел Хэвэки. И человеку от этого хорошо. Радуетя он, когда на Северное сияние смотрит и песни птиц слушает.

А ворон завидует и от злости еще громче каркает.

Кукушка (эвенкийская сказка)

В древние времена, когда на небе было два солнца и на земле всегда день белый сиял, кукушку считали первой певуньей.

Сядет кукушка на ветку, голову гордо вскинет, хвост расправит и поет, на всю тайгу разливаается. И птицы, и звери слушают, кукушку хвалят.

Пришла пора всем птицам яички откладывать, птенцов выводить. Птицы заторопились: мох, траву, ветки таскать начали, гнезда новые вить, постель теплую готовить.

Только кукушка еще больше важничает, над птицами смеется, песнями по тайге разливаается. Собрались птицы, говорят:

— Как певунья наша жить будет? Как род свой на земле сохранит?

Услыхала кукушка те птичьи речи, пуще смеется:

— Эко, глупые!.. Не думаете ли вы меня заставить гнезда. вить, птенцов высиживать?..

Птицы сказали:

— Худая голова у этой птицы: ума в ней меньше, чем у мухи, — и разлетелись по своим гнездам.

А кукушка по-прежнему смеется, песнями по тайге разливаается.

Пришла пора и ей яички откладывать, но гнезда-то у нее нет.

Полетела она к озеру, видит: между кочек, в камышах, утка на яйцах сидит, старается. Кукушка ей говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я яички твои охранять стану. Утка послушалась, полетела. Кукушка одно яичко из утинового гнезда выбросила, свое положила.

Вернулась утка, села на яички. Кукушка улетела, на другой день прилетела она в поле, видит: куропатка в траве на яичках сидит, старается. Кукушка ей говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я твои яички охранять стану. Послушалась куропатка, полетела. Кукушка одно яичко из куропаткиного гнезда выбросила, свое положила. .

Куропатка прилетела, села на яички. Кукушка улетела! На третий день прилетела она к сухой осине, на ней большое гнездо, в нем ворона на яичках сидит, старается. Кукушка говорит:

— Эко, милая, сидишь голодная, слетай покормись, я твои яички охранять стану. Ворона послушалась, полетела. Кукушка одно яичко из вороньего гнезда выбросила, свое положила.

Ворона прилетела, села на яички. Кукушка улетела.

Вывели все птенцов, птенцы подросли. Каждая птица радуется, своими детьми хвалится.

Утка крикает:

— Кря-кря! Эх вы, мои желтоносые... Идемте к озеру, плавать, нырять будем! Птенцы за ней бегут, крикают. Пришли к озеру, утка нырнула, поплыла, птенцы нырнули, поплыли. Один птенец на берегу, крылышками хлопает, воды боится.

Утка кричит, сердится:

— Ты чужой!

Плывет утка к берегу, птенца того утопить хочет.

Подлетела кукушка, птенца с собой взяла. Куропатка детей по траве ведет.

— Пи-пи! Эх вы, мои быстроногие... Пойдемте по траве побегаем!

Птенцы за ней бегут. Один птенец сидит, крылышками хлопает, на ветку взлететь хочет. Куропатка кричит, сердится:

— Ты чужой!

Бежит куропатка, чтоб птенца того заклевать. Подлетела кукушка, птенца с собой взяла. Ворона детьми хвалится, каркает:

— Кар-кар-кар! Эх вы, мои черненькие... Смотрит, а один птенец пестренький.

Ворона кричит, сердится:

— Ты чужой!

Ворона клюв разинула, птенца заклевать хотела.

Прилетела кукушка, птенца с собой взяла.

Собрались кукушкины дети. Кукушка хвалится:

— Эко, мои детки, все вы в меня, красавицу-певунью, родились. Пусть птицы завидуют.

Прилетели птицы пенье кукушкиных детей слушать.

Кукушка своих детей учит:

— Спойте, мои детки, как я пою.

Птенец, которого утка вывела, крылышками захлопал, клюв открыл.

— Кря!.. Кря!..

Птицы засмеялись, кукушка опечалилась. Птенец, которого куропатка вывела, крылышками захлопал, клюв открыл:

— Пиф-пиф-пиф!

Птицы засмеялись, кукушка еще больше опечалилась. Смотрит на последнего своего птенца, на него надеется.

Птенец, которого ворона вывела, крылышками захлопал, открыл клюв:

— Кар! Кар!

Птицы смеются, над кукушкой потешаются, а она от горя плачет, птенцам своим говорит:

— Эко, мои детки, непонятливые. Слушайте, как я весело пою!

А сама плачет, слезы на траву капают.

Смотрит, дети от нее полетели: один к утке, второй к куропатке, третий к вороне. От такого несчастья у кукушки горло перехватило. Взлетела она на куст, клюв открыла, от горя и слез заикается:

— Ку-ку! Ку-ку!

И стала кукушка вечной зайкой, печально кукующей.

Это она о детях своих печалится, о них стонет, жалобно кукует

СОРОКА И ЕЕ ПТЕНЦЫ

бурятская сказка

Однажды сорока обратилась к своим птенцам со словами:

— Дети мои, вы уже выросли, и настало время вам самим добывать еду и жить своей жизнью.

Сказала она так и, оставив гнездо, полетела с птенцами в соседнюю рощу. Показала им, как ловить мошек да букашек, как из таежного озера воду пить. Но птенцы ничего не хотят делать сами.

— Полетим обратно в гнездо, — хнычут они. — Как было хорошо, когда ты приносила нам всяких червячков и пихала в рот. Никаких забот, никаких хлопот.

— Дети мои, — вновь говорит им сорока. — Вы уже стали большими, а моя мать выбросила меня из гнезда совсем маленькой...

— А если нас подстрелят из лука? — спрашивают птенцы.

— Не бойтесь, — отвечает сорока. — Прежде чем выстрелить, человек долго целится, так что проворная птица всегда успеет улететь.

— Все это так, — загалдели птенцы, — но что будет, если человек кинет в нас камнем? Такое может сделать любой мальчишка, даже не прицеливаясь.

— Для того чтобы взять камень, человек нагибается, — отвечает сорока.

— А если у человека окажется камень за пазухой? — спросили птенцы.

— Кто своим умом дошел до мысли о спрятанном за пазухой камне, тот сумеет спастись от смерти, — сказала сорока и улетела прочь.

Стихи о птицах

Глухари

Тофимов М.Е.

На горе стоит сосна,
Под нею ягода красна.
По брусничнику глухарка ходит –
Глухарят за собою водит,
Сама ягоду клюет,
Пример детям подает.
Говорит: «Квот, квот,
Вот она, вот-вот.

Аленькая, меленькая
Глухарят миленькая».
На сосне глухарь сидит
Зорко он вокруг глядит.
Говорит: «Шулды-булды,
Клюйте, в этом нет беды,
Клюйте, лучше нет еды.
Так-так-так, шулды-булды».

Трофимов М.Е.

КЕДРОВКА

– Что делаешь, кедровка?
– Над кедрами кружу.
– Зачем, кедровка, кружишь?
– Да... шишки нахожу!
– Зачем кедровке шишки?
– А в них орехи есть.
– Зачем тебе орехи?
– Детишки просят есть.
Для дочерей-кедровок,
для сына моего
вкусней семян кедровых
не сыщешь ничего.

СНЕГОПАД

- Гуси-гуси!
- Га-га-га!
- Кто вы?
- Белые снега.
- Как живете?
- Мы летим.

- Как далеко?
- На Витим.
Мы устали,
долог путь...
- Так садитесь –
отдохнуть.

- Мы боимся.
- А кого?
- Только ветра
одного.
Ветер – волк,
глаза горят.
Наши перья

вниз летят.
Наши перья
вниз летят –

Над Витимом
снегопад.

Серебристое богатство

Сказки, рассказы, проза

М. Сергеев

Стеклянная рыбка

Нам помахали с борта научного судна. Мы причалили, привязали лодку и поднялись по трапу на палубу. Учёные только что особой сетью выловили в глубине Байкала много всякой всячины: большущего жирного омуля, бычков-жёлтокрылок с плавниками, похожими на золотистые перепончатые веера, разных малюсеньких рачков, смешно шевелящих усами.

— Все эти жители,— торжественно сказали нам,— эндемики.

— Что? Кто?

— Эндемики — значит, больше нигде на земле не повторяющиеся, живущие только здесь. В Байкале. Понятно?

Понятно, что ни таких рыб, ни таких рачков не найдёшь ни в Балтийском море, ни в Тихом океане. Дальние родственники, может быть, и есть, а вот таких не найдёшь.

— А вот это,— говорят нам учёные,— чудо Байкала, рыбка голомянка.

Стеклянная, полупрозрачная, подёрнутая почти неприметными розоватыми разводами, как на мыльном пузыре, рыбка лежала на газете. И сквозь голомянку, как через увеличительное стекло, мы прочитали: «...а девочки Маша Клюева и Аня Горбунова спели песенку».

— Она что, из стекла?

— Нет, она прозрачна, потому что состоит почти из одного жира. У голомянки к тому же нет чешуи. Вообще эта рыбка поразительная. Её в озере много, а в сети она попадает редко.

— Хитрая?

— Ещё какая хитрая! Она, понимаете, живёт в одиночку. Все рыбы собираются в стаи, а каждая голомянка живёт сама по себе. И ещё вот что интересно. Омуль, и сиг, и вот эти бычки плавают вдоль и поперёк, а голомянка только вверх и вниз, у неё нет сильных плавников, так что она покоряется воле волн. А ещё голомянка не мечет икры, как другие рыбы, а приносит живых мальков сразу две, а то и три тысячи.

Пока нам всё это рассказывали, рыбки не стало: на газете расплзлось большое жирное пятно. Да косточки лежали посередине.

— А где голомянка?

— Ух, ты! — спохватился один из учёных. — Пока я тут её расхваливал, она взяла и растаяла...

В. Стародумов

Старый осетр и настырный омелка

Было время — неистребимыми косяками, сплошной лавиной погуливал в глубинах Малого моря жирный омуль. И добывали его рыбаки в иные годы, сколько может зачерпнуть невод. И другой рыбой Байкал не беден: и сиг есть, и наша сибирская форель — чёрный и белый хариус, и всем рыбам рыба — байкальский осётр. Ну а щуку там, сорогу, язя, гольяна и считать нечего.

Есть на Малом море губа* Тоготская. А ещё называют её Мухорской. Ну да не в названии дело, главное-то заключается в рыбаке Омелке — он издавна в губе этой сорожку да окунька со щукой добывал. Доводилось ему и осетра вытаскивать. Удачливый был рыбак, дотошный, и ему всегда везло на путине как никому другому. В любое время года со дна моря рыбы достанет! С того, видно, и слабинка одна за ним повелась: настырным стал через свою удачу до того, что сколь ни поймает, всё ему кажется мало.

На осетра у Омелки была специальная сеть, из конского волоса плетённая. А ещё лавливал он его с плота на вершу. Садок имел в речке (участок, отгороженный вбитыми в два ряда кольями) — от берега до берега. В нём он и держал пойманных

осетров живыми — до покупателя. А прежде, конечно, закуканивал их, чтоб не могли никуда уйти.

Таким манером Омелька как-то два десятка крупных осетров накопил. Взял он их, живых-то, на буксир да и повёл своим баркасом в Иркутск — купцам сплавить или другим охотникам до осетровой дорогой икры. И тут, откуда ни возьмись, Сарма ударила. Едва сам спасся, а осетров ветром да волнами унесло в море.

С тех пор стал Омелька возить живых осетров по последнему льду. Положит соломки в сани, намочит рогожу, уложит на неё осетров и опять же мокрой рогожей накроет их. Ничего, дюжат! Бывало, дорогой сломит лошадь ногу — Омелька в убытке всё равно не будет: плохонькая лошадаёнка сорок рублей стоила, хорошая — сто-сто пятьдесят, а осетр у него каждый на сто-пятьсот рублей вытягивал.

Особенно много осетра добыл Омелька, да и не только он, в год русско-японской войны. Ни до, ни после столько этой рыбы никому ловить не приходилось.

После русско-японской войны Омелька, можно сказать, отошёл от осетровой горячки, на омуля перекинулся. Осетров вытаскивал лишь при случае. Но с человеком получается иногда и так: отвык он от чего-либо, забыл и думать, а какой-нибудь неожиданный случай возьми да и всколыхни его и ну бередить в нём старое! Так получилось и с Омелькой.

Как-то в полдень выехал он со своим сынишкой в Тоготскую губу сетёшку под окунька поставить. И вот при выборке этой сетёшки-то и приключилось небывалое: затесался меж окуньков да щук громаднейший осётр, каких Омелька не только что не видывал, а и по рассказам не слышал: пудов этак на десять, не меньше! Ну, старый был осётр, конечно, настолько старый, что голова у него даже мохом обросла. А в остальном, понятно, никакой различки от других осетров не было: сам бурый, брюхо белое и как есть — сплошной жир.

А только опрокинуть добычу в лодку рыбакам не удалось, растерялись маленько отец с сыном, и осётр ушёл.

Сам не свой высадился на берег Омелька. Не рад был и хорошему улову окуней. Какое может быть тут сравнение: окуни и — осётр!

— Уж я гладил его, гладил у лодки-то, — рассказывал Омелька рыбакам на стане про этот небывалый случай, — хотел даже руку в пасть ему затолкать, а он как забунтовался, закуролесил — да и был таков! А всё-таки я его достану, — тут же и заверил он рыбаков. — Уж теперя от него не отступлюсь, не уйдёт он от меня ни за что!

Сбил этот осётр рыбака с панталыку. Ни днём ни ночью не было у Омельки покоя: всё ему мерещилась десятипудовая осетринная туша. И до того дошёл, что лицом и телом сдавать начал, на худобу, стало быть, повело.

Видят рыбаки — неладное что-то творится с мужиком.

— И дался же тебе этот осётр, в печёнки его! Перестань ты через него болеть себе добывать! Мало тебе, что ли, всякой другой хорошей рыбы? Вот печаль-то, подумаешь! Ещё подохнешь с него, как это с посольскими получилось.

Намекнули ему, значит, на давний случай, что произошёл в Курбуликском, или, как его называют, Чивыркуйском заливе. Владели тогда заливом монахи Посольского монастыря. Они сдавали залив в аренду купцам-рыбопромышленникам, а те нанимали на время путины здешних рыбаков. С одной из таких артелей и случилось однажды большое несчастье. Наелись рыбаки жирного

байкальского осетра, запили его студёной морской водицей да тут же и полегли все — скончались в страшных мучениях. С тех пор и стала называться эта местность вместе с посёлком Покойниками. А погибли, говорят, рыбаки от яду, что содержался в том осетре, которого они поймали. Попадаются, бывает, такие осетры.

На веку Омельки, к примеру, ни одного такого не значилось. Не он ли едал осетра и в ухе, и в жареном виде, и в пышном домашнем пироге? Он, понятно, и рассмеялся, когда его стали пугать покойниками.

—Другому кому скажите!

Ну, учёного учить — только портить. Отступились мужики от Омельки, махнули на него рукой:

—Пусть охотится! Жалко, что ли...

По Омельке так выходило, что диковинный осётр никуда из губы не должен уйти. Вот он и шарил его по всей губе в разное время дня и ночи: «Поймаю, чего бы мне это ни стоило!»

И жил этой надеждой, как воздухом.

А старый осётр и на самом деле никуда из Тоготской губы и не думал уходить. Коротал он свои последние дни в тихом укромном уголке подводного рыбьего царства и желал только одного — покоя. А откуда может быть покой, когда он стал замечать, что за ним усиленно охотится Омелька.

«И чего ему от меня надо? — размышлял в своём убежище старый осётр, шевеля жабрами и пуская пузыри. — Почему он только одного меня и держит на уме? И какой толк с меня, такого старого, немощного? Зачем тревожить мои старые хрящи и кости, почему бы не дать мне спокойно уснуть навсегда?»

Чем больше так жаловался, возмущался и сетовал на свою судьбу старый осётр, тем ядовитее отлагались в его организме желчь и рыба горечь...

И когда он в конце концов всё-таки попал в сети Омельки, его холодная, но горячо протестовавшая кровь была уже совсем отравлена.

Невесёлым концом обернулся удачный улов и для самого Омельки, хоть и добился он своего после долгих и упорных трудов. На радостях настырный рыбак разделал осетровую тушу, изжарил несколько самых лучших кусков, наелся до отвала и тут же помер.

И выходит, что не всякая настойчивость приводит к добру.

* Губа — залив.

** Сбить с панталыку — запутать, привести в состояние растерянности.

В. Стродумов

Ловцы и лодка

У моря нашего, у Байкала, там, где кедры прильнули к скалам, стоит избушка, но не на курьих ножках, а похожая на неё немножко. Посидим в ней, чайку попьем да и сказку вести начнем.

Хозяином избушки был дедушка Евлампич. И было у него богатства всего лишь лодка-сетевуха да сеть мелкочейстая короткая. А рыбу промышлял он только для себя. Много ли одинокому старику надо? Так и жил он тихо да мирно, никого не трогая.

Вот как-то засолил Евлампич два бочонка рыбы на зиму и выставил за избушку в холодильник. А ночью кто-то позарился на улов — утащил один бочонок рыбы.

«Не иначе как медведь проторил сюда дорогу, — догадался Евлампич и загоревал: — Ведь он и за вторым бочонком непременно явится. Что делать, как быть?»

Хотел было Евлампич ловушку зверю устроить, да раздумал. «Может, дело и так обойдётся, по-мирному, — рассудил он. — Попробую-ка я устыдить зверя!» С тем и вышел на засаду.

Только сгустились сумерки, как в тайге раздался треск и около избушки появился огромный бурый медведь.

Евлампич не стал его особо разглядывать, но и не решился на внезапный окрик: чего доброго, косолапый тут же испустит дух с перепугу. Только тихонько крякнул, а когда медведь обернулся, Евлампич сказал погромче:

— Эй, Миша, неладное ты задумал!

Медведь задрожал как осиновый лист, присел на землю. Евлампичу того и надо.

— Вот давай теперь и поговорим ладком. Ну хорошо ли так делать, зариться на чужое? Ведь правда же, что это нехорошо? А?

Медведь мотнул головой, мол, виноват, прости, если можешь!

— То-то и оно, — просиял Евлампич и тут же предложил косолапому: — Давай-ка лучше будем дружить и вместе рыбачить!

— Мог-г-г-гу-у-у... — ответил Миша.

— Тогда заходи ко мне в избушку, там и потолкуем! — пригласил Евлампич медведя.

С этой минуты он стал считать косолапого своим другом и напарником. В избушке за чашкой крепкого чая с брусничным вареньем и ватрушками с черёмухой они договорились купить вскладчину у лодочного мастера Агафона лодку, но побольше той, что у Евлампича. Медведь-то был великаном, и двух старая лодка-сетевуха не смогла бы выдержать.

Верный уговору, медведь переночевал у Евлампича и утром ушёл в тайгу за своим паем.

Когда-то Миша был ручным и много бродил с одним цыганом по прибрежным селениям, а потом сбежал от него в тайгу. На память о хозяине он стащил у него кожаный кошель с деньгами. В тяжёлую пору бескормицы Миша съел кошель, а деньги зарыл в мох. Он надеялся, что деньги когда-нибудь протухнут, и тогда он их съест. И вот наконец-то деньги эти пригодились!

Достал из кубышки свои сбережения и Евлампич. Когда медведь вернулся, они вдвоём пошли к лодочному мастеру Агафону.

— Есть у меня две большие лодки, — сказал мастер. — С виду они одинаковые, но одна из них не продаётся. Она мне дорога как память об отце, и ей цены нет. По ней я делаю другие лодки.

— Ладно, продай нам ту, на которую есть цена, — попросил Евлампич.

Агафон указал, Евлампич и медведь сложились, уплатили за лодку, сели в неё и отправились домой по воде. Миша — на вёслах, Евлампич — на корме, правит. Плынут, радуются.

— Хороша лодка! Настоящая будет кормилица!

И они не ошиблись. С этого дня друзья всегда возвращались с богатым уловом.

Но вот как-то Миша предложил Евлампичу:

— А что, старче, если от трудов праведных немного отдохнуть: наварим медовухи да погуляем! И Агафона угостим за его доброе дело. Ну как, Евлампич?

— Оно бы и неплохо, да боюсь я, Миша, гулянки ведь до добра не доводят.

— Ничего, с умом можно...

Евлампич хоть и не сразу, но согласился. Медведь мешкать не стал, тотчас кинулся в тайгу, разорил несколько диких пчелиных ульев и вернулся в избушку с сотами, наполненными мёдом.

Прошло какое-то время, и медовуха была готова. Снарядили лодку и отправились в путь.

Агафон встретил друзей с радостью:

— Милости просим, гостечки дорогие!

В горнице усадил их на самые крепкие стулья.

— Угощайтесь без стеснения!

Агафон, хоть и побаивался немного, но сел рядом с медведем. Пусть чувствует Миша себя как дома!

Медведь лапой выбил пробку из бочонка и начал разливать медовуху по чашкам. За первой чашкой последовала вторая, а там и третья, и за столом стало шумно. Хозяин и гости заговорили наперебой, заспорили.

— Кабы не я, то тебя рано или поздно пристрелили бы за воровство! — кричал Евлампич. — А я тебя поставил на правильный путь!

— Нет, я сам решил зарабатывать на пропитание честным путём!

— Неправда, меня послушался, — настаивал Евлампич.

— Да ну-у-у, — сердился медведь. — У меня своя голова на плечах, и я сам додумался работать с тобой на равных паях. Могу и раздумать!

— Нет, не раздумаешь! — не унимался Евлампич.

— Могу!

— Тогда глупо сделаешь!

— А там видно будет, — проворчал медведь.

Спор разгорался. Напрасно хозяин старался унять того и другого — ничто не помогало. Дошло до того, что Евлампич поднялся из-за стола и потребовал пилу.

— Зачем? — опешил Агафон.

— Надо!

— Ну надо, так берите: в сенях в углу стоит.

Медведь и Евлампич вышли в сени. Здесь Евлампич дёрнул медведя за лапу.

— М
ы с
тобой
были
друзья
?
— Д
рузья!
—
метнул
голова
й
медвед
ь.
— В
сё
делили
попола

м?

— Пополам.

— А теперь, когда мы стали недругами?

— Должны совсем разделиться.

Медведь не очень-то весело развёл лапами. Он готов был помириться, но первый уступить не хотел.

— Лодку мы покупали с тобой вскладчину? — продолжал наступать Евлампич.

— Ну, в складчину.

— Пошли!

На берегу Евлампич и медведь тяжело опустились возле одной из лодок на землю, перевели дух. Медведь ждал, что Евлампич на свежем воздухе придёт в себя, и всё у них будет по-прежнему, но Евлампич и не думал сдаваться.

— Как будем пилить лодку — вдоль или поперёк? — спросил он.

— Вдоль долго, давай поперёк, — предложил медведь. Середину лодки Евлампич определил на глазок, но довольно точно, и

медведь не стал возражать.

Распилив лодку надвое, Евлампич и медведь поднялись, облегчённо вздохнули.

— Ну вот мы и в расчёте, — сказал Евлампич. — Каждому поровну, никому не обидно. Теперь бы к хозяину, что ль, свезти эти половинки на время. Как ты думаешь?

Медведь согласился.

— Тогда выйдем на дорогу, — продолжал командовать Евлампич. Как раз навстречу выехал из леса на телеге. Евлампич оста- его:

— Не возьмёшься ли доставить лодку во двор к Агафону? Заплатим за это.

— Э, нет, — отмахнулся и хлестанул вожжами лошадь. меня телега коротка.

— А если мы перепилим пополам, повезёшь? — слукавил Евлампич.

Мужик рассмеялся.

— Перепилишь, задаром перевезу лодку!

— Тогда поехали.

— Удивился мужик, когда лодку распиленной, но делать нечего

— уговор дороже денег: повёз обе половины к Агафону. Тот, как увидел поклажу, за голову схватился:

— Что вы наделали? Евлампич пояснил:

— На разлад наша дружба пошла, а поскольку мы с Мишей рыбачили на паях, то и разделились перед тем как разойтись. Никому теперь не обидно.

— Может, вы поступили и правильно, не спорю, — сказал Агафон,

— но ведь лодку-то вы распилили не свою, а мою!

Тут уж ахнули Евлампич и медведь. Вспомнили, что их лодка и хозяйская стояли рядом, похожие одна на другую как две капли воды. Мужик, услуживший Евлампичу и медведю, присвистнул:

— Ну, значит, я доставил груз по принадлежности! И, стегнув вожжами лошадь, уехал восвояси.

Опечалились Евлампич и медведь. Поглядел-поглядел на них Агафон, да и размяк сердцем:

— Ладно уж, прощаю я вам ваш грех. Только, пожалуйста, не ссорьтесь больше, будьте всегда хорошими друзьями. Даёте слово?

Обрадованные таким исходом дела, Евлампич и медведь сказали в один голос:

— Конечно, даём! Спасибо тебе, что снова подружил нас!

мужик
новил

мужик
— У

лодку

тебе

увидел

Стихи о рыбах

ОМУЛЬ

Сергеев М.

Баю-бай, баю-бай,
Рыбка омуль, приплывай,

Из байкальской глубины,
От Посольской стороны.
Наш сыночек подрастёт,
Он по бережку пойдёт,
Рыбку омуля ловить,
Тяжку с мамкою кормить.

Трофимов М.Е.

У Байкала (омуль)

У Байкала, видел сам,
Ходит омуль по лесам.
Он в Байкале не живёт,
Затянул ремнём живот,
Сапоги надел на хвост

Сергеев М.

ГОЛОМЯНКА

Я к Байкалу иду спозаранку,
Говорю я ему с улыбкой: -
Одари меня, море, рыбкой,
дай ты мне поймать голомянку.
Эта рыбка на вид невзрачна.
Но зато она так прозрачна
что к глазам поднесу поближе –
сквозь нее чудеса увижу.
Я мгновенно окину оком все,
что близко и что далеко,
все, что в дальней дали зибится,
да не может никак забыться. ..
.Волны косят и косят камень,
ходят омули косяками, что там
просьбы.
и что - приманка! -

И нанялся в леспромхоз.
На плече несёт багор,
А на поясе – топор,
Из ручья водицу пьёт,
Песни звонкие поет.

не плывет ко мне голомянка.
А Байкал все валы листает,
пригоняет мне рыбы стаи:
вот вам хариус.
вот вам омуль,
не пора направляться к дому ль?
Угасает моя улыбка:
где ты, где, голомянка - рыбка?
По каким глубинным потокам
Бродишь тихо и одиноко?
И по странной какой причуде
выбираешь пути, беглянка?..
ты не дай разуверится в чуде,
ты ко мне приплыви, голомянка.

Загадки

(составлены Т.Г. Долбуновой г. Байкальск, 2002г.)

Одни пасутся в чистом поле,
Другие плавают на воле.
Одних по всей земле встречали,
Другие водятся в Байкале.
Широкий лоб, приличный хвост,
Как их название - вопрос!
(Бычки)

Что за рыбка невеличка
, Менше вашей рукавички.
Бледно-розова, нежна ~
Студена вода нужна
. А на солнце рыбка тает.
Рыбьим жиром истекает.
Что за рыбка иностранка,
Эта рыбка -...
(голомянка)

Бала бы больше, больше съела
Зубастый рот побольше тела.
Вверх-вниз, вверх-вниз ее дорога,
Мальков рождает много-много.
Легки, как крылья, плавники,
Ее не выловишь с реки.
Все рыбы чешуей покрыты,
А эта модница, поди ты.
Кругом зима - она резвится
В тепле уснет и растворится
(Голомянка)

Черненьких рыбок несметная стая
На мелководье резвилась, играя.
Красное брюшко да нижняя губка,
Желтой икрой истекала голубка.
Законы природы не терпят обмана.
Может, узнали вы крошку...
(Гольян)

Начинает таять лед.
Босиком по льду идет.
На шесть тонких ножек
Надо шесть сапожек.
Выбирает где получше,
И в воде он, и на суше. Т
учи в воздухе кружатся,

Камни в черном шевелятся.
Стало дерево, как веник,
Облепил его,..
Век его всего три года.
Так устроила природа.
(Ручейник)

Любит плавать на боку Рачок –
помощник рыбаку.
Не усы - усищи пропитанье ищут,

Есть слепые, есть и зрячие –
В толще вод нельзя иначе,
Самый первый санитар,
Без него б Байкал пропал,
У рачка двойная слава,
Ну-с, узнали...? *(Бокоплав)*.

Отложил икру в песок
Речки горной уголок.
Красный хвост дугой согнул.
По теченью повернул.
Нет в Байкале рыб" быстрой,
Терпеливей и мудрей.
На охоте круглый день
Рыба древняя - ... *(Таймень)*.
Вы растите, детки, сами,
Не до вас огромной маме.

Ходит в озере,
Гуляет по заливам,
Серебристый,
С нежно-розовым отливом.
Эпишуре, голомянке, бокоплаву
Благодарен за питание

волне,
Притаилась на земле,
Прилепились на скале,
На прибрежном валуне.
У растений свой секрет.
Корня, стебля, листьев нет.
Любят влагу, яркий свет.
С глубиной меняют цвет.
С древних пор в воде росли, Росли... .

Яркой радугой играя,
Высоко подняв плавник.
Струи резво рассекая,
Копит силы... .

Ходит молодь по угодьям,

Омулята косяками
За ветвистыми рачками
Цвета манной крупки
Тоненькой да хрупкой.
Миллиарды среди вод,
Каждый корм себе берет.
Год за годом пир горой
Звать рачка...
(Эпишюра),

И славу!
Строганина - хороша!
Расколотка - хороша!
Знатной рыбкою соленой
Наслаждается душа!
(Омуль)

Распласталась на

(Водоросли)

(Хариус черный-марсовик)

и подышать.

Все продухи нерпы делают сами. Они подплывают ко льду снизу и когтями разгребают лёд. Потому продух имеет форму перевёрнутой воронки.

За несколько дней нерпёнок узнал очень много иного интересного. Он видел ворона, который, здороваясь, говорит: «Кра». Видел изюбрей. Огромные звери, на голове одного из них большие ветвистые рога. А ещё мама показала ему медведя, но предупредила, что близко его подпускать нельзя.

Нерпёнок радовался жизни. Он даже не думал, что может случиться что-то плохое. Но однажды это всё же произошло.

Уже всю начиналась весна. Солнце припекло. Растаял их ледяной домик. Лёд очистился от снега и стал прозрачным. С берега доносились голоса птиц. Нерпиха вместе с куматканом лежали у самого большого продуха и отдыхали.

Нерпёнок сладко потянулся и зевнул.

Вдруг гром прогремел над Байкалом. Он был похож на привычный гул льда.

- Скорее, - почему-то испугалась мама нерпиха, - это охотники! Нырять, плыви отсюда быстрее и никогда не попадайся им на глаза! И нерпёнок нырнул. Он плыл,

плыл, плыл изо всех своих сил. Дышал в продухи других нерп и снова плыл. С тех пор нерпёнок никогда не видел своей мамы, хотя очень ждал, что она найдёт его.

Давайте, ребята, пожелаем нашему куматкану удачи. Пусть не погибнет он ни от когтистой лапы медведя, ни от пули охотника. Пусть живёт в синем Байкале и глядит на нас доверчивыми огромными глазами.

Сказка о нерпах Скрягина Л.

Я расскажу вам о семье нерп, которая жила на берегу Байкала. В отдалённом от глаз людей месте было очень красиво. Большие скалы возвышались над берегом Байкала, закрывая доступ к побережью озера для людей и хищных животных. Летом песчаный берег служил для нерп домом. Они нежились на солнышке и плавали в холодной воде озера, где питались вкусной и сытной рыбкой. В зимнее время это место покрывалось белым снегом и льдом с полыньёй у берега. В семье нерп жили: мама по имени Ева и папа Крон, у них было двое детей: Лика и её брат Вен. Лика с Венем, пока были маленькие, старались не отходить от мамы. Они постоянно ползали и барахтались около неё на весеннем льду, пригреваемом солнышком. Мама иногда оставляла их на берегу и ныряла за едой в полынью Байкала. Тогда папа со стороны наблюдал за поведением детей и в то же время следил, чтоб не было рядом опасности. И вот пришло время сделать первые шаги к воде.

Мама сказала: « Дети, вам пора пробовать учиться плавать.

Вен обрадовался этому известию и закричал:

Ура!

А Лика поморщилась, как будто её кто-то укусил. Неуверенно спросила:

- А можно я пока посмотрю, как Вен будет учиться плавать?

Но папа нахмурил брови и сказал:

Нет. Будете учиться плавать вместе.

И легонечко ластой подтолкнул Лику к воде. Лика не успела даже сообразить, что произошло, и комом полетела в воду. Когда она в ней оказалась, то с ужасом подумала: «Ой, где я?» Вокруг открылась необычайная картина. Всё казалось интересным и новым. Возле неё плавали рыбки, которые уже обратили внимания на новый объект в подводном мире и с любопытством рассматривали Лику. А та лежала на каменистом дне озера и смотрела на них с широко раскрытыми глазами.

-Вы кто? Спросила она. Но рыбки молча продолжали смотреть на неё. Лика вдруг почувствовала себя неудобно. Ей жутко стало не хватать воздуха. А что делать, она не могла сообразить. К ней подплыл папа, посмотрел на неё с улыбкой и сказал:

-Ты плыви кверху. Нужно набрать воздуха, чтобы продолжить следующие занятия. Лика спросила:- А где верх?

Папа ответил: - Плыви за мной!

. Лика неумело начала барахтаться, но сразу сообразила, что у неё получаются в воде движения лучше, чем на суше. Она быстро стала повторять движения отца и подниматься за ним кверху. Лика вынырнула из воды, взяла воздуха и увидела, что брат с мамой находятся не далеко от них. Вен резво рассекал по просторам воды Байкала. А мама с улыбкой наблюдала за ним. Лика крикнула:

- Мама, мама, я тоже научилась плавать! Это даже здорово и совсем не страшно. Мама сказала:

-Да вы у меня оба молодцы! Быстро усвоили первый урок. Завтра мы с папой будем учить вас охотиться на рыбу.

- А где она живёт? - Спросила Лика.

Мама улыбнулась и сказала:

- Плывите за мной,- и нырнула опять в воду.

Лика с Венем последовали за ней. Опять перед глазами замелькали серебряные бока неизвестных. Лика подумала: Какие невоспитанные, даже не могут сказать, как их звать? Мама тем временем, выбрав самую большую рыбку, с лёгкостью поймала её и выкинула на край льдины. Затем повторила ещё раз такой же трюк, но уже с другой рыбой. А после, набрав скорость, выпрыгнула из воды на льдину, зовя за собой повторить этот прыжок Лику и Вена. Лика в недоумении смотрела на всё это и не могла понять:» Зачем мама схватила эту серебристую?» Она попробовала сделать так же, как проделывала мама, но у неё ничего не получилось. Эти серебристые все разом разбежались по сторонам. Но здесь послышался мамин голос. Она им крикнула:

-Лика, Вен, выпрыгивайте на льдину.

Лика быстро последовала зову мамы и через секунду была уже на льдине.

-Мама, а почему ты эту серебристую поймала ? И кто это? Спросила она.

Мама ответила:

- Это и есть та самая рыбка, за которой мы будем завтра охотиться. А теперь я хочу вам предложить попробовать её на вкус. Вам понравится. Не всегда же вам пить молоко? Ещё много чего интересного и вкусного можно поймать и посмотреть в озере. Мы большую часть времени теперь будем проводить в нём. В нём будет безопасно, а на суше всегда можно ждать опасности. Как от человека, так и от хищных животных. В воде, как вы поняли, мы двигаемся быстрее и ловчей, а на суше нам тяжело передвигаться.

Отобедав рыбкой, которая очень понравилась Лике и Вену, и разморившись на

тёплом весеннем солнце, семейство нерп задремало.

Но, тишину нарушило какое-то неизвестное рычания. Звук приближался всё ближе и ближе. Первым услышал глава семьи папа Крон и быстро скомандовал: «Всем в воду»

Лика и Вен сильно испугались этого и направились в испуге к краю полыньи, толкая друг друга. Через несколько секунд всё семейство было в воде. И наблюдали за происходящим уже с безопасного для них места. На берегу показался рычащий объект, который приближался к ним. Это оказалась машина. Из неё вышли 3 человека. Они походили по краю полыньи, но близко к воде не подошли. Долго о чём-то переговаривались, затем вытащили с машины железный лист и положили на краю льдины. Ещё несколько минут они пробыли на берегу и затем уехали. Опять стало тихо. Лика с братом не понимали, кто это такие и почему родители так были встревожены появлением этих существ, от которых пахло какими-то неизвестными запахами. Папа сказал:

- Дети, это и есть люди. Их надо бояться. Они нас ловят и в нас стреляют из какой то палки, которая умеет убивать. Лучше и безопасней находиться в воде.

-Папа, а что они там оставили? Что это за серая вещь? Спросил Вен. Можно я посмотрю, и не дождавшись ответа, устремился к краю полыньи. Выпрыгнув передними лапами на берег, зацепился за железный лист. Ласты сразу прилипли к железному листу, и Вен закричал во весь голос, зовя на помощь своих родителей. Он не понимал тогда, что произошло. Но оторвать ласты и двинуться дальше на берег он не мог. И в воду спуститься так же он был не в силах. Его не отпускал железный лист. Вся семья быстро подплыла к нему. Папа своим весом пытался сдвинуть Вена с места, но он только пищал от боли. Мокрые ласты накрепко прилипли к холодному листу. Мама приказала Лике быть в стороне и не мешать спасти её брата. Лика смотрела на всё это с испуганными глазами и плакала. В голове у ней проносились мысли: «Что будет с братом? И как отцепить эту штуку от него.» Мама с папой тем временем начали толкать и раскачивать Вена, чтоб вместе с листом спустить его в воду. Нечего не получалось. Тогда папа подплыл под край полыньи и со всего маху начал разбивать лёд своим хвостом и телом, ударяясь об лёд всё сильнее и сильнее. Через несколько таких попыток тонкий весенний лёд лопнул. И железный лист стал резко погружаться в воду вместе с Веном. Как только лист попал в воду, то ласты сами отлипли. Вен, не веря в своё освобождение, уставший упал на дно озера. Мама с папой и Ликой подплыли к нему.

-Ты жив? - спросила мама.

Вен открыл глаза и расплакался от счастья, что он освободился от этого проклятого железного листа. Папа, весь израненный, подплыл к нему и сказал:

-Это тебе, сынок, урок на всю жизнь. Будь осторожней с людьми. Вам ещё много чему нужно научиться. Люди не только опасны на земле, но и в воде они расставляют свои сети. Я вам покажу в ближайшее время и научу, как эту опасность обходить стороной.

Счастливая семья решила уплыть от этого места подальше и найти новое для себя пристанище для отдыха и жизни. Приплывут ли они опять в этот уютный уголок, где родились Лика и Вен, ни кто не знает. Так как здесь их мирный покой был нарушен злыми людьми.

Для чего нерпе когти

С. Бунтовская

- Цвить, цвить, — звонко цвиркнула, пробудившись, синичка-гаичка и покрутила во все стороны серой головкой с чёрной шапочкой.

— Кр-р! Кр-р! — по-весеннему звонко отозвалась ей чёрная ворона с вершинки засохшей лиственницы.

Горизонт порозовел, и покрытые белым снегом далёкие вершины Баргузинского хребта чётко вырисовались на его фоне. Заворочался под ледяным панцирем могучий Байкал, заворчал глухо. Не выдержал апрельский лёд, треснул. Показалась в трещине чистая вода.

—

Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! — обрадовались такому событию две чайки. Они только накануне вернулись в эти края из далёкого Китая и были не прочь перекусить. Потому чайки сосредоточенно закружились над трещиной, стараясь высмотреть какую-нибудь добычу.

Вдруг из тёмной глубины вынырнул небольшой харюзок. Он сверкнул серебристым боком и ловко схватил что-то с поверхности воды.

— Куик! Куик! Моя добыча! Моя! — яростно закричала одна чайка.

— Куик! Куик! Куик! Я первая заметила! Я! — отвечала вторая.

И чайки наперебой кинулись за харюзком. Они так спешили, что сшиблись друг с другом в воздухе и упали в воду.

Юркий харюзок исчез подо льдом.

— Ха-ха-ха! — сказала одна чайка другой. — Так тебе и надо!

— Это тебе так и надо, — обиделась вторая и нахохлилась.

И тут из воды показалась серая и блестящая голова. Нерпа! Она

поглядела на чаек круглыми глазами и презрительно фыркнула в жёсткие усы.

- Ф-фу, какие жадины и грубиянки, - сказала нерпа. Неужели никто не учил вас, что друг другу надо уступать?

Нерпа подплыла к краю трещины, зацепилась за лёд крупными когтями и неловко выбралась на поверхность.

— Уф-ф!

Нерпа закрыла глаза и задремала. Чайки не много потоптались вокруг, рассматривая спящую нерпу.

— Ха-ха-ха, — негромко сказала одна из чаек, — интересно, зачем это ей такие мощные когти?

— Наверное, рыбу ловить, — предположила вторая. — Гигантских омулей или даже тайменей.

Нерпа приоткрыла один глаз и сказала:

— Глупые, глупые птицы.... Я предпочитаю бычков, маленьких и корявых. Но больше всего люблю голомянок. Мягоньких, жирненьких, вкусненьких....

Голодные чайки замолчали и пригорюнились. А нерпа снова

закрыла глаза.

— И всё-таки интересно, зачем это ей такие большие когти? — снова спросила одна из чаек.

— Может быть, чтобы драться с другими нерпами, — предположила вторая.

— Ф-фу, какая глупость, — нерпа снова приоткрыла один глаз.

— Я, благородное, умное, если не сказать больше, интеллигентное животное, и вдруг буду драться с себе подобными! Да что вы, разве это возможно?

Чайки растерянно замолчали, а нерпа тяжело вздохнула и снова затихла. Вдруг недалеко появился большой бурый медведь. Видно было, что он только недавно вышел из берлоги и теперь с удовольствием прогуливается по байкальскому льду.

— Куик! Куик! Куик! — востепенулась вдруг одна из чаек.

— Медведь! Медведь!

Ха-ха-ха! — закричала вторая чайка. — Я поняла! Когти нерпе для того, чтобы защищаться от медведей!

— Ха-ха-ха! — радостно подпрыгнула первая чайка. — Какая ты умная! Куик! Куик!

И они оглянулись на нерпу. Но той уже не было. На льду осталось только большое мокрое пятно.

Медведь подошёл ближе, и чайки взметнулись в воздух. Они полетели над Байкалом подальше от опасного хищника. Но косолапый не обратил на птиц никакого внимания. Он неторопливо подошёл к

тому месту, где только что лежала нерпа, долго его обнюхивал и даже поскрёб лапой.

А нерпа долго плыла подо льдом, пока не заметила сверху маленькое, почти круглое окошечко. Она сунула в него усатую морду. И не пробила. Мороз успел вставить в него ледяное стёклышко. Но нерпа

нисколько не опечалилась. Она поскребла стёклышко лапами, оснащёнными крепкими когтями. Ледяное стекло лопнуло, и над поверхностью воды возник мокрый нерпичий нос. Она жадно вдохнула насыщенный весенними запахами воздух и вдруг

заметила двух чаек, которые стремительно пронесли над её головой.

— И всё-таки глупые вы птицы, чайки! — сказала им нерпа. — Мои когти не грозное оружие. Они нужны мне лишь для того, чтобы делать продухи в байкальском льду. А ещё для того, чтобы цепляться за лёд и камни, когда хочется вылезти из воды и

немного отдохнуть.

Но чайки не слышали её слов. Теперь они раздумывали о том, для чего медведю нужны такие огромные и страшные когти

**Бунтовская С.Н.
Нерпенок**

Звёздная ночь раскинулась над ледяными просторами Байкала. Вроде бы огромное озеро замерло. Вдруг глухой рёв прокатился надо льдом. Это Байкал не мог успокоить свой нор и пытался сломать толстенный панцирь.

В такую-то ночь и родился нерпёнок. Вокруг было темно-темно, холодно-холодно. Он испугался и заскулил. Мама нерпа фыркнула где-то рядом.

– Не бойся, хубунок, – сказала она, – мы с тобой в ледяном доме. Нерпёнок ткнулся носом в мамин бок и стал пить очень вкусное молоко.

Утром в логове стало немного светлее, чем ночью. Ведь нерпы делают свои дома в нишах, прямо на льду. Сверху их засыпает снегом. Поэтому там тепло, уютно, но света всё-таки немного. Из ледяного логова есть выход – прямо под воду. Туда ныряет нерпа в момент опасности или когда плывёт на охоту. Вот и наша нерпиха, ласково взглянув на спящего малыша, бесшумно скатилась в ледяное отверстие. Нерпёнок проснулся.

– Мама, зачем ты прячешься в этой дыре?

Нерпиха улыбнулась и ответила:

– Это не просто дыра, это – продух. Я ухожу в него половить рыбки.

– Значит ты не бросила меня, – обрадовался нерпёнок.

– Конечно нет, хубунок, – успокоила его мама.

– А что такое хубунок? – снова спросил нерпёнок.

– Это значит – малыш, маленький детёныш. Посмотри на свою белую шубку. Через месяц она станет серебристо-серая и тогда я буду называть тебя куматкан.

Прошёл месяц. Однажды мама нерпа сказала:

– Куматкан, сегодня я беру тебя на охоту.

Он так обрадовался, что чуть не скатился в продох.

– Не торопись, – предупредила нерпиха, – сначала вдохни побольше воздуха. Ведь мы идём в воду.

– Нерпёнок вдохнул и вслед за мамой скрылся в воде. Нерпа показала ему бычков.

– Это рыбы с бо-о-ольшими головами. Бычки медленно плавают, и нерпе легко поймать их.

Оказалось, что у мамы нерпы не один продох, а много. Большой один, остальные – поменьше. Из них никак не вылезти на лёд. Зато можно высунуть нос и подышать.

Все продухи нерпы делают сами. Они подплывают ко льду снизу и когтями разгребают лёд. Потому продох имеет форму перевёрнутой воронки.

За несколько дней нерпёнок узнал очень много интересного. Он видел ворона, который, здороваясь, говорит: «Кра». Видел изюбрей. Огромные звери, на голове одного из них большие ветвистые рога. А еще мама показала ему медведя, но предупредила, что близко его подпускать нельзя.

Нерпёнок радовался жизни. Он даже не думал, что может случиться что-то плохое. Но однажды это всё же произошло.

Уже вовсю начиналась весна. Солнце припекало. Растаял их ледяной домик. Лёд очистился от снега и стал прозрачным. С берега доносились голоса птиц. Нерпиха вместе с куматканом лежали у самого большого продуха и отдыхали.

Нерпёнок сладко потянулся и зевнул.

Вдруг гром прогремел над Байкалом. Он был не похож на привычный гул льда.

– Скорее, – почему-то испугалась мама нерпиха, – это охотники! Ныряй, плыви отсюда быстрее и никогда не попадайся им на глаза! И нерпёнок нырнул. Он плыл, плыл, плыл изо всех своих сил. Дышал в продухи других нерп и снова плыл. С тех пор нерпёнок никогда не видел своей мамы, хотя очень ждал, что она найдёт его.

Давайте, ребята, пожелаем нашему куматкану удачи. Пусть не погибнет он ни от когтистой лапы медведя, ни от пули охотника. Пусть живёт в синем Байкале и глядит на нас доверчивыми огромными глазами.

(народная)

Жила была Нерпа. Маму этой нерпы убили браконьеры ещё в её детстве. Нерпа выросла и стала обладать могучей силой. Она защищала Байкал от браконьеров и вредителей.

Вот одна история из жизни нерпы...

Жарким летом на пляже Байкала собралось много туристов. Мимо проплывала Нерпа и стала наблюдать за отдыхающими. Взрослые после пикника выбрасывают весь мусор в воду. Нерпа очень расстроилась от такого поведения людей и придумала игру. Нерпа стала будить Байкал и сказала ему:

- Байкал, а ты знаешь, что люди выбрасывают весь мусор после пикника в твою воду?

- Нет. Я даже и не догадывался, что люди могут так поступить со мною, - ответил Байкал.

- Я придумала одну поучительную игру, - сказала нерпа. - Один человек бросает бутылку в воду, а ты выбрасываешь обратно две бутылки. Он их бросит, а ты возвращаешь ему уже четыре. Человек кинет все четыре, а ты ему – восемь. И так будем умножать на два каждому, кто бросит.

- Ну, хорошо я не против, - сказал Байкал.

Байкал и нерпа начали эту игру. Они играли в неё полчаса. Наконец людям надоело, и они собрали весь этот мусор и поехали домой.

У нерпы будет ещё много приключений, так как она живет вечно. Хотите узнать о них? Я обязательно расскажу!

Рассказ нерпы

Милана Зарубина

Меня зовут Айя. Многие думают, что имена что-то означают, но моё имя не значит ничего, я - просто нерпа. Я была здесь всегда, на берегах Большой воды. Старый дедушка Ор рассказывал нам, ещё молодым нерпятам, откуда мы пришли много-много лет назад, а я расскажу вам. Мы жили далеко-далеко, в тех краях, где всегда была зима. Нас было очень много, и год от года становилось все больше и больше. Тогда Старшие из Старейших решили, что часть нашей семьи должна уйти. Вверх по реке, можно было найти себе новое пристанище. Так началось Великое переселение. Долго продолжалось оно, много наших предков погибло в пути от страшных зверей, людей и пожаров, но Старшие верили, что есть Большая вода. Об этом им говорили и птицы, и рыбы, и лесные духи, и дух воды. В ней они видели наше спасение. И вот однажды это всё-таки произошло, они дошли, и радости их не было предела, потому что и вода эта – Байкал, тоже казалась им беспредельной. С тех пор мы здесь и живём. И я тоже. Как я живу? Я могу глубоко-глубоко нырять и не дышать под водой долгое время, умею ловить рыбу. Люблю нежиться на солнышке и дремать на ледяных глыбах. Люблю зимой плавать подо льдом, сделать в нем коготками продушину и высунуть носик наружу, а потом снова плавать и нырять. Только последнее время делать это мне все трудней и трудней. Дело в том, что скоро у меня появится мой первый

малыш – хубунок. Я жду его почти год. Он родится в снежном логове и будет такой же белый, как снег. Сначала я буду кормить его молоком, потом он начнет кушать рыбу. Тогда его шубка станет серебристой, и мне надо будет хорошенько прятать его, как прятала меня в детстве моя мама. Люди – вот кто наши главные враги. Как были они дикие, так и остались. Я молода, но и на моей памяти столько случаев, когда эти жестокие существа ловили и убивали маленьких нерпят! Дедушка Ор говорит, что шкуры наших малышей они носят на головах! Великая печаль о потерянных детках навсегда застыла в глазах наших. Я буду хорошенько прятать моего нерпёнка. Я научу его всему, что умею сама. И он так же, как я, полюбит синее море над головой, в котором каждый день купается солнце. Да хранит нас Большая вода!

В. Стародумов Кот ученый и нерпа

Помните у Пушкина:

У Лукоморья дуб зелёный,

Златая цепь на дубе том.

И днём и ночью кот учёный

Всё ходит по цепи кругом...

И ходить бы учёному коту, прикованному к дубу, до сих пор, да на его счастье случилась одна из тех, известных лишь животному миру, лесных революций, которая освободила кота. Порвав цепи, кот пошёл бродяжить по белу свету — других зверей и людей повидать, да и себя показать, свободой насладиться.

Так из далёкого Лукоморья он очутился на привольном Байкале. Идёт кот учёный по берегу и припеваает: Я - котикша, мой умишко Всё постиг, и я берусь Запугать любых зверюшек, Попадутся — и лягушек! Никого я не боюсь!

И верно: кот учёный был не из робких. Всего он насмотрелся, пока добирался из Лукоморья до Байкала. Кажется, ни удивить, ни испугать его ничем нельзя было. Познакомился и с Лешим, и с Русалкой, и с Бабой Ягой, Кошечя Бессмертного видел, даже ему посочувствовал. Ну сами посудите: всю жизнь чахнуть над золотом! Для чего?

Но испугаться коту учёному всё же пришлось. И где? Да тут, на Байкале!

А получилось вот что: видит кот, из воды высунулась этакая усатая морда с круглыми тёмными глазами, полными любопытства. И шерсть у кота сразу встала дыбом, спина сгорбилась, хвост поднялся трубой.

— Чего испугался? — фыркнув, усмехнулся диковинный зверь, не вылезая из воды.

— Впервые тебя такого вижу, — преодолев испуг, ответил кот и принял свой обычный вид. — Ты кто такой?

— Я — нерпа, особого рода тюлень, — охотно отозвался обитатель водных глубин. — А увидеть меня ты мог только здесь, на Байкале. Больше мы нигде не водимся. Ну, будем знакомы!

И усатая голова нерпы скрылась под водой.

Кот учёный устроился на диковинной сосне, какие бывают только на Байкале, и открыл для себя вот что: «Нет, оказывается, я ещё не всё видел на свете. И неважно, что новое иногда познаётся через страх.»

Кот был хоть и учёным, но долго не мог понять, почему он испугался нерпы, у которой такие добрые глаза.

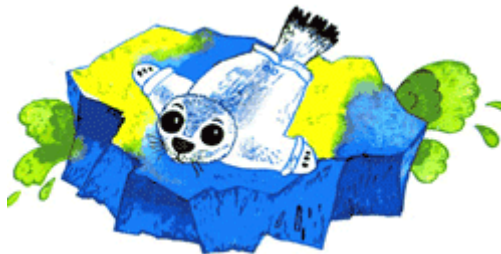
Стихи о нерпе

Нерпёнок

М. Трофимов

В байкальских торосах
заснеженных,
В берлоге - норе ледяной
Родился нерпёночек нежный
У нерпы студёной порой.
И нерпа сыночка ласкала,
Кормила его молоком

И нежно его лизала
Шершавым своим языком.
А снег над Байкалом кружился.
Нерпёночек, глядя на мать,
Рыбёшку ловить научился,
В продушину смело нырять

РАЗНОЦВЕТНЫЕ СКАЗКИ

Сергеев М.Д.

Глоток океана
– Ты знаешь, кто такой омуль?
– Рыба.
– А ты знаешь, где живёт омуль?
– В Байкале.
– А ты знаешь, где лежит Байкал?
– В Сибири.
– Ты многое уже знаешь, однако
же

не всё
Послушай-ка, что я тебе расскажу...
Был у нерпы ребёнок,
забавный нерпёнок.
Только был непослушным
ребёнок с пелёнок:
и друзей,

и соседей,
и старую мать
он проказами
очень любил
донимать.

То холодную льдину
притащит в квартиру,
то без спроса напьётся он
рыбьего жиру,
то глотает сосульки,
как фокусник шпаги,
то в Байкал он ныряет,
исполнен отваги.
А нерпятам –
это известно давно –
в раннем возрасте
плавать
запрещено!

Мать ему говорила:
– Беды не наделай!
Ты ж куда малыш ещё,
беленький,
белый.
Вот разгонит весна
ноздреватые льды,
так
хоть месяц ты
не выходи
из воды!
Ветер в льдины ударит
и сильно,
и грубо,
потемнеет твоя

белоснежная шуба,
вот тогда,
мой нерпёнок,
и только тогда,
для тебя неопасною
станет вода.

Только мать за
порог,
как в любую погоду
лез нерпёнок в
сырую
байкальскую воду,
и на льдину –
ну что с непоседы
возьмёшь! –
он тайком выходил
погулять без калош.
Плавал в маминой
шляпе
с большими полями
и, не слушаясь
папы,
дружил с омулями.
Как-то в сети попал
озорной омулёк,
так нерпёнок
беднягу
из плена извлёк.

Омульку говорила
не раз омулиха:
– Доведёт тебя
дружба с нерпёнком
до лиха. Разозлится

и съест он тебя,
дуралей.

Свою старую маму,
сынوك,
пожалей...
Но случилась с нерпёнком
беда, беда.
Эй, врачи,
поскорее
сюда, сюда!
Эй, премудрый таймень,
ты халат свой надень,
видишь, жар у нерпёнка
пятнадцатый день!

Он родился зимою,
был в белую шубу одет он,
чтоб никто на снегу
нерпёнка увидеть не смог.
Время шубу менять –
белый берег раскрасило лето,
а малыш – точно снег,
а нерпёнок совсем занемог.

Он белый-пребелый лежит, как
зима,
он тихий-претихий лежит, как
зима,
как будто бы маленький белый
сугроб
на летней воде позабыла зима.

Плачет мама.
И папа нерпёнка жалеет...
Но от слёз разве шуба его
потемнеет?
Все соседи ревут,
и от этой беды
прибавляется
в море Байкале
воды.

Ходят волны тревожные
в белой пене,
буря громко стучится
в квартиру тайменя:

– Эй, премудрый таймень,
ты халат свой надень,
очень болен нерпёнок
пятнадцатый день!
Таймень сказал:
– Простите...
Что громко так стучите?

Учёнейший таймень я,

но стар я, тем не менее.
Вы лучше б не стучали,
а на своей спине
нерпёнка покачали
и принесли ко мне...

Он градусник ставил нерпёнку,
пощупал нерпёнку печёнку,
потрогал мохнатую шубку,
приставил к спине его трубку.
– Послушать мне вас разрешите...
Дышите...
Теперь не дышите...

Сказал он родителям:
– Странно!
Болезнь неизвестна почти.
И только глоток океана
поможет малышку спасти.
Глоточек зеленой,
глоточек солёной,
глоточек студёной
целебной воды.

– Ты знаешь, что такое озеро?
– Это много-премного воды...
– А море?

– Это – если слить вместе много-
премного озёр.
– А что такое океан?
– Это – если слить вместе много-
премного морей.
– Ты уже немало знаешь, однако
же
не всё. Послушай-ка, что было
дальше...

Убита горем нерпа-мать,
не может есть,
не может спать
от думы неустанной,
от беспокойства:
где достать
глоточек океана?!
В Байкале чистая вода,
в Байкале вкусная вода –
холодная,
зелёная,
да только не солёная.

Отец – хороший был пловец,
но постарел уже отец,
на полдороги силы
бедняге не хватило.
Так труден путь
и так далёк –
быстрины
и пороги...
Но верный,
храбрый омулёк
готовился к дороге.
Он про запас
еды припас,
из дома вышел тихо:
он выбрал час,
когда как раз
дремала омулиха.

Он дружбу понимал всерьёз
и для спасенья друга
готов был ринуться в мороз,
пройти жару и выюгу.
Пусть будут сети на пути

и шуки-великаны,
но только б другу принести
глоточек океана.
Он белый-пребелый лежит – океан,
он грозный-прегрозный лежит –
океан,
студёную воду из рек и морей
в огромных ладонях
собрал океан.

Плыл денёк омулёк,
плыл второй,
за волною волну рассекал,
но опять
впереди,
позади
и с боков
всё Байкал да Байкал.

Омулёк полежит на спине,
отдохнёт среди губок на дне
и опять всё вперёд,
всё вперёд,
всё вперёд,
в тишине,
в глубине.

Вдруг кто-то
полосатый,
как тигр, издалика
метнулся из засады,
напал на омулька.
То близок, то далёк
он
(крадётся и хитрит!),
морской разбойник
окунь –
прожорливый
бандит.

И так он говорит:
– Подоспел, омулёк,
к сроку!
Видишь: точит свой нож
окунь?
Видишь: точит свой нож,

значит, ты не уйдёшь,
никуда
от меня
не уйдешь!

Обо всём от страха
омулёк забыл,
по воде с размаху
он хвостом забил.
Мчится вглубь,
в сторонку,
в синий полумрак.
А за ним вдогонку
полосатый враг.

Вдруг видит омулёк:
рыбачья сеть.
В такой сети
пришлось ему висеть:
запутался
и выбраться б не смог,
когда б ему нерпёнок не помог.
Малыш глядит на сеть,
да неспроста:
– Ага! Она не очень-то густа!
Я проскочу,
а кто-то наверху
поймает окунишку
на уху!

Прошёл малыш
преграду без труда,
а окунь –
ни туда и ни сюда.
Забился он,
запутался в сети,
он омульку кричит:
– Браток, прости!
Я ж пошутил,
мы, окуни, добры...

В ту ночь
малыш доплыл
до Ангары.

– Ты знаешь, сколько сыновей у
Байкала?
– Триста тридцать три...
– Ты прав, столько рек ему приносят
воду.
А сколько у Байкала дочерей?
– Совсем мало.
– Сколько же?
– Одна Ангара. Она вытекает из
Байкала и
спешит к Енисею-реке.
– А куда бежит Енисей?
– Прямо-прямо в океан.
– О, ты даже это знаешь! И всё-таки
ты
знаешь не всё. Вот послушай-ка, что
было
дальше...

С неба падает тихо
звезда-уголёк.
На перине волны
задремал омулёк.
Ангара к Енисею спешит.
И во сне
путешественник едет
на мягкой волне.

Качается перина,
удобная перина.
Но вот загородила
дорогу ей плотина.
О камень разбивается
упругая волна,
боками упирается
в два берега стена.
А в той стене,
а в той стене
машины – быстры,
волна ударит по волне –
сверкают искры.
А в той стене,
а в той стене
э-
лек-
тро-

станция,
и ток,
рождённый в глубине,
к заводам тянется.
По проводам,
по проводам
всё дальше, выше,
пошла вода,
пошла вода!
Огнями стать спешит вода
под каждой крышей.
Вошёл в дома электроток,
гудит в машинах...
Заплакал горько омулёк
перед плотиной.
Не переплыть,
не обойти
преграды странной.
Как тут нерпёнку принести
глоточек океана?
Глоточек солёной,
глоточек зелёной,
глоточек студёной
целебной воды?

Просыпаются рано
подъемные краны,
достают они солнце
из речного тумана.
Солнце в небе повесят –
сияй во всю мочь!
И глядят великаны:
кому бы помочь?

Над плотиной стоит
добряк великан.
– Кто там плачет с утра? –
удивляется кран.
– Отвечайте скорей,
а иначе
мы и сами
от горя
заплачем...

Он взял омулька на ладошку,
сказал:

– Не робей, омулёшка!
Беду мы немедля поправим,
тебя к океану отправим.

Я знаю:
в реке ты,
как рыба в воде,
но надо спешить,
раз товарищ в беде.
Ты год будешь плыть
по Сибири по всей –
длинна Ангара
и велик Енисей,
покуда лекарство прибудет –
нерпёнка на свете не будет.
Нет, ты не по рекам,
а лучше
помчишься
на туче летучей.

Он тучу-летучу
к плотине привёл,
моторы на туче-
летуче завёл.
– А ну-ка, без шума
и лени
лети-ка ты, туча, к
тюленям!
А ты, омулишка, везучий.
Счастливого плаванья в туче!

А нерпёнку всё хуже и хуже,
вся родня только плачет и тужит,
сам премудрый таймень
затянул свой ремень,
двести тысяч лекарств
он испробовал в день:
аспирин,
глицерин,
стрептоцид, сульфидин.
валерьянку,
касторку
и
пе-ни-цил-лин!
Но пилюли и разные капли
не спасают больного ни капли.

Он белый-пребелый лежит, как зима,
он тихий-претихий лежит, как зима,
как будто бы маленький белый сугроб
на летней воде позабыла зима.
Вдруг туча
в Байкал уронила звезду.
А это из тучи-летучи
смельчак омулёк
соскочил на ходу –
в чешуйки ударился лучик.
И белая фляга
из чистого льда
в глубины Байкала нырнула.
В той фляге – вода,
живая вода,
полна океанского гула.
Полярные ветры,
полярные льды,
сиянья полярного полосы –
всё спрятано
в этом глоточке воды,
добытой у самого полюса.
В глоточке солёной,
в глоточке зелёной,
в глоточке студеной
целебной воды.

Баллада о нерпах

Евгений Евтушенко

Нерпа-папа спит, как люмпен.
Нерпа-мама сына любит
и в зубах, как леденец,
тащит рыбину в сторонку
кареглазому нерпепку
по прозванию "зеленец".
Нерпы, нерпы, вы как дети.
Вам бы жить и жить на свете,
но давно в торговой смете
запланированы вы;
и не знают нерпы-мамы,
что летят радиogramмы к

– Ты знаешь, кто такой приятель?
– Это человек, с которым ты хорошо знаком,
с которым играешь в футбол или в тайгу
по грибы ходишь.
– А кто такой товарищ?
– Это самый лучший приятель.
– А кто такой друг?
– Это самый лучший товарищ. Если надо –
он всё для тебя сделает: выручить в беде,
поделится самым последним, сделает так,
чтобы тебе было хорошо. А если придется –
даже принесёт в ледяной фляге глоточек
океана.
– Да, больше мне рассказать нечего.
Теперь ты знаешь всё.
– Я даже знаю, какое слово ты сейчас напишешь...
– Какое же?

нам из снежной синевы.
Где-то в городе Бостоне
на пушном аукционе
рассиявшийся делец сыплет
чеками радушно,
воскликая: "Мир и дружба!
Мир и рашен "зеленец"!"
Чтоб какая-то там дама -
сплошь одно ребро Адама -
в мех закутала мослы,
кто-то с важностью на морде
нам вбивает вновь по Морзе

указания в мозги.
Нерпы, нерпы, мы вас любим,
но дубинами вас лупим,
ибо требует страна.
По глазам вас хлещем люто,
потому что вы - валюта,
а валюта нам нужна.
Нерпы плачут, нерпы плачут
и детей под брюхо прячут,
пожалеть нам их нельзя.
Вновь дубинами мы свищем.
Прилипают к сапожищам
нерп кричащие глаза.

Ну а нерпы плачут, плачут...
Если б мир переиначить
(да, видать, не суждено),
мы бы, нерпы, вас любили,
мы бы, нерпы, вас не били -
мы бы водку с вами пили
да играли в домино.
Все законно! План на двести!
Нами все довольны в тресте!
Что хандришь, как семга в тесте?
Кто с деньгами - не хандрит.
Можешь ты купить с полочки
телевизор самый лучший -
пусть футбол тебя взбодрит
в дальнем городе Мадрид.
Но с какой-то горькой мукой
на жену свою под мухой
замахнешься ты, грозя,
и сдадут внезапно нервы...
Вздогнешь - будто бы у нерпы,
у нее кричат глаза.

Загадка

В снежном логове родится,
Простудится не боится.
Подрастет - начнет нырять,
Шубку белую менять.
Если очень повезет.
Лет полсотни проживет.
Что за зверь такой с усами?
Может, вы видали сами?
(Нерпа)

Быт, традиции, культура народов Прибайкалья

Сказки, рассказы, проза

В. Стародумов

Аленушкина кукла

Сарма — самый сильный и коварный ветер на Байкале. Подует — жди всяких неприятностей и даже бед.

Возле рыбацкого селения Семь Сосен Сарма кинула на скалы острова Ольхон небольшое судёнышко. Разбилось оно в щепки, рыбаки погибли. Одну из рыбацек, полуживую, вместе с ребёнком прибой выкинул на отмель. Мимо шла костлявая, безобразная старуха. Увидела она прибитых волнами к берегу бесчувственных мать и дитя, сердито прошамкала:

— Эко улеглись — сама-больша и чадо. Ан нет, не бывать вам вместе, я вас, миленьких, разлучу. Остаться тут только чаду, а ты сгинь, пропади, сама-больша!

Дыхнула-пыхнула старуха, рукой по носу провела, ткнула пальцем в сторону женщины — и та тут же растворилась в песке, а на её месте оказалась такая же безобразная, как сама ведьма, неопрятная кукла. Платье её, однако, было беспорядочно усеяно мелким бисером.

«Игрушкой ты теперь побудь

И про лицо своё забудь,

Хоть и неважно мертвецу,

Какому быть его лицу», —

потирая в злорадстве руки, заговорила вдруг стихами ведьма и склонилась над ребёнком.

— Ну вот и оставайся, и лежи тут одна, чадо. Не видела и не видеть тебе ни света белого, ни матери, ни чаек, которые летают сейчас над тобой...

И удалилась, хихикая, похваливая себя, что день не пропал даром, — удалось-таки навредить людям!

Но не только ведьма побывала тут. Проходила мимо и остановилась около ребёнка молодая дева, нарядная и красивая, в глазах — байкальская синь. Это была добрая волшебница.

— Бедная девочка, — посочувствовала она ребёнку, — ты почти мертва. Но я оживлю тебя. Слушай меня внимательно: тебя ждут новые испытания, но ты их не бойся, постарайся все до одного преодолеть. Только тогда ты узнаешь, что такое жизнь и для чего она даётся человеку. Я тебе обещаю: ты будешь счастливее других! Живи же, девочка!

Девочка вздохнула, открыла глазки, попыталась улыбнуться.

— А вот тебе и кукла, — подняла волшебница ведьмину поделку и вложила в руки девочки. — Не смотри, что она безобразна, зато в ней душа есть! И не пришивай на платье куклы бисеринки, которые постепенно будут отваливаться... Не заменяй их, крепко запомни это! Поняла? И знай: последняя бисеринка — это твой день рождения!

Девочка с благодарностью смотрела на волшебницу. Говорить после всего того, что с ней случилось, она ещё не могла и только кивнула головой.

— Ну а то, что ты ещё очень маленькая и беспомощная, пусть не беспокоит тебя: добрые люди позаботятся о твоём детстве!

И на эти слова девочка ответила согласным кивком.

Когда она полностью пришла в себя, волшебница прочитала стихи, после которых девочка, улыбаясь, сразу же поднялась на ноги. Она продолжала улыбаться, когда уже волшебницы рядом не было... Всё походило на сон. Но про куклу девочка запомнила всё в точности.

Сбылось предвидение доброй волшебницы: одна сердобольная рыбацкая семья из Семи Сосен приютила малютку и дала ей имя Алёнушка. Приёмных родителей смущала крепкая привязанность Алёнушки к своей безобразной кукле, с которой она даже на минуту не расставалась. И как ни пытались они подменить эту куклу другой, красивой, девочка упрямо твердила:

— Не надо мне других кукол, эта — лучше!

Поудивлялись родители поведению приёмной дочери и смирились: не такая уж это большая причуда, пройдёт со временем! Куда больше удивляло их другое: росла Алёнушка не по дням, а по часам! Из маленькой лепетуны она скоро превратилась в рассудительную девочку, какие бывают только в пятилетнем возрасте. Это за каких-нибудь полгода! Вот что им было непонятно.

Сама же Алёнушка заметила: росла она по мере того, как отпадали от платья куклы бисеринки! И поглядывала, сколько же их ещё осталось.

Уж так ей хотелось скорее вырасти, чтобы помогать всем, кого обижают! Особенно таким, как она, маленьким.

Как ни заботились об Алёнушке приёмные родители, печалей у неё хватало. Вот даже хоть эта: девочки не принимали её в свой круг, когда она пыталась сойтись с ними, чтобы вместе играть. Стоило ей подойти к ним, как они в голос начинали кричать:

— Убирайся со своей безобразной куклой! Чего лезешь с нею к нам? У нас вон какие красивые куклы!

И Алёнушка отходила от них, устраивалась где-нибудь в сторонке и проводила время в неприхотливой игре одна.

Как-то один злой мальчишка выхватил у неё из рук куклу и побежал, чтоб выбросить её куда-нибудь. Алёнушка догнала его. Мальчик был драчуном, но она всё же отобрала куклу.

Пришла домой заплаканная, вся поцарапанная, с прижатой к груди куклой.

— Что с тобой? — спросила мачеха.

— Не дала куклу в обиду! — сквозь слёзы ответила девочка.

Шло время. От платья Алёнушкиной куклы бисеринки отлетали, как пушинки с одуванчика.

Когда минул год, пришитой осталась всего только одна бисеринка. Тогда Алёнушка вспомнила о дне своего рождения и решила пойти на то место, где её оживила добрая волшебница...

Был тёплый, солнечный день. Тихо и ласково всплескивали у берега набегавшие на гальку байкальские волны. Вскрикивали садившиеся на воду чайки. Ничто не напоминало о том, что не так уж и давно Сарма разбила здесь рыбацкое судёнышко. А теперь затаилась и выжидала, когда можно будет разгуляться вновь.

Загляделась Алёнушка на голубое небо и сверкающий в солнечных лучах Байкал, и ей стало вдруг так легко и весело, что она, прижав к груди свою куклу, закружилась с нею в неудержимом порыве обнять весь мир.

И вдруг почувствовала, что не она кружит куклу, а кукла — её и что кукла стала живой! И тут увидела Алёнушка: кукла ростом стала гораздо выше. Куда девалось её безобразие — красивее лица Алёнушке не приходилось видеть! И тут же она услышала всего одно слово, сказанное удивительно ласковым и нежным голосом:

—Дочка!

Алёнушка, радостная и счастливая, вскрикнула:

—Мама!!!

Такому чуду все радовались: и Байкал, и солнышко, и чайки!

В. Стародумов Агафьино счастье

Ду-ду-ду! Ду-ду-ду! Звери слушают дуду. А играет на дуде не то леший, не то дед. Но не будем уточнять — надо сказку начинать.

На Селенге-реке, там, где она впадает в Байкал, широко раскинулись мелководные лагуны, их по-местному называют сорами. Вот где настоящее птичье царство! Неба ясного не видно, когда над сорами поднимаются в небо стаи гусей и уток, журавлей и лебедей, красных турпанов. Не в диковинку увидеть здесь и аистов — птиц счастья и супружеской верности.

Долговязая и сухая вдовушка Агафья, хозяйка избышки, стоявшей на самом берегу сора, на окраине небольшого рыбацкого селения, хорошо знала: если на крыше дома аисты совьют гнездо и поселятся в нём — в дом придёт счастье. Но аистов у Агафьи не было. Зато других птиц в её хозяйстве водилось много: по двору важно, вперевалку ходили домашние утки, гуси, без умолку болтал какую-то чепуху индюк.

Но, боже мой, сколько здесь копошилось квохчущих и кудахта-ющих кур! А среди них горделиво — грудь колесом — прохаживался Петя-петушок Красный Гребешок и вместо «ку-ка-ре-ку» галантно, с поклоном, отпускал подругам любезности. Вся эта птичья компания разговаривала не только на своём родном языке, но знала ещё и селен-гинский язык, междуптичий.

Самой Агафье слушать, как чесали языки её подопечные, не приходилось: хозяйство большое, только успевай справляться с делами. Помогать-то ей некому было.

Как-то вышла она рано утром во двор выгнать гусей и уток на водный простор и ахнула: за ночь на крыше её избышки появилось большое гнездо, а в нём стояли на длинных ногах с длинными шеями и клювами два чёрных аиста. Ох, и обрадовалась прилёту аистов Агафья!

— Милые вы мои, хорошие, — благодарно заговорила она. — Не обошли меня, уважили. Значит, и мне принесёте счастье!

Очень хотелось ей иметь дома кого-нибудь — либо парнишечку, либо девчущечку-помощницу (детей у неё не было). Время шло, аисты обжились. По-прежнему в заботах и хлопотах проводила время неугомонная Агафья.

Однажды разразилась сильная гроза. Агафья месила тесто, когда увидела, как в открытое окно влетела в избу молния в виде огненного цветистого шара и поплыла по воздуху над всей домашней утварью. Со страху Агафья опустилась на пол, а молния юркнула в квашню и там лопнула.

Агафья поднялась с полу, глянула на квашню и обомлела: вместо круто замешанного теста перед ней очутилась девочка, да такая милая и пригожая, что у Агафьи слёзы навернулись на глаза.

— Да как же ты сюда попала, девочка? Откуда ты?

— А ниоткуда. Я ещё нигде не бывала, кроме этого дома.

Агафья догадалась: «Не иначе, как аисты позаботились обо мне. Ну, спасибо им!»

— А как тебя зовут, девочка?

— А как назовёте, так и ладно, — беспечно ответила та.

— Хорошо, я подумаю, как назвать тебя. А меня зовут Агафьей. Буду тебе мамой.

Гроза над сором усилилась, блеснула молния, ударила в медный таз, в котором до этого находилась свежая осетровая икра — гостинец рыбаков, — и оттуда выскочил кудрявый и подвижный мальчик. Он с любопытством огляделся вокруг, но тут хлынул такой сильный дождь, что мальчик сразу насквозь промок и заскочил в Агафьину избушку.

— Ты откуда, мальчик?

— А ниоткуда, — бойко ответил мальчик. — Да и где мне бывать, кроме этого родного двора...

— Родного, говоришь?

«Видать, и этого парнишечку подкинули мне добрые аисты!» — подумала Агафья.

— А как тебя зовут, мальчик?

— А как назовёте, так и ладно, — весело отозвался покладистый мальчик.

— Ну хорошо, я подумаю. А меня зовут Агафьей, я тебе буду мамой.

Агафья дала ребятам имена: девочке, появившейся в избе первой, — Первуша, мальчику, появившемуся вторым, — Вторик.

Пришлись Первуша и Вторик и к птичьему двору Агафьи. Стоило им только появиться здесь, как Петя-петушок Красный Гребешок, звякнув шпорами, отвесил ребятам глубокий поклон. Куры при этом почтительно квохтали, индюк принялся лопотать приветствие белыми стихами, а утки и гуси наперебой крякали и гоготали, что в переводе на селенгинский язык означало: как себя чувствуете, что кушали и наелись ли.

Лишь аисты отмалчивались — не любили болтовни. И, если их не было, значит, улетели на болото — охотиться на лягушек. Находилось болото недалеко от Агафьиной избы, и хозяйничал в нём злой болотный дух Губай. Дух этот был настолько безобразен, что никак не мог найти себе жену даже среди самых

безобразных невест из ведьм и колдуний. И обзлѣнный Губай начал пакостить тем, кто принадлежал к женскому роду. Заметив, что на его болоте стали часто кормиться аисты, Губай задумал отделаться от них, в первую очередь, конечно, от аистихи.

«А он, аист, после того сам лишит себя жизни», — злорадствовал Губай.

Было у Губая среди болота небольшое озерко с мѣртовой водой. Она имела такую силу, что даже запах был смертелен. На это и рассчитывал Губай: он собрал вокруг озерка для приманки самых жирных лягушек и стал дожидаться.

Аист полетел на дальнее болото, а аистиха, заметив озерко с лягушками, стала спускаться на него и тут же упала на кочку мѣртовой.

Вернулся с дальнего болота аист, а подруги нет. Искал-искал — не нашѣл. Прилетел в своё гнездо — и там нет. Заметили отсутствие аистихи не только Агафья с Первушей и Вториком, но и весь птичий двор. Все опечалились.

Только Петя-петушок Красный Гребешок, хорохорясь, заявил:

—Ничего, вторую подругу приведѣт! Аист вскоре бесшумно улетел...

Прошло несколько дней — аист не возвращался. Больше всех переживала за аистов Первуша.

—Мама, а если я схожу на болото и посмотрю?

— Ну, сходи, — разрешила Агафья. — Только будь осторожной, берегись, чтоб тебя не попутал там Губай...

— А я не боюсь, — расхрабрилась Первуша. Появление Первуши на болоте насторожило Губая.

—А-а-а, девчонка... — заскрежетал он зубами. — Ну, погоди же, не уйти и тебе отсюда.

И он стал следить за нею.

Первуша дошла до озерка и увидела между кочек мѣртовых аистов. Напрасно ждали Первушу домой обеспокоенные Агафья и Вторик. Прошѣл день, наступил вечер, а там и ночь.

—Где ты, Первуша, доченька милая?

На оклики Агафьи никто не отзывался. Наутро Вторик решительно сказал Агафье:

— Мама, я пойду искать Первушу. Пока не найду её — домой не вернусь.

— Ладно, Вторик, иди, — разрешила Агафья. — Буду надеяться, что дождусь вас обоих.

Вторик ушѣл. И только он ступил на болотную тропу, как навстречу ему кинулась огромная ящерица, в одной лапе она держала туесок со спелой клюквой, в другой — ведѣрчко, наполненное водой.

—Меня послала к тебе добрая волшебница Умагара, — заговорила ящерица. — Она покровительствует всем, кто попал в беду от Губая. С ним волшебница давно борется. Когда она узнала про гибель своих аистов, то решила: пора кончать со злым болотным духом. Смерть же Губая находится в его любимом лакомстве — клюкве.

И ящерица протянула Вторику туесок с ягодой.

—Эта ягода с особой начинкой: достаточно проглотить Губаю хоть одну клюквину — и его разнесѣт на части.

Вторик покорно принял от ящерицы туесок.

—А это — чистейшая байкальская живая вода! — и ящерица протянула Вторику ведёрко. — Ею ты оживишь тех, кого ищешь. Теперь следуй за мной, я укажу тебе место, где спрячется Губай.

Не доходя до озера, ящерица дала Вторику знак, и он стал разбрасывать клюкву по болоту.

Вот и озеро. Как сжалось сердце у Вторика, когда он увидел Первушу мёртвой среди болотных кочек! На глаза навернулись слёзы, но ящерица вскрикнула:

—Спрыскивай же её скорее живой водой, чего медлишь!

Вторик послушно вскинул ведёрко, плеснул из него воды на Первушу, она моментально ожила и радостно бросилась к Вторику... Ребята оживили и аистов.

—Вот мы и снова вместе, теперь — домой, к маме! Как она обрадуется! — восхищённо проговорил Вторик.

Он низко поклонился ящерице, и в это мгновение раздался оглушительный взрыв.

Ящерица воскликнула: — Злой болотный дух испарился! — И шёпотом сообщила: — А вот и сама волшебница Умагара!

Перед ребятами и аистами предстала в голубом сверкающем наряде синеглазая красавица.

— Рада видеть вас счастливыми, — сказала она. — Добро всегда оплачивается добром, и вы, Первуша и Вторик, доказали это своим участием в судьбе моих аистов.

— Пусть они и полетят домой первыми, а мы придём за ними! — предложил Вторик.

Поднялись аисты в небо, волшебница Умагара помахала им рукой, сказала на прощанье Первуше и Вторику:

—Идите за аистами, больше никогда с вами ничего плохого не случится.

В. Стародумов

Невпопад

Дело было утром. Над лесом поднималось яркое, искрящееся солнышко. Выскочил из своей норы Заяц и побежал по лесу. После хорошего сна хотелось раздобыть на завтрак чего-нибудь повкусней. Заяц ещё толком не проснулся, а навстречу ему — косолапый хозяин тайги. Оробел при виде его Заяц, но не растерялся и залепетал заискивающе:

—Добрый вечер, дядя Михаил!

В ответ на приветствие Медведь благосклонно мотнул лохматой головой в сторону Зайца и пошёл не оглядываясь своей дорогой. На дереве сидел Бурундук.

— Слушай, косой, — обратился он к Зайцу, — почему ты сказал Медведю «Добрый вечер» вместо «Доброе утро»?

— А у меня при встрече с ним почему-то темнеет в глазах, — ответил Заяц.

Бурундуку ответ понравился, и он дал себе слово, что больше Зайца дразнить «косым» не будет.

В. Стародумов
«Хитрый» козел

Жаркое-жаркое стояло лето в прибайкальской тайге, а на гольцах Баргузинского хребта, где лежали вечные снега, было прохладно. Вольготно жилось здесь козерогам!

Как-то отбился от стада один из них — молодой, резвый. Он спустился в Баргузинский соболиный заповедник, где люди опекали ценных пушных зверьков. Не разрешалось трогать здесь охотникам и других зверей. Молодой козёл тоже почувствовал себя в заповеднике в безопасности.

Вот сел он на солнцепёке и стал пережёвывать жвачку. Долго так сидел, даже шевелиться не хотелось. Только бородкой иногда встряхивал.

И стало ему наконец от безделья невыносимо скучно. А тут как раз проходили северные олени.

«А ну-ка попробую для начала обмануть этих бродяжек», — думает.

— Эй, вы, ветвисторогие! Видите вон ту избушку, в которой живёт егерь? Если хотите получить лакомый кусочек, вставайте в очередь.

Переглянулись между собой олени и расположились около избушки цепочкой — друг за дружкой.

«Ох, и ловко же я вас обманул! — усмехнулся козёл. — Ну, ждите себе на здоровье!»

Из-за кустов вышла кабарга.

— Чего это олени выжидают там? — спросила она.

— Егерь должен вынести подкормку, — небрежно ответил козёл.

— О, тогда и мне надо стать в очередь — встрепенулась кабарга и устремилась к избушке.

— Так там тебя и ждут! — засмеялся козёл, глядя ей в след. — Учить да учить вас надо, бестолковых.

И не сдержался, громко заблеял, довольный тем, что хитрость его удалась.

Мимо пробежали две козули. И они остановились. Козёл их тоже обманул.

Но когда около избушки егеря копытных собралось великое множество, козёл забеспокоился: «А вдруг егерь и в самом деле будет выдавать подкормку? Пока не поздно, надо разогнать их всех и стать первым в очереди!»

Козёл быстро вскочил на ноги и стал наносить с разбегу страшные удары рогами по собравшимся животным.

А когда место около избушки опустело, он лёг на землю и вновь принялся за свою жвачку.

Егерь и в самом деле раздавал в этот день подкормку, но только в другом месте, и не копытным, а соболям.

Так что козёл обманул и самого себя, не пошла впрок его хитрость.

В. Стародумов

Как баран дело себе нашёл

Известно, что не все бараны бывают смиренными, есть среди них и бодливые. Они всегда норовят кого-нибудь с ног сбить, ищут, с кем бы померяться силами, на ком бы прочность своих рогов испытать. Без этого они и жить не могут.

Отбился от отары один такой баран и пошёл по таёжной тропинке куда глаза глядят дело себе искать. И вот видит он: навстречу ему заяц скачет, а на глазах у него слёзы. Остановил баран зайца, спрашивает:

— Ты чего плачешь, серый?

— Да как же мне не плакать, — отвечает заяц. — Хозяин мой, лесной отшельник Варнак Бородатый, у которого я был на побегушках, выгнал меня.

— А за что?

— Да чересчур косо посмотрел на него.

— Эх ты, бедняга, — посочувствовал баран зайцу и пошёл дальше. А навстречу ему собака бредёт, понуриив голову.

— Ты, борзая, чего такая скучная?

— Поневоле заскучаешь, — сокрушённо ответила собака. — Мой хозяин Варнак Бородатый, добро которого я сторожила, выгнал меня.

— А за что?

— За дурость: там, где надо было лизнуть, я вздумала гавкнуть.

— Эх ты, бедняга, — посочувствовал собаке баран и пошёл дальше. А навстречу ему лошадь плетётся и хвостом паутов отгоняет. Заметил баран, что и у лошади вид невесёлый, спрашивает:

— Ты чего, каурая, голову повесила?

— Небось повесишь голову, — ответила лошадь обиженно. — Ведь хозяин мой Варнак Бородатый отпустил меня на все четыре стороны, не нужна ему стала.

— Значит, тоже выгнал?

— Выгнал.

— Ну, а тебя-то за что? — возмутился баран. — Я знаю, все лошади бывают работящими, безотказными, могут всю жизнь безропотно гнуть спину на хозяина. Ты ведь тоже такая?

— А как же!

— Почему же так получилось?

— А на моё место хозяину откуда-то осла прислали — молодого, горластого. У нас на Байкале таких сроду не водилось. Вот Варнак Бородатый и позарился на заморскую скотину. Тем более, что с ним была большая торба лопухов, на которых стояли рекомендательные каракули каких-то важных зверей. Они-то и расхвалили осла.

— А на самом деле?

Ходит слух, будто хозяин вскоре убедился, что от осла никого толку, а поправить дело уже не может, поздно хватился. И рад бы прогнать глупого, да не получается.

— Почему?

— Упрям осёл, не уходит. Его гонят, а он стоит на месте и ни в какую. Да ещё лягает хозяина.

— И хорошо делает, так ему и надо, — обрадовался баран. — Будет теперь знать, как надо ценить хороших работников. Ну, ступай своей дорогой... Да спасибо тебе, что сказала мне про осла...

Попрощался баран с лошастью, а сам и думает: «А что если мне побежать сейчас к Варнаку Бородатому? Кажется, я нашёл себе дело. Хоть я и баран, а уж осла-то как-нибудь вышибу. Пусть потом Варнак Бородатый сам всё делает, без помощников. Хватит издеваться над беззащитными!»

И побежал к старому лесному отшельнику.

Много ли, мало ли прошло времени, но с той поры в угодьях Варнака Бородатого и духу ослиного не стало. Но и лошадиным потом не пахнет, зато человеческим — далеко несёт. Это отдувается Варнак Бородатый..

В. Стародумов

О чем плакал зайчонок

Зайчонок Косик плакал безутешно, навзрыд.

Мать зайчонка не на шутку встревожилась, стала упрекать себя: зачем она купила для своего любимого Косика книжку «Заяц-работяга», выпущенную крупным издательством Баргузинской тайги, которым руководил Лось?

Когда зайчиха увидела на прилавках магазина «Ущелье Семи Волков» эту книжку, то долго колебалась: купить или не купить? Автором её был хорошо известный в Подлеморье волкодав Трезор, а вот обложка и рисунки отталкивали.

«Не напугать бы ребёнка.» — размышляла она.

Действительно, зайцы выглядели в книжке такими уродами-страшилищами, какие не водились, пожалуй, и во времена мезозоя. И всё-таки решилась — купила. И вот результат... Зайчонок Косик плакал. Плакал безутешно. Зайчиха старалась успокоить его:

— Ну не плачь, милый Косик. Скажи, что тебя беспокоит?

— Зайцы эти... — сквозь слёзы пожаловался Косик. — Разве они такие бывают. И где они живут?

— Нигде, — твёрдо сказала мама. — Они живут только в воображении этого художника. Давай прочитаем, кто нарисовал таких зайцев. Марал, — прочли они по слогам. — Ну вот, видишь, Марал взял и намарал, а мы с тобой расхлёбывай! Лучше-то марал, наверно, и не умеет рисовать. Хотя скидок на неумение, конечно, не надо делать. Если бы я была Лосем, я бы этого художника на выстрел не подпустила к издательству! Ведь сейчас, детка, мода пошла в изобразительном искусстве — показывать всё в искажённом, деформированном виде, со всевозможными нарушениями пропорций, перспективы и естества. Вот у них и получают вместо зайцев такие уродцы.

— Ну вот, — продолжал огорчаться Косик. — Эти маралы балуются, а мы, дети, расстраивайся из-за них, бойся... Мы-то, мама, причём? Надо, чтоб по правде было. Убери от меня эту книжку!

«А ведь Косик дело говорит, — уже в который раз подумала зайчиха.

— Пусть бы маралы иллюстрировали книжки для взрослых, их не напугаешь никакими рисунками, они зайками не станут, и не такие пилюли могут проглотить за здорово живёшь. А вот зайчат надо оберегать от художников-диверсантов.

Почему же художник Марал поступает наоборот? Не любит наших детей? Да только ли зайцев, он и всех животных рисует такими.» Вслух мама-зайчиха сказала:

Но ты не волнуйся, сынок! К настоящей красоте мы ещё вернёмся!

— Так ведь и сейчас такие художники, как Лебедь и Барсучиха, рисуют красиво, — сказал сквозь слёзы Косик и улыбнулся. — Вон как у них здорово получается!

— Да, Косик, ты правильно подметил, — повеселевшим голосом сказала зайчиха. — Кстати, — спохватилась она, — в «Ущелье Семи Волков» открылась выставка Барсучихи, дочери Глубинной Земли. Как же я забыла тебе об этом сказать? Из-за таких вот маралов совсем голову потеряла!

— Так пойдём же скорее на выставку, мама! — обрадовался Косик и вытер слёзы лапкой. — Хочу видеть всамделишное... А Марала этого... Я ему такое письмо напишу, что он неделю будет плакать, — пригрозил Косик.

И они бегом, как будто боялись опоздать, по известным только им тропинкам помчались к «Ущелью Семи Волков».

Ах, какая была чудесная, расположенная на большой поляне выставка! С планшетов глядели на посетителей милые и такие весёлые мордашки медвежат, бурундучков, белок, лосят, оленят, козлят, птичек. Вон резвятся в Байкале нерпята-кумутканы, стараются повыше подбросить маленький бочонок; а вот плавает у скал утка с выводком таких хорошеньких утят, что Косик даже поздоровался с ними! Возле лосёнка стоял особенно долго и вот чему удивлялся: летом видел этого лосёнка в заповеднике, а теперь он живёт на картинке! Вот повезло! Он дал себе слово до снега обязательно сходить в гости к Барсучихе. Пусть она его нарисует, и он тоже будет жить сразу в двух местах, как лосёнок!

Если бы не мама (домой надо было идти), Косик бы стоял и смотрел на всех, кого нарисовала Барсучиха, до самой темноты.

... Глухая тропинка привела зайчиху с Косиком к небольшой полянке, где по окружавшим её кедром были развешаны «шедевры» Марала. На его выставке совсем не было посетителей, и он прогуливался возле своих карикатур один.

Косик хотел пожалеть Марала, но тут же передумал: «Так ему и надо, пусть и завтра никто не придёт на его выставку! Будет знать, как издеваться над ребятами!»

— Пошли, мама, ну его. Я даже издалека боюсь смотреть на его картинки!

В. Стародумов

Бабушкины камешки

Жили-были в давние времена на берегу Байкала бабушка с внучкой Фросей. Бабушка собирала в тайге лекарственные травы, а Фросе и по дому хватало дел: надо убраться, сбегать к рыбакам за омулем и сварить обед, не забыть про собаку и кошку... Да мало ли ещё чего найдётся, что требует Фросиною внимания! У Фроси была одна забава: перебирать на отмели бабушкиной бухты чудесные разноцветные камешки. На них нельзя было наглядеться: горели они и переливались всеми цветами радуги и манили к себе, как могут манить только цветы.

Таких камешков нигде больше на всём побережье не было. Недаром бабушка считала эти камешки своим главным богатством и часто сама любовалась ими. Была у неё тайна, которую она долго скрывала от Фроси, пока та была маленькой.

—Фрося, эти камешки не простые, они сперва были посеяны в виде града снежной волшебницей Умагарой. Прежде чем превратить все градины в эти холодные, но прекрасные камешки, она предупредила: камешки будут радовать меня и всех людей своей красотой до тех пор, пока находится в заточении её враг — злой оборотень Хаббихор, который до этого превращался то в рыбу, то в птицу, то в зверя. А попадая в руки человека, надеясь на его жалость, всегда уходил от него. Зато человек становился «хаббихоровцем», то есть хапугой, хищником и грабителем. Под влиянием колдовских чар оборотня такой человек прибирал к своим рукам всё, чем богата наша природа, и ничего не оставлял другим. Бойся, внученька, Хаббихора!

Как-то на досуге, перебирая в руках бабушкины камешки, Фрося глянула на Байкал: плывёт, качаясь на волнах, стеклянная бутылка. Зарокотал прибор — и выкинул бутылку на берег. Известно, Байкал ничего лишнего не держит в себе. Представляете, какой он чистюля!

Подошла к бутылке Фрося, подняла её, а как пригляделась — обмерла: внутри метался и бился о стеклянные стенки маленький пушистый птенчик. Она, конечно, не могла не проникнуться жалостью к беззащитному, попавшему в беду птенчику и, забыв обо всём на свете, открыла бутылку... Птенчик, у которого вдруг выросли крылья, вырвался на волю и улетел.

Вернулась бабушка из тайги с лекарственными травами, и Фрося рассказала ей о случившемся.

—Что ты наделала, милая Фросенька! — опечалилась бабушка. — Ты же выпустила на волю Хаббихора! Это был он! Вот как наша необдуманная, излишняя жалость оборачивается иногда во вред нам самим! Надо быть, деточка, не только отзывчивой, но и осторожной, предусмотрительной.

Фрося и сама опечалилась от бабушкиных слов, но поправить дело было уже нельзя.

Прошло время — не стало в живых ни бабушки, ни Фроси.

Исчезли в бухте и чудесные разноцветные камешки — их растащили, вынесли в рюкзаках туристы из «хаббихоровцев».

А сам Хаббихор продолжает строить свои козни, каждый раз превращаясь в какое-нибудь существо. И пока снежная волшебница Умагара не ухитрится обезвредить Хаббихора, в тайге и на море будут хозяйничать «хаббихоровцы».

Конечно, настанет такое время, когда навсегда исчезнут и Хаббихор, и те, кто на него похожи, но сейчас их ещё очень много. Вы, ребята, хорошенько приглядывайтесь к ним, чтобы они и вас не обманули.

В. Стародумов
Кость раздора

Не так давно, а можно сказать, что и давненько, на окраине порта Байкал, напротив посёлка Лиственничного, жили-были в своих избушках две дружные

молодые семьи. В одной из них родилась девочка, в другой — мальчик. Девочку назвали Стешей, мальчика — Ерёмой. Счастливые родители были в восторге от своих первенцев: малюткам не было и полгода, а они уже хорошо говорили. А ещё через полгода между ними завязалась дружба — водой не разольёшь!

В ту пору здесь свирепствовали две волчьих стаи. От них в тайге никому житья не было. Знали об этом родители малышей и предупреждали их:

— Далеко в тайгу не ходите, играйте около дома.

Однажды Стеша с Ерёмой не послушались, поднялись на гору и углубились в тайгу. И тут их окружили волки. Сжалились они над малышами, не стали их есть, а один из них и говорит:

— Отведём-ка мы вас к нашим вожакам, может, вы им тоже приглянетесь.

Перепуганные Ерёма и Стеша послушно следовали за волками, ведь ничего другого им не оставалось.

Так они дошли до места, где у входа в логовище играли в кости вожаки волчьих стай. Завидев малышей, волки прекратили игру.

Кто такие? — закричал первый вожак. Выслушав объяснение волка-сопроводителя, повернулся ко второму вожаку. — Ну что ж, давай по-дружески поделим малышей: я возьму себе мальчика, а ты — девочку. И, пожалуйста, не возражай.

— Да ладно уж, не буду...

— Вот и начнём их воспитывать в нашем духе... Так для Стеши и Ерёмы началась новая жизнь.

Жили волчьи стаи поблизости, так что малыши могли часто видаться, но только под присмотром бдительных волков.

Как-то забравшись на высокий кедр, чтоб волки не подслушивали, Стеша и Ерёма стали горько жаловаться на свою судьбу.

— Нет нам с тобой удачи, Ерёма, — печально говорила Стеша. — Бедные мы бедные, и пожалеть нас некому.

А дома небось мама печёт сейчас пироги с черёмухой или со щавелем...

— А моя мама умеет готовить хариусов, — вздохнул Ерёма. — Ты не представляешь, как мне хочется покушать хариусов!

— Да и я бы с удовольствием поела их! Но где там... Видно, нам не увидеть больше ни маму, ни папу, ни дома нашего...

И малыши заплакали.

И тут из дупла кедра раздался голос:

— Не отчаивайтесь, дети! В этом дупле вы найдёте кость, от которой исходит такой аппетитный запах, перед ним не сможет устоять даже самый сытый волк. Кость эта волшебная. Возьмите её, дождитесь, когда взойдёт луна, и спускайтесь вниз. Волки — поклонники луны, и, когда она появляется на небе, серые собираются в стаю и хором воздают ей хвалу. Соберутся они и на этот раз. Когда волки отвоюют, киньте кость вожакам. Ну а в чём будет состоять ваше спасение — сами догадаетесь.

Дождались пленники восхода луны, спустились с кедра, стали в сторонку, смотря, как волки сели полукругом, подняли головы, вдруг враз завыли — до жути

протяжно и страшно. Повыли-повыли, наконец, смолкли. Стеша с Ерёмой подошли к вожакам, кинули им кость.

Что тут началось! Один вожак мгновенно схватил кость, а второй тут же отнял её, но кость выскользнула из пасти волка и полетела вниз, под гору. Вожаки кинулись догонять её. За ними, опьянённые заманчивым запахом необычной кости, бросились остальные волки.

Не остались на месте и волки-стражники.

Кость переходила от одного волка к другому, но всякий раз вырывалась и катилась дальше, пока снова не попадала в очередную пасть. И весь этот мятущийся и рычащий клубок удалялся от Стешы с Ерёмой с удивительной скоростью. И вот уже волков не видно и не слышно.

— Мы остались одни! — обрадовалась Стеша. — Теперь добежать бы скорее до дома!

— А кто нам укажет дорогу? — опечалился Ерёма.

— Мы, — сказали светлячки, вылетевшие из дупла того же кедра, на котором только что сидели Стеша с Ерёмой.

С помощью светлячков пленники волчьих стай добрались ночью до берега Байкала. Здесь Стешу с Ерёмой встретил старик рыбак и на своей лодке доставил ребятишек домой. Их родители на радостях устроили такой пир, какого и в кино ещё не показывали! Был и я на том веселье, вместе ели, я — поскольку телом худ — ел из омуля уху, пирогов отведал с чаем и, нисколько не скучая, перейдя уже на квас, сказку рассказал для вас.

В. Стародумов

Аяйка

Много на море нашем славном укромных, живописнейших бухт, от вида которых невозможно глаз отвести. Если человек хоть один раз побывает на Байкале, то накрепко прикипит к нему сердцем, а то и навсегда останется на его чудесных, изумительных берегах.

В одну из таких бухт как-то занесло большую рыбацкую мореходку. И когда рыбаки высадились на берег, маленькая дочка башлыка — старшего артели — воскликнула от восторга:

— Ая-яй, как здесь красиво! Как красиво!

— Верно, дочка, — согласились рыбаки. — Другой такой красоты на всём белом свете не сыщешь! Никакими словами про такое чудо не расскажешь!

Не нашлось слов и у дочки башлыка, весь день от неё только и слышно было:

— Ая-яй! Ая-яй!..

Рыбаки в этот день даже забыли имя девочки и стали звать её Аяйкой. Саму же бухту назвали Аяя.

Надо сказать, башлык был вдовый и дочку свою на омулёвый лов всегда брал с собой. Она не только привыкла к плаваниям, но даже полюбила их. Так и не расставались отец с дочкой.

Вот остановились рыбаки в бухте Аяя на привал и стали готовить обед.

Аяйка пошла в лес цветов набрать и ягодами полакомиться. И тут загородил ей дорогу на полянке какой-то вроде бы человек, но больно уж уродливый: ростом мал, будто кто надвое сломал; руки большущие, сказать прямо, загребущие; глаза тоже большущие, гадать не надо, завидующие; нос — так куда-то его и клонит, рот — бездонный, разинет — насквозь всё видать!

— Ой, кто ты? — опешила Аяйка, но совсем не испугалась, хотя в руках уродец держал топор.

— Я — Буга-Хапуга-Ух-Ты, хозяин этой бухты, как хочу, так и ворочу, никого не признаю! Всё это моё! А ты чего здесь шляешься?

— Цветы собираю, ягоды ищу...

— Меня хочешь опередить? — вытаращил свои глазищи Буга-Хапуга.

— Об этом я и думать не думала. Всем лесного добра хватит — и мне, и тебе, а также.

— До других мне дела нет, — грубо оборвал Аяйку Буга-Хапуга. — Была нужда — печалиться о других. Я никому ничего не должен!

— Лесного добра хватит всем животным, птицам, — невозмутимо продолжала Аяйка. — А иначе будет совсем неинтересно. Разве не так?

— Этого ещё недоставало, чтобы всякие твари переходили мне дорогу! И ты — тоже. А ну, посторонись, сейчас буду рубить кедр, надо шишек кедровых набрать...

Только сейчас заметила Аяйка стройного, зелёного красавца и возмутилась:

— Зачем же его рубить? Разве нельзя бить шишки колотом?

— Буду ещё с тяжёлым колотом таскаться. Топор — легче! — И Буга-Хапуга противно засмеялся.

Аяйка пыталась как-нибудь спасти кедр-красавца.

— Да на этом кедре почему-то мало шишек, штук пять всего!

— Зато большие, — как будто издевался Буга-Хапуга.

— Неужели тебе его не жалко? Так всё вырубешь и ничего не останется!

Буга-Хапуга был неумолим.

— На мой век кедров в тайге хватит! А после меня хоть провал.

«Ох, и жадюга же ты, ох, и бессовестный!» — подумала про себя Аяйка, а вслух сказала, качая головой:

— Ая-яй, как это некрасиво! Как некрасиво! Ая-яй...

— Ну, зааяйкала тут, слушать тошно, — вроде как устыдился Буга-Хапуга. — Больно ты жалостливая. Их, кедров-то, гляди, сколько вокруг! Хотя и век-то мой — ого-го, не то, что ваш!

— Долгий, что ли?

— А как ты думала! Мне ещё жить, почитай, не одну сотню лет, за это я ручаюсь, потому как первым беру от тайги всё для того, чтобы продлить свою жизнь.

«Это же надо, какая жадюга, — с ещё большим возмущением подумала Аяйка, — и тут старается нахватать себе годков наперёд!»

Буга-Хапуга не стал больше разговаривать и принялся подрубать кедр.

Больно было смотреть на это Аяйке, но что она могла поделать с хищником?

Когда подрубленный кедр затрещал, под ноги Буге-Хапуге бросился с дерева бурундучок. Буга от неожиданности поскользнулся на брусничнике — и тут его придавило.

Кедр, погибая, сумел наказать своего погубителя.

Бурундучка с Аяйкой он даже не задел своими длинными, усыпанными крупными шишками ветвями.

обрадованная мать прежде всего расцеловала дочку, похвалила за дягиль и марьины коренья, которые помогут ей выздороветь. О том, что мама крепко собой разумеется

В. Стародумов

Нил - скипидарчик

Живёт и сейчас в Баргузинской долине охотник Нил, по прозвищу Скипидарчик. Прозвище это он оправдывал полностью: проворнее его, будто и в самом деле наскипи-\ даренного, среди здешних охотников никого не было. Он всё делал бегом, на ходу, в рассуждениях был расчётлив и смекалист.

Однажды (дело было зимой) к нему направили одного приезжего из города, важного на вид какого-то чина. Явился он к Нилу в зимовье в полном охотничьем снаряжении.

— Слышал я, что ты — искусный медвежатник, — начал горожанин, прикидываясь коренным сибиряком. — Так не наведёшь ли ты меня, паря, на медвежью берлогу?

Нил оглядел горожанина с ног до головы, спросил:

— А бегать можешь быстро? Горожанин обиделся:

— Смеяться изволишь, паря. У меня хорошее ружьё, и на охоте я не показываю зверю спину. Но если уж говорить о беге, то отвечу: я перворазрядник. Устраивает?

— Вполне.

В тайге Нил показал берлогу. Горожанин встал с ружьём наготове. Наступила торжественная минута: Нил перекрестился и быстро так сунул в отдушину берлоги заострённую длинную жердь и — дуй не стой от опасного места. Из берлоги раздался приглушённый рёв потревоженного зверя. Растерявшийся горожанин при виде улепётывавшего Нила и сам немедленно кинулся за ним, не дожидаясь, когда медведь выскочит из берлоги.

Первое время охотники бежали без оглядки, а когда всё же оглянулись, то увидели: за ними гнался огромный бурый медведь.

— Ах, мать честная!

Поднажали оба. Бегут. Бежит и медведь.

— Ведь сожрёт, окаянный, — простонал горожанин. — Он нас сейчас догонит.

— Ты лучше надейся на свой первый разряд, — напомнил Нил и прибавил ходу. Расстояние между Нилом и горожанином стало увеличиваться.

Бежит и медведь за ними, и, конечно, первым попадётся ему в лапы горожанин.

Грянул выстрел. Нил остановился. Огляделся, лицо его исказилось. Он с ненавистью поглядел на горожанина, в руках которого дымилось ружьё, а в отдалении лежал убитый медведь.

— Что ты наделал?! — вне себя от ярости закричал Нил на горожанина. — Я спрашиваю тебя: что ты наделал?!

— Как «что»? — в свою очередь вспылил горожанин. — Не видишь, что ли, — убил медведя! Он же настигал нас!

— Тьфу!!! — в сердцах сплюнул Нил. — Ведь до зимовья ещё пять километров! Что мы теперь на себе будем тащить этого медведя?!

В. Стародумов

Дед Тяпа и веники банные

— На острове Ольхон, в рыбацком селении Харанцы, жил не тужил дед-бобыль по прозвищу Тяпа. Его дряхлая избушка и такая же дряхлая банька стояли на самом берегу Малого моря. О баньке стоит сказать особо: она доставляла Тяпе единственное удовольствие в жизни! Уж больно любил он бывать в ней, чтобы понежить свои старческие кости. Стояла зима. В один из субботних дней Тяпа, как обычно, затопил баньку. Из-под кровли своей избушки достал последний веник из старого запаса — позапрошлогодний. Будучи прижимистым, он решил до конца использовать старые веники, чтобы новых пока не касаться. Новый же запас состоял из берёзовых веников, собранных с ветвей большой и пышной берёзы. Тяпа срубил её, чтобы не тратить время на обход березняка, а вязать веники, не сходя с места.

— Войдя в жарко натопленную баньку, он разделся, плеснул на каменку два ковша воды, забрался на полоч, откуда вскоре послышалось громкое побряхтывание, — это пошёл в ход старый берёзовый веник!

— Распаренный и красный, как спелый парниковый помидор, выскочил он из баньки, чтобы, по сибирскому обычаю, повалиться на снег. Ветры на Ольхоне то и дело сдувают снег, и Тяпе пришлось распластаться на льду Байкала и вволю поворочаться на нём!

— Отведя душу, Тяпа кинулся назад к баньке, но, что это? Дверь оказалась запертой. Испугался дед.

— Кто там?! — закричал он, с силой барабанив в дверь.

— Да это я — веник. — послышался за дверью слабый голос.

— Удивился Тяпа такому чуду: виданное ли дело, чтоб веники разговаривали! Но размышлять об этом некогда было — донимал мороз: тело покрылось гусиной кожей.

— Так пусти же меня, ведь замерзаю я! — взмолился Тяпа.

— Пустил бы, да боюсь: ты опять возьмёшься за своё!

— На то ты и веник! — вырвалось у Тяпы, но он тут же замаял свои слова вопросом: — А чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты не трогал меня, — слабо заговорил веник. — Силы мои иссякают. От меня отваливаются последние листья, я погибаю.

Не торопись погибать! — забеспокоился Тяпа. — Пусти меня сначала

— А ты обещаешь не тревожить больше меня? -Обещаю.

Дверь баньки открылась, и Тяпа, ступив на порог, увидел на полу пучок прутьев и несколько берёзовых листьев на них. Это было всё, что осталось от веника.

Тяпа отогрелся и пошёл за новым веником.

Вернулся, опасливо поглядывая на свежий веник.

— Только бы не заговорил и этот, — пробормотал Тяпа.

Нет, вроде молчит веник. Прислушался, немного помедлил Тяпа, а потом — была не была! — плеснул на раскалённые камни полный ковшик и, подхваченный паром, взлетел на полок. И тут случилось новое чудо: вырвался веник из рук Тяпы и ну хлестать его по чему попало, да так больно, что Тяпа вскричал:

— Постой, чего это ты разъярился так?! Тоже мне, второй недовольный объявился... Остановись, непутёвый! С ума сошёл, что ли?

А веник спокойно отвечает:

— Поделом тебе! Поделом.

И, перевернувшись, как хватит Тяпу по спине и немного ниже концами прутьев — аж треск разнёсся по бане.

— Ой, больно!!! — завопил Тяпа.

— Ещё больней будет! — пообещал веник.

— Да чем же я провинился перед тобой, скажи? — захныкал Тяпа.

— Вина твоя в том, что ты погубил мать-берёзу, — ответил веник. — Виноват ты и перед людьми, и перед самой природой, которых ты обокрал, навредил им. Понял теперь?

— Ох, понял. Виноват.

— Вот и получай по заслугам, — сказал веник и ещё ожесточённее принялся наносить удары по вредному старику, а тот — извиваться от боли и вопить.

Раскалённые камни остыли, похолодало в баньке, когда веник, оставив стонущего Тяпу, выбежал наружу и отправился в березняк. Там он остановился возле одного пня и с грустью сказал:

— Вот я и вернулся к тебе, мама. Я наказал вредного старика, и теперь нас ничто не разлучит.

С этими словами веник прильнул к пню, как будто сросся с ним.

Сказывают люди, да я и сам потом видел, как от корней этого пня поднялись молодые побеги. Через годы они превратились в стройные берёзки, похожие на срубленную.

А что было с Тяпой дальше, нам неизвестно, убыл куда-то.

Бурятские сказки

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

— Надо за водой сходить, — вздохнула бабушка и отправилась к колодцу. Внучка тоже взяла свои маленькие ведерки и поспешила вслед за бабушкой.

— Куда вы, куда вы без меня?! — закудахтала курица-хохлатка и, подхватив ведерки величиной с чашку, побежала вслед за внучкой.

— Всем хочется пить, пить, пить! — запищала мышка и, подхватив свои ведерки величиной с наперсток, кинулась догонять курицу.

Набрали они воды из колодца и потянулись гуськом к дому. Впереди идет бабушка, несет большие ведра, полные воды. Вслед за ней шагает внучка, несет ведра поменьше. Не отстает от внучки курица-хохлатка, несет ведра величиной с чашку. Вслед за курицей семенит мышка, несет ведра величиной с наперсток, полные до краев студеной воды.

Стали они проходить мимо сосны, под которой задремал притомившийся заяц. И надо же такому случиться, что — не позже, не раньше — сорвалась с ветки сосновая шишка и щелкнула зайца по носу. Перепугался заяц, бросился бежать, но спросонья не заметил идущих по тропинке и ткнулся в ноги бабушке. Вскрикнула бабушка, выронила ведра. Еще больше перепугался заяц, прыгнул что есть сил и сбил с ног внучку. Упала внучка, пролила воду. Покатился заяц кубарем, налетел на курицу. Загремели ведра величиной с чашку, закудахтала хохлатка, забила крыльями. Глядя на это, бросила мышка свои ведерки величиной с наперсток и затаилась под ближайшим лопухом.

А заяц припустил в сторону леса, только его и видели.

«Если б я растерялась, то задрал бы меня этот медведь», — подумала бабушка.

«Если б не моя ловкость, то не спаслись бы мне от этого волка», — подумала внучка.

«Только удача спасла меня от хищной лисы», — подумала курица.

«Только находчивость избавила меня от кошачьих когтей», — подумала мышка, выбираясь из-под лопуха.

А заяц забился в густой ельник и долго думал о том, как гоняли его под высокой сосной да на узкой тропе злые охотники, как кричали они, как гремело кругом. «Чудом жив остался», — решил заяц.

У СТАРОСТИ — МУДРОСТЬ

В старые, давние годы жил, рассказывают, хан Санад.

Однажды со всем своим народом решил он перейти в другие земли, где и места для жизни были удобнее, и пастбища обширнее. Но путь до этих земель был долгий и тяжелый.

Перед самым переходом хан Санад приказал убить всех стариков.

— Старики будут мешать нам в пути! — сказал хан. — Ни одного старика не должно быть с нами, ни одного старика не должно остаться в живых! Кто не выполнит этого моего приказа, будет жестоко наказан!

Как ни тяжело было людям, пришлось им все же выполнить жестокий ханский приказ. Все они боялись хана и ни в чем не смели его ослушаться.

Только один из подданных хана Санада, молодой Цырен, не стал убивать своего старого отца.

Сговорился он с отцом, что спрячет его в большой кожаный мешок и так, тайно от хана и всех других, перевезет на новые места. А там — что будет, то и будет...

Поднялся хан Санад со своим народом и со своими стадами, отправился с юга на север — в далекие земли. А вместе со всеми в большом кожаном мешке, переброшенном через спину лошади, ехал и старый отец Цырена.

Тайком от всех Цырен кормил и поил отца, а на привалах, когда было совсем темно, развязывал мешок и выпускал старика, чтобы он мог отдохнуть, расправить затекшие руки и ноги.

Так они шли долго и подошли к большому морю. Здесь хан Санад приказал остановиться на ночлег.

Один из приближенных хана подошел к самому берегу моря и заметил, что на морском дне что-то блестит и светится. Пригляделся он и увидел, что это большая золотая чаша удивительной формы. Приближенный немедля отправился к хану и доложил ему, что на дне моря, возле самого берега, лежит драгоценная золотая чаша.

Хан Санад, не раздумывая, приказал сейчас же достать ему эту чашу. Но никто по своей воле не решался нырнуть на дно моря.

Тогда хан приказал нырять за чашей по жребию.

Выпал жребий одному из людей хана. Нырнул он, а обратно не вынырнул.

Выпал жребий другому. Кинулся он с высокого обрывистого берега вниз, да так навсегда и остался в морской пучине...

Так погибло на дне моря много людей хана Санада.

Но безжалостный хан и не думал отказаться от своей затеи. По его приказу ныряли в море и погибали там один за другим его покорные подданные.

Наконец выпал жребий нырять за чашей и молодому Цырену.

Пришел он к тому месту, где спрятал своего отца, и стал с ним прощаться.

— Отец, — сказал Цырен, — прощай! Погибнем оба мы — и я и ты...

— Что такое случилось? Почему ты должен погибнуть? — спросил старик.

Цырен рассказал отцу, что по жребию должен он нырнуть в морскую пучину за чашей.

— А оттуда еще никто не возвращался, — закончил он свой рассказ. — И вот я погибну по ханскому велению в море, а тебя найдут здесь и убьют слуги хана...

Выслушал это старик и сказал:

— Эх вы! Так вы все утонете в море, а золотую чашу все равно не достанете. Ведь чаша эта лежит не на дне моря! Видишь ты вон ту гору, которая высится неподалеку от моря? Вот на вершине этой горы и стоит золотая чаша. То, что вы принимаете за чашу, — только ее отражение. Как вы все не догадались об этом?

— Что же мне делать? — спросил Цырен.

— Поднимись на гору, найди чашу и принеси ее хану. Найти ее на горе нетрудно: по блеску чашу можно заметить издалека. Но, может быть, чаша стоит на такой неприступной скале, на которую ты не можешь взобраться. Тогда сделай вот что: дождись, пока на скале появятся козули, и пугни их. Козули бросятся бежать и столкнут чашу. Не теряй тогда времени — хватай ее, не то она может упасть в глубокое темное ущелье!

Цырен сейчас же отправился к горе.

Нелегко ему было взобраться на вершину горы. Цеплялся он за кусты, за деревья, за острые камни, исцарапал в кровь лицо и руки, изодрал одежду. Наконец он поднялся почти на самую вершину и увидел, что на высокой, неприступной скале сияет красивая золотая чаша.

Видит Цырен, что на скалу ему ни за что не взобраться. Тогда он, по совету отца, стал поджидать, когда на скале появятся козули.

Ждать ему пришлось недолго: на скале появилось несколько козуль. Они спокойно стояли и смотрели вниз. Цырен крикнул что было силы. Козули стали в испуге метаться по скале и столкнули золотую чашу. Чаша покатилась вниз, и Цырен ловко подхватил ее.

Веселый и довольный, с чашей в руках, спустился он с горы, пришел к хану Санаду и поставил перед ним чашу.

Хан спросил его:

— Как ты достал эту чашу из моря?

— Я достал ее не из моря, — ответил Цырен. — Я принес ее с вершины вон той горы. В море было только отражение этой чаши.

— Кто же тебе сказал об этом?

— Сам догадался, — ответил Цырен.

Хан больше ни о чем не стал расспрашивать и отпустил его.

На другой день хан Санад со своим народом двинулся дальше.

Долго они шли и дошли до широкой пустынной земли. Солнце раскалило землю, выжгло всю траву, кругом не было ни реки, ни ручья. Люди и скот стали томиться от сильной жажды. Посланные ханом на поиски воды скакали во все стороны, но найти воду не могли — всюду была сухая, раскаленная земля. Ужас охватил людей. Они не знали, как им быть и что делать...

Тогда Цырен тайком пробрался к отцу и спросил его:

— Отец, скажи, что нам делать? Ведь народ и скот гибнут без воды!

Старик сказал:

— Отпустите трехгодовалую корову и проследите за ней. Где она остановится и будет нюхать землю, там копайте.

Цырен побежал и отпустил трехгодовалую корову. Корова низко опустила голову и стала бродить с места на место. Наконец она остановилась и стала шумно нюхать горячую землю.

— Копайте здесь! — сказал Цырен.

Люди принялись копать и скоро докопались до большого подземного источника. Хлынула холодная, чистая вода и потекла по земле. Напились все вволю, повеселели, ободрились.

Хан Санад призвал к себе Цырена и спросил его:

— Как ты мог найти подземный источник в этом засушливом месте?

Цырен сказал:

— Я нашел его по приметам...

Напились, отдохнули люди и отправились дальше.

Много дней шли они и остановились на привал. Ночью неожиданно пошел сильный дождь и залил огонь. Продрогшие, мокрые, они не знали, что им делать.

Наконец кто-то заметил на вершине далекой горы огонек костра.

Хан Санад дал приказ сейчас же отправиться на гору и принести огонь.

Люди бросились выполнять приказ хана. И один, и другой, и третий отправлялись на гору. Все они находили костер под густой елью и охотника, который грелся у этого костра. Все они брали горящую головню, но донести ее до своей стоянки не могли — головня под дождем гасла.

Разгневался хан Санад и приказал казнить всех, кто ходил за огнем и не донес его.

Пришел черед идти за огнем и Цырену.

Пробрался он к своему отцу и спросил:

— Как тут быть? Как донести огонь с горы до стоянки?

Старик сказал:

— Не бери горящие головни — они все равно погаснут по дороге, или истлеют, или дождь их зальет. Возьми с собой большой горшок, набери в него побольше углей и принесешь огонь на стоянку!

Цырен сделал так, как научил его отец. Принес он с горы полный горшок горячих углей. Люди развели костры, обсохли, обогрелись, приготовили пищу.

Узнал хан, кто принес огонь, и приказал Цырену явиться к нему.

Когда Цырен пришел, хан Санад стал сердито кричать на него:

— Что же ты: знал, как донести огонь, и молчал до сих пор? Почему ты не сразу сказал, как надо донести огонь?

— Я и сам не знал... — ответил Цырен.

— А как же ты узнал потом? — стал допытываться хан.

И он так долго и настойчиво допытывался, что Цырен наконец сознался, что все приказания хана он смог выполнить только благодаря советам своего старика отца.

— Где же твой отец? — спросил хан. Цырен сказал:

— Всю дорогу я вез его в большом кожаном мешке.

Тогда хан приказал привести старика и сказал ему:

— Я отменяю свой приказ. Старики — не помеха молодым. У старости — мудрость. Можешь не прятаться и ехать открыто вместе со всеми!

КОТ, КОЗЕЛ И БАРАН

В прежние времена жил одинокий человек по имени Паглай. Имел он быстрого коня с пежиной на лбу, бодливого барана, бородатого козла и кота-мышелова.

Однажды Паглай оседлал своего коня и поехал в гости к дядюшке, а кота дома оставил стеречь жирное стегно.

Домовничает кот, стережет богатство Паглая. Минул один день, за ним другой... Подойдет кот к жирному стегну, обнюхает его и ложится спать. На третий день стало коту невмоготу, накинулся он на стегно и к вечеру все мясо съел.

Вернулся Паглай, накормил коня, барана да козла, зашел в дом, и захотелось ему сварить мяса. Хвать — а стегна-то и след простыл, даже для мышки не нашлось бы и крошки. Рассердился Паглай и давай ругать кота. Ощетинился кот, поднял хвост трубой, пререкаться да огрызаться начал. Слова не дает сказать хозяину. Не стерпел Паглай такой дерзости, схватил ремень и отстегал кота как следует, а потом схватил его за уши и выкинул на улицу.

Скатившись с крыльца, прибежал кот в сарай и начал уговаривать бородатого козла и бодливого барана:

— Съел я сегодня целое стегно. Не осталось теперь у Паглая ни кусочка мяса, а значит, не позже завтрашнего утра зарежет он одного из вас. Лучше убежать в лес, чем дожидаться своей смерти.

Сговорились кот, козел да баран, перескочили через забор и убежали в лес. К полуночи забрались они в самую чащу и стали валежник для костра собирать. Собрали хворост, а разжечь-то нечем. Нашел кот сухую бересту и говорит бородатому козлу да бодливому барану:

— Я буду держать бересту, а вы разбежитесь и стукнитесь сквозь нее своими рогами так, чтобы искры посыпались.

Разбежались козел да баран, стукнулись лбами, посыпались искры из рогов — и вспыхнула береста. Разожгли беглецы костер и расположились вокруг него на ночлег.

Вдруг затрещал кедровник, и вышел на свет костра медведь.

— Это кто здесь хозяйничает? — говорит.

Кот с перепугу на дерево вскарабкался, козел с бараном за валежником затаились. А медведь увидел кота и говорит:

— Здравствуй, сын кошки!

— Здравствуй, хозяин тайги, — отвечает кот.

— По каким делам вы здесь? — спрашивает медведь.

— По тайге рыщем, тебя ищем, — отвечает кот. — Мой брат решил помериться с тобой силою.

— Хотел бы я взглянуть на твоего брата! — рассмеялся медведь.

— А ну-ка, брат козел, покажись! — крикнул кот.

И в этот же миг выскочил из-за кучи валежника бородатый козел. Увидел его медведь, перепугался и спрашивает у кота:

— Что это торчит на голове твоего брата?

— Это то, на чем сушат шкуры убитых медведей, — отвечает тот.

— А что болтается под его подбородком?

— Это то, чем мой брат вытирает губы, когда медвежатины поест, — снова отвечает кот.

Еще пуще прежнего перепугался медведь, хотел было удрать, но наткнулся в темноте на барана. Не стерпел бодливый баран, ткнул медведя своими рогами прямо под сердце, и упал хозяин тайги замертво.

Оставил кот козла да барана сторожить добычу, а сам отправился домой и рассказал обо всем Паглаю. Запряг Паглай своего коня с пежиной на лбу, привез домой медведя, освежевал его. Мясом запасся на целую зиму, говорят. А из медвежьей шкуры теплую доху сшил.

ВОЛК - ПРОСТОФИЛЯ

Однажды голодный волк в поисках пищи брёл по дороге и, увидев пасущуюся на лугу лошадь, сказал ей:

— Лошадь, я тебя съем.

— Ну что ж, ешь, — сказала лошадь. — Только прежде прочти, что у меня на копыте написано.

Стал волк рассматривать, что написано у лошади на копыте. А лошадь как лягнёт его копытом по голове — так наш волк по траве и покатился.

А лошадь тем временем и скрылась.

Очнулся волк, побрёл дальше и охает:

— Никогда я не был грамотеем. И какой шайтан угораздил меня читать, что на копыте написано?

Вот идёт волк и встречает собаку охотника.

— Собака, я тебя съем, — говорит он.

— Хорошо, съешь, — отвечает собака. — Только помоги мне сначала из кустарника принесённую добычу достать: я сама-то уж стара стала — плохо вижу.

— Хорошо, — соглашается волк.

Собака повела волка в чащу кустарника, где её хозяином-охотником был запрятан капкан, а возле него брошена приманка — кусок старой говядины.

— Вот здесь, поищи в кустах, — говорит собака.

Полез волк сдуру в кусты за мясом да и попал ногою в капкан. А собака что есть духу помчалась поскорее домой, чтобы привести с собой хозяина-охотника.

Тут только понял волк, в какую беду он попал; перегрыз себе лапу да на трёх ногах насилу убежал в своё логово, дорогой ругая себя на чём свет стоит:

— Дурень я, дурень. И зачем собаку послушал?

Вот прошло некоторое время. Снова волк проголодался и пошёл отыскивать себе пищу. Бродил он вокруг деревни и увидел: на околице у амбара свиньи роются. Подошёл к ним волк и говорит:

— Свиньи, я вас съем.

— Коли хочешь, ешь, — отвечают свиньи. — Только сначала послушай, как мы песни поём.

— Ну что ж, пойте, а я послушаю, — соглашается волк.

Свиньи стали кружиться вокруг изгороди и подняли такой оглушительный визг, что прибежали люди с палками и, увидев волка, принялись бить его.

Насилу волк вырвался и еле ноги уволок.

Убегая, он снова принялся ругать себя за оплошность.

— И поделом, — говорит он, — мне, дураку серому. Только больше я уж ничьих слов слушаться не буду и первого, кто мне попадётся, живьём съем.

И попадается ему навстречу человек — из лесу дрова везёт.

— Ну, теперь-то я тебя съем! — говорит волк. И уж совсем норовит на человека броситься.

— Ну, что же, ешь, я готов, — говорит человек. — Только тебе на земле меня съесть неудобно: слышат мои собаки, прибегут, отнимать меня будут. Ведь так?

— Так, — отвечает волк.

— Ну вот. А чтоб никто тебе не мешал, залезем оба на дерево. Там ты и съешь меня.

— Хорошо, — соглашается волк.

Человек быстро взобрался на дерево и кричит волку:

— Полезай и ты!

— Не могу взобраться, — отвечает волк. — Когти не берут.

А человек это и без того знал.

— Ну хорошо, — отвечает он. — Вот я брошу тебе сверху верёвку, ты просунь в неё голову, и я тебя затащу наверх.

Сделал человек на конце верёвки петлю и бросил её волку. Волк живо просунул голову в петлю и кричит человеку:

— Тяни!

Соскочил человек с дерева, ухватился за конец верёвки да и потянул волка вверх. Петля туго стянула шею волка, — тут ему и смерть пришла.

ДВА БАРАНА И ЛИСА

Повздорили однажды два барана и начали бодаться. Увидела их пробежавшая мимо лиса, остановилась.

«Если эти двое не успокоятся, то поубивают друг друга. А значит, будет мне мясо на обед.», — подумала лиса и присела на обочине дороги. Сидит, ждёт. Долго ждала, наконец не вытерпела.

«Сбегаю, — думает, — посмотрю, что они там не поделили». Подбежала поближе и увидела, как из пораненных бараньих рогов капает кровь на землю.

— А ведь здесь уже сейчас можно полакомиться! — обрадовалась лиса. И когда бараны разошлись на несколько шагов, чтобы с разбега ударить друг друга рогами, лиса успела подбежать и слизать свежую кровь с травы. Словчила лиса один раз, словчила в другой. А в третий раз не успела отскочить в сторону, схлестнулись бараньи рога и в лепешку раздавили лису. Так она бесславно и окончила свой век.

КАК ПЕРЕВЕЛИСЬ В СИБИРИ ЛЬВЫ

В давние-давние времена жили львы в Сибири. Были они косматые, обросшие длинной шерстью и не боялись морозов.

Однажды встретил лев волка:

— Куда бежишь как сумасшедший?

— От смерти спасаюсь!

— Кто ж тебя напугал?

— Громкочихающий. Он раз чихнул — убил моего брата, во второй — сестру, в третий — ногу мне перебил. Видишь, хромаю.

Лев зарычал — горы задрожали, небо заплакало.

— Где этот громкочихающий? Я его в куски разорву! Голову брошу за дальнюю гору, ноги — на все четыре стороны!

— Что ты! Он и тебя не пощадит, убегай!

Схватил лев волка за горло:

— Покажи мне громкочихающего, иначе задушу!

Пошли они. Встречают мальчика пастушонка.

— Этот? — злобно спрашивает лев.

— Нет, этот ещё не дорос.

Пришли они в степь. Стоит на холме дряхлый старик, пасёт стадо.

— Этот? — оскалил зубы лев.

— Нет, этот перерос.

Идут дальше. Навстречу им скачет на быстром коне охотник, за плечами у него ружьё. Лев и спросить волка не успел — охотник вскинул ружьё и выстрелил. Загорелась на льве его длинная шерсть. Бросился он бежать, за ним — волк. Остановились в тёмном овраге. Лев по земле катается, бешено рычит.

Волк его спрашивает:

— Сильно он чихает?

— Замолчи! Видишь, теперь я голый, только грива осталась да кисточки на кончике хвоста. Холодно, дрожь меня берёт.

— Куда же нам бежать от этого громкочихающего?

— Беги в лес.

Волк скрылся в дальнем перелеске, а лев убежал в жаркую страну, в безлюдную пустыню.

Так перевелись в Сибири львы.

КАК СОБАКА НАШЛА СЕБЕ ХОЗЯИНА-ДРУГА

"Плохо жить одной, — решила собака. — Найти бы кого-нибудь самого смелого и сильного... Я была бы ему верным другом..." И пошла собака в лес искать себе

друга. Только слышала она от зайца, что на свете самый смелый и сильный зверь — это волк, а он тут как тут, идет навстречу, зубами лязгает. Сказала ему собака:

— Давай, волк, дружить с тобой.

— Давай, — согласился волк. — Плохо одному...

Вечером легли они спать на мягкий мох под деревом. Ночью собака вдруг услышала какой-то шорох и принялась громко лаять. Волк испугался, поджал хвост и принялся унимать ее:

— Тише... Тише... Замолчи, не лай, услышит медведь — и тебя, и меня растерзает.

— Какой ты трусливый, — сказала собака. — Я меньше тебя, а и то не боюсь. Покажи мне медведя, что за зверь, интересно...

Пошли они тайгою. Скоро увидели, лежит в валежнике косматый бурый медведище...

— Вот он, — издали показал волк и убежал, оставив собаку одну.

Собака подошла к медведю и сказала, что хочет подружиться с ним. Медведь посмотрел на нее, проворчал:

— Ну ладно.

И стали они жить вместе.

Вечером улеглись спать, а собака опять услышала шорох и подняла лай. Медведь струсил и говорит:

— Не шуми ты, собака, а то тигр услышит... Нападет и разорвет нас с тобой.

«Нет, — подумала собака, — не годится он мне в товарищи, какого-то тигра боится...»

— Покажи мне тигра, — попросила собака.

Утром медведь тихонько сказал:

— Вон он идет, тигр... — Сказал и быстро убежал. «Большой зверь, сильный. Он, наверно, никого не боится. Буду с ним дружить», — решила собака.

Когда собака сказала тигру, что хочет с ним подружиться, тигр подумал, подумал и согласился.

Ночью, когда они спали, собака залаяла. Тигр вскочил и закричал на нее:

— Замолчи, лев услышит! Придет, обоих нас съест...

До того тигр перетрусил, что даже не стал показывать собаке, где живут львы, — побоялся. Пошла она одна. Искала, искала до самого вечера и не нашла льва. Ночью проснулась от страшного рева — земля содрогнулась, лес зашумел. Это был лев... Собака смело подошла к нему. Лев зарычал, грива у него встала дыбом.

— Что ты за зверь? — сердито спросил лев. — Почему не боишься меня? Я тебя задавлю.

Собака сказала, что хотела бы стать его другом.

— Ну что ж, — прорычал лев. — Иди со мной.

Целый день они ходили вместе по лесам и степям, все звери от них прятались, а вечером легли спать в кустах.

Ночью собака проснулась и громко залаяла. Лев рассердился:

— Тише, тише! Услышит человек — убьет нас с тобой. У него есть огненная железная палка с громовым голосом.

Собаке захотелось узнать, какой это такой человек... Пошла она вместе со львом искать человека. Скоро им повстречался маленький мальчик.

— Может, этот? — спросила собака.

— Этот... Только он еще не вырос. — И пошли они дальше. Потом увидели старика. Он шел медленно, опираясь на палку.

— Этот? — спросила собака.

— Этот... Только он уже одряхлел, видишь — ходит на трех ногах...

Через некоторое время встретили они здорового парня, который ехал верхом на коне.

— Вот он! — закричал лев и бросился назад. Подошла собака к человеку, помахала хвостом и сказала, что ищет она самого смелого и сильного друга для себя.

— Давай, человек, подружимся.

— Это можно, — приветливо отвечает человек. — Только знай, что я не люблю трусов.

Вечером легли они спать. Ночью собака залаяла — ей послышался какой-то шорох. Человек вскочил, схватил ружье — огненную железную палку с громовым

голосом, о которой говорил лев, и принялся вместе с собакой искать, кто это шумел поблизости.

— Нам с тобой никакой враг не страшен, — сказал он собаке.

Собака поняла, что нашла наконец друга с бесстрашным богатырским сердцем. С тех пор она верно служит человеку.

КОНЬ И ИЗЮБР

В давние времена у изюбра было четыре глаза. Он очень гордился этим и считал себя самым быстрым из всех четвероногих.

Однажды изюбр встретил коня и говорит ему:

— Хорошо ты бегаешь, но все же не такой уж ты быстрый: никогда меня не догонишь!

— Нет, — говорит конь, — догоню!

— Как же ты это сделаешь? — спрашивает изюбр.

— Посажу на себя человека, скажу ему, чтобы погонял меня, и догоню!

Засмеялся изюбр и говорит:

— Ни за что ты меня не догонишь! А с седоком — и подавно!

— Догоню! — отвечает конь.

Побились об заклад и назначили время, когда побегут. Изюбр отправился пастись, силы набираться, а конь пошел к человеку и сказал:

— Садись на меня и погоняй! Будем скакать наперегонки с изюбром!

— Хорошо! — говорит человек.

В назначенный день сошлись конь и изюбр на открытом месте и поскакали.

Сначала изюбр шел впереди, но человек стал погонять коня, и конь скоро догнал и даже перегнал изюбра.

Со стыда и с досады изюбр горько заплакал. И плакал он так сильно и так долго, что из четырех своих глаз выплакал два. С тех пор у всех изюбров пониже глаз видны знаки — это следы от выплаканых глаз.

А конь с того времени остался у человека и до сих пор верно ему служит.

КРАСНЫЙ БЫК

В давние времена, говорят, жил один охотник с женой. У них был жирный красный бык. Однажды муж говорит:

— Давай заколем красного быка.

— Заколоть такого большого быка! Ведь нам не съесть всего мяса! — удивилась жена.

— Если сами не сможем съесть, то поможет красная лапа*, - рассмеялся муж.

— Если так, давай заколем, — согласилась жена.

Их разговор подслушал один парень, который жил поблизости.

Однажды муж отправился на охоту в лес. Как только он ушел, тот самый парень, который подслушал разговор, выкрасил руку красной глиной и протянул ее в окошко. Хозяйка в это время собралась варить мясо. Заметила красную руку, испугалась.

— Кто ты? — спрашивает она.

— Красная лапа. Мне нужно мясо красного быка.

Хозяйка подала кусок мяса. А парень спрятал мясо и снова, и снова протягивает красную руку. Так хозяйка отдала хитрецу все мясо.

Вернулся муж с охоты и говорит:

— Свари-ка мне мясо красного быка.

— Уже всё мясо.

— Так быстро кончилось? — удивился охотник.

— Красная лапа всё съела. Ты же сам сказал, когда мы кололи быка, что если не съедим мясо, то красная лапа поможет.

Рассердился охотник.

— Если не найду на белом свете человека глупее тебя, не вернусь домой, — сказал он и пошел, сам не зная куда.

Приходит наш охотник в один улус и видит: богач с сыновьями строит дом. Сидят они и колотят палками бревно.

— Что это вы делаете? — спросил охотник.

— Видишь, это бревно упрямится, не подходит: оно длинное. Вот мы и хотим проучить его, чтоб короче стало.

Удивился охотник их глупости, взял да и отрубил топором часть бревна. С тех пор, говорят, эти люди поумнели и палками бревна не укорачивают.

Пошел охотник дальше, приходит в другой улус. Там один человек, по виду богач, выходит из избы без окон, ставит маленький ящик, закрывает его и обратно заходит в избу.

— Что ты делаешь?

— Да не могу никак занести в избу солнечные лучи. Закрою их в ящик, пушу в избе, а там все так же темно.

Еще больше удивился охотник, взял топор, прорубил окно и пустил в избу солнечный свет. С тех пор, говорят, тамошние жители и стали рубить свои избы с окошками.

Охотник идет дальше и приходит в третий улус. Там была засуха, и тощий скот лизал черную землю. У одной избы собралось много народу, тащат корову за рога, хотят затащить ее на избу.

— Что вы делаете? — спросил охотник — Мы хотим, чтобы корова съела траву, которая растет на избе. Будьте добры, помогите нам.

Опять удивился охотник, разыскал он согнутое железо, наточил его и скосил траву на избе. С тех пор, говорят, тамошние жители и стали косить траву согнутым острым железом — косой. Охотник пошел дальше. Видит, во дворе богатого человека свинья с двенадцатью поросятами ходит. Охотник наш присел: любуется поросятами. Выходит из дому хозяйка и спрашивает:

— О чем ты говоришь с нашей свиньей?

Посмотрел охотник на хозяйку — не шутит ли она.

— А мы с ней поговорили по душам, — отвечает он, — она ведь доводится мне теткой. Я вот приехал пригласить свою тетю на свадьбу.

— Боже мой, это правда? Ну, что сказала тебе тетка?

— Она говорит: я могла бы съездить на свадьбу, но нет у меня ни одежды, ни украшений. Да и все мои двенадцать сыновей просто голы. Она обижается на вас, — говорит охотник.

Обрадовалась хозяйка случаю показать себя.

— А у нас все есть: и одежда, и украшения. Мы ведь богаты! — говорит она. Одела хозяйка свинью в праздничную одежду, надела на шею ожерелье. Также одела двенадцать поросят и запрягла в тарантас тройку лошадей. Охотник посадил «свою тетку» с поросятами в тарантас и уехал. Выехал он на дорогу, спрятал лошадей, свинью и поросят в лесу, в стороне от дороги, и стал ждать погони.

Приехал домой хозяин свиньи. Его встречает жена.

— Наша свинья с сыновьями поехала гостить!

— Что-о?! — опешил хозяин.

— На свадьбу к племяннику поехала. Я одела свинью и ее поросят в праздничную одежду, надела ей на шею ожерелье, запрягла тройку, посадила на тарантас и проводила.

— О, что мелет эта дура! — заорал богатый человек, сел на быструю лошадь и поскакал в погоню. Он доскакал до места, где расходятся три дороги и видит: сидит человек, закрыл шапкой что-то на земле, к чему-то прислушивается.

— Ты не видел здесь человека со свиньей? Должен проехать по этой дороге, — спросил богатый человек.

— Видел.

— Куда направился?

— По середине этих трех дорог.

— Слушай, мужичок, я очень быстро скакал и ужасно устал. Будь добр, садись на этого коня, догони того человека и приведи его ко мне, — говорит богатый человек.

— Некогда.

— Почему?

— А я, видишь ли, накрыл шапкой золотую птичку. Ее нельзя смотреть днем, можно только ночью. Иначе она превратится в обыкновенную птичку.

— Давай сюда! Я подержу, пока ты приедешь.

— Ну что ж! Придется помочь доброму человеку. Только смотри, если откроешь до ночи — не будет золотой птички. — Охотник сел на хозяйскую лошадь и помчался. Разыскал тарантас со свиньей и преспокойно поехал домой.

А тот, богатый, сидит, боится выпустить золотую птичку и лишиться золота, сидит, осторожно придавливая шапку. Человек, которого он отправил, не возвращается. Наступила ночь. «Хорошо, — думает жадный богач, — пусть не

возвращается, заберу я золотую птичку себе. Это куда будет дороже свињи и тарантаса!» Сунул он руку под шапку, а там кусок сухого коровьего помета. Богатый чуть не умер со стыда и злости.

— Тьфу, черт! Дурная голова обманута собакой! — и пошагал обратно.

Между тем, наш охотник приехал домой и говорит жене:

— Зря я рассердился на тебя. Оказывается, есть такие люди на свете, которые в семь раз глупее тебя.

МЕДВЕДЬ

Жил-был бедный посудник. С утра до ночи мастерил он деревянную утварь, этим и кормился.

Вот пошел он однажды на берег моря вырубить мягкую да гибкую ветку для обруча на туесок, увидел красную березу и уже топор над нею занес, как говорит береза человеческим голосом:

— Не губи меня, добрый человек! Не руби моих красных ветвей. Проси, что захочешь. Любое твое желание исполню.

— Будь по-твоему, — согласился посудник. — Только сделай меня купцом.

И дня не прошло, как разбогател вчерашний бедняк, купцом сделался. На подворье у него работников — не сосчитать, в амбарах разного товару видимо-невидимо, в тугой кошнице денег полно. А сам бывший посудник по двору ходит, на слуг своих покрикивает. Но скоро надоела ему такая жизнь. Опять пошел бывший посудник к красной березе.

— Хочу быть царем! — говорит.

Оглянуться не успел, как сделалось вокруг него дивное царство, даже слуги в том царстве в бобровых шапках ходят, а богатые люди низко кланяются царю-батюшке. И никто не вспоминает, что был он когда-то бедным посудником. «Одна береза об этом знает», — думает новоиспеченный царь. А раз так, решил он срубить красную березу.

Сказано — сделано. Отправился царь в сопровождении своего войска на берег моря. Увидев красную березу, кинулись слуги с острыми топорами исполнять царское повеление. Но зашумела береза всеми ветвями, заговорила человеческим голосом:

— Оглянитесь а своего царя.

Оглянулись слуги и видят: царь превратился в медведя и пустился бежать в дремучий лес. Но разве убежишь от самого себя.

Вот почему буряты говорят, что медведь прежде был царем, а встретившись с глазу на глаз, обязательно обратятся к нему со словами: «Царь-человек, уступи дорогу!» — и медведь сворачивает, рассказывает таежный народ.

НАКАЗАННАЯ ЖАДНОСТЬ

Однажды весною батрак рубил в лесу дрова. Вдруг со стороны восхода солнца прилетела кукушка, уселась на дереве и прокуковала:

— На востоке есть высокая гора, на ее вершине лежит кусок золота с голову большого быка...

С юга прилетела вторая кукушка, примостилась на том же дереве и прокуковала:

— На южной стороне болеет жена одного бедняка. Под ее домом свил гнездо черный жук, ростом с двухгодовалого бычка и сосет кровь женщины. Если убить и сжечь этого жука, жена бедняка поправится.

С запада прилетела третья кукушка и пропела, что далеко на западе случилась страшная беда — высох источник воды — деревья завяли, выгорели травы, люди и животные изнывают от жажды. Источник, питавший влагой поля и степи, завален черным тяжелым камнем. Если сдвинуть камень, то из под него вырвется на волю родниковая вода и люди будут спасены.

Кукушки вспорхнули и улетели. Батрак подумал, подумал, заткнул топор за кушак и пошел в ту сторону, откуда восходит солнце.

Много ли, мало ли он прошел, добрался, наконец, до высокой горы, поднялся на вершину и нашел там кусок золота с голову большого быка. Взял батрак золото, отнес на перекресток трех дорог и закопал его в землю. А сам пошел на запад, туда, где люди томились от жажды. Зашел батрак в одну юрту и попросил напиться.

— Мы сами еле живые от жажды, — ответили ему старик со старухой. — Сейчас нет ничего дороже глотка воды.

— Соберите мне сотню людей, приведите сотню быков, дайте сотню лопат и у вас будет вода, — сказал батрак.

Жители улуса сделали все так, как он велел. Батрак привел их к источнику и они все вместе принялись выкапывать черный тяжелый камень — кто лопатой, кто топором, а кто и руками. Впрягли быков и сдвинули с места тот камень. И сейчас же забурлил родник, зажурчала прохладная чистая вода. Люди обрадовались, бросились к воде, стали черпать ее ведрами, бочками, руками. Затем пригнали скот и напоили его досыта. Все радовались, благодарили батрака за то, что вернул он им воду и избавил от мучений. А когда узнали, что он направляется в сторону юга, то всем улусом пошли провожать.

Шел, шел, шел батрак и, наконец, показалась южная страна. Батрак разузнал, где живет больная женщина, о которой поведала кукушка и назвался в улусе знаменитым лекарем. Муж больной женщины, услышав о нем, пришел со слезами на глазах:

— Спасите мою жену, — попросил он батрака. — Вылечите ее...

Утром батрак собрал соседей, выгнал из-под дома черного жука, ростом с двухгодовалого бычка, убил его и сжег, и свершилось чудо — к женщине тут же возвратилось здоровье.

Попрошавшись с жителями улуса, батрак выкопав золото, которое он раньше зарыл на перекрестке трех дорог, отправился домой. Дома он расплатился с богачом, у которого всегда был в долгу, и зажил безбедно. Скоро он построил себе новый большой дом рядом с домом богача. Жадный богач не вытерпел и захотел узнать, как батрак так быстро разбогател.

А батрак надумал наказать своего бывшего хозяина за жадность и сказал, что однажды, когда он спал на берегу под опрокинутой лодкой, из воды вышли трое людей и рассказали ему, где зарыт клад.

— Вон как дело было, — проговорил богач и ушел. Вечером он забрался под опрокинутую лодку у реки, притаился и стал ждать, чтобы принесли ему золото. В полночь к лодке пришли три разбойника и стали говорить о том, что кто-то унес их золото, припрятанное на вершине высокой горы.

— Узнать бы, кто взял наше золото, — сказал один разбойник, — я бы его...

В это время жадный богач под лодкой не вытерпел и неожиданно чихнул.

Услышали разбойники, что кто-то рядом есть, заглянули под лодку, а там богач сидит. Вытащили они его и стали бить: подумали они, что это он украл их золото. Били, били, а потом бросили его в реку.

Так был наказан богач за свою жадность.

ОТЧЕГО ВОЛКИ ВОЮТ

Было это в давние времена. Поехал молодец к тестю в гости. За третьим перевалом увидал он семерых стариков. Сидят они чинно у костра, длинными трубками попыхивают, ждут, когда мясо сварится.

Подъехал молодец к костру, молчком с коня слез, молчком трубку прикурил, в стремя ногу вставил — собрался дальше ехать. Тогда говорит ему один из стариков:

— Не велика честь молодому батору, который не поздоровавшись со старшими, прикурил трубку от их огня и заспешил в путь, забыв нашу пословицу: сваренное откушай, стариков послушай.

Смиренно выслушал молодец старика и говорит:

— Правда ваша — допустил я большую оплошность, но не от гордости и самомнения, а по неопытности своей и беспечности, за что прошу у вас прощения.

Присел юноша к костру, отведал сваренного мяса, выслушал стариковские советы и отправился дальше.

И так легко у него на душе стало, что захотелось песню спеть. Но только затянул он раздольную песню, как подхватили мотив и глаза, и уши, и ноздри!

Испугался молодец, примолк и до самого конца пути рта не открывал.

Доехав до юрты своего тестя, молодец молчком переступил порог, молчком напился чаю и — к великому изумлению тестя — молчком отъехал со двора.

Дома вышла его встречать молодая жена. Но ни слова не сказал ей молодец, переменил коня и зарысил в степь — пасти свой табун.

Пасёт день, пасёт другой, неделю пасёт, домой носа не кажет. Пригорюнилась жена. "Что бы это значило? — думает. — Мой муж никогда молчуном не был, а тут приехал из гостей — не поздоровался, уехал табун пасти — не попрощался и, похоже, не думает домой возвращаться".

Велела она оседлать себе коня и отправилась мужа разыскивать. А как нашла — пенять стала:

— Разве так настоящие мужья поступают? Возвратился из гостей и слова ласкового не промолвил, отправился табун пасти и весточки о себе не подал!

Дольше терпеть у молодца сил не хватило. Открыл он рот и тотчас же заговорил не только языком, но и ноздрями, и глазами, и ушами.

Узнав, в чем дело, жена побранила молодца за скрытность и говорит:

— Завтра на рассвете, когда наш пастушонок нагнётся и примется раздувать угли, ты перешагни через него.

Так и сделал молодец. Перекинулась напасть на пастушонка. Бросился тот с перепугу на улицу, перепрыгнул через чёрного барана. Заблеял баран не своим голосом. Услыхали его семеро волков, пришли и съели, даже шкуры не оставили. Перекинулась напасть на семерых волков. С тех пор они и воют на семь голосов.

СНЕГ И ЗАЯЦ

Снег говорит зайцу:

— Что-то у меня голова заболела.

— Наверное, ты таешь, оттого у тебя и голова заболела, — ответил заяц. Сел на пенек и горько заплакал:

— Жалко, жалко мне тебя, снег... От лисицы, от волка. От охотника я в тебя зарывался, прятался. Как теперь жить буду? Любая ворона, любая сова меня увидит. Заклюет. Пойду к хозяину леса, попрошу его. Пусть он тебя, снег, сохранит для меня.

А солнце уже высоко ходит, жарко припекает, снег тает. Ручьями бежит с гор.

Затосковал заяц, еще громче заплакал. Услышал зайца хозяин леса, просьбу его выслушал и сказал:

— С солнцем спорить не берусь. Снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди сухих листьев, кустарника и травы. Никто тебя не заметит.

Обрадовался заяц.

С тех пор он всегда меняет зимнюю белую шубу на летнюю — серую.

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

В давние времена держал богач в работниках бедного человека. Девять лет гнул бедняк спину на богача, а из долгов не вылезал. Не было у него ни хлеба, чтобы прокормить свою семью; ни скотинки, которая бы прошлась по двору; ни собаки, которая бы тьякнула в волчью ночь.

Однажды молотил бедняк при лунном свете хозяйский хлеб и увидел в поле двух маленьких мальчиков. Они собирали оброненные колоски и втыкали их в снопы. Очень удивился бедняк, затаился у соломенной копны и, когда мальчики приблизились к нему, схватил их за руки.

— Кто вы такие? — спрашивает. — Почему ходите по ночам, собираете колосья и втыкаете их в снопы?

— Мы Счастье богатого человека, — отвечают мальчики. — Мы подбираем все, что он потеряет или может потерять.

— А мое Счастье вы не видели? Нет ли у меня таких помощников, как вы? — спрашивает бедняк.

— Нет у тебя таких помощников, — отвечают мальчики. — Хуже того: вот уже девять лет живет в твоём доме Горе горемычное, и пока от него не избавишься, не видать тебе Счастья, как своих ушей.

— Как же мне освободиться от Гора горемычного?

— Кончай молотьбу и уезжай от богача, — наставляют бедняка мальчишки. — Когда начнешь собираться, вылезет из-за печи Горе горемычное и попросит взять его с собой. не спеша отказывать, посади Горе в бочку, бочку законопать и зарой в пустынном месте. А потом забирай жену и детей да подавайся в город. Там доведется тебе рыть колодец у знатного сановника. Смотри в оба — и на дне колодца увидишь драгоценный камень. Он и принесет в твой дом Счастье.

Обмолотил бедняк хозяйский хлеб и стал в город собираться. Взял у добрых людей лошадь с телегой, посадил на телегу жену да четверых своих детишек и хотел было дом запереть, как вдруг услышал плач на остывшей печи.

Вернулся бедняк и видит — сидит на печи дитя не дитя, старичок не старичок, а мужичок с локоток, и горько плачет.

— Вы меня забыли с собой захватить, — говорит.

— Если я посажу тебя на телегу и у всех на виду повезу в город, люди станут надо мной смеяться: мол, бедняк с Горем горемычным расстаться не может, повсюду за собой таскает. Садись-ка ты в бочку, там тебя никто не увидит.

Согласилось Горе, забралось в бочку, а бедняк закрыл ее крепко-накрепко, отвез на пустырь и закопал у подошвы большой горы.

Вот приехал бедняк в город. Только явился он на базар, как повстречал богатого сановника и подрядился выкопать ему колодец.

Копает бедняк неделю, копает другую, а воды все нет и нет.

— Что за чертовщина? — говорит он жене. — Скоро уже землю насквозь пройду, а водой и не пахнет. Не заплатит мне сановник ни гроша за такую работу. Чем же я детей кормить стану?

На другой день наткнулось острие лопаты на что-то твердое. Сверкнула ослепительная искра и не погасла. Глянул бедняк, а это — драгоценный камень переливается всеми цветами радуги.

Завернул бедняк находку в тряпицу и отнес самому ученому в городе человеку. Ученый повертел камень в руках и повел бедняка к правителю города. Оробел бедняк, переступив порог ханского дворца. но правитель, услышав о редкой находке, приказал на месте колодца построить прииск, а присматривать за прииском поставил бедняка, пожаловав его в сановники.

Услыхал об этом богач, который жил со Счастьем, и немало удивился. Поехал он в город, разыскал бывшего своего работника, расспрашивать начал:

— Скажи на милость, как тебе удалось разбогатеть столь быстро?

— Молотил я твой хлеб, — стал рассказывать бывший бедняк, — и увидел двух маленьких мальчиков. Они собирали оброненные колосья и втыкали их в снопы. Поймал я мальчиков, и научили они меня, как избавиться от Гора. Посадил я свое Горе горемычное в пустую бочку, законопатил ее и зарыл на пустыре у подошвы высокой горы. А про Счастье мое — это уже другой разговор. У каждого свое Счастье, и ты не обойден им.

«Может быть, и свое, но твое-то Счастье лучше», — позавидовал богач, возвращаясь домой. увидел он пустырь у подошвы большой горы, отрыл закопанную бочку и выпустил Горе на волю.

— Возвращайся, — говорит, — к своему хозяину.

— Не пойду, — заупрямилось Горе. — Он снова посадит меня в бочку и зарует в землю. Лучше я у тебя останусь.

С этими словами вцепилось Горе горемычное в телегу богача и приехало вместе с ним на подворье. Зашел богач в дом, и Горе вслед за ним.

С тех пор сколько бы богачево Счастье добра ни принесло, все пускало по ветру Горе горемычное.

УМНЫЙ БАДМА И ГЛУПЫЙ ЛАМА

Когда-то, в очень давние времена, у одного старика жил на воспитании сирота, мальчишка Бадма. Кто у Бадмы были родители, никто не знал, а старику это было все равно. Жил себе Бадма, жил и старика называл дядей.

Однажды Бадма играл вместе с другими ребятами на дороге. Строили они город и такого настроили из палок и камней, что ни пройти, ни проехать. А в это время по дороге ехала арба, а на арбе сидел лама. Увидел лама, что ребята своими постройками дорогу загородили, рассердился и стал кричать:

— Эй, дети! Почему на дороге играете? Всю загородили. Уберите немедленно, или я вам уши оторву!

Дети испугались и убежали, а Бадма не убежал и не испугался. Спросил ламу:

— Разве бывает, чтобы город человеку дорогу уступал? Человек объезжает город.

Лама не нашелся, что ответить объехал ребячью постройку. Объехал, поехал дальше и подумал: "Как же так? Я, мудрый лама, не сумел мальчишке ответить. Теперь все станут говорить: «Наш лама глупее ребенка!» Ну, погоди! Я тебе завтра покажу, как с ламой надо разговаривать!" Сильно рассердился лама и утром на другой день поехал к юрте, где жил Бадма.

Подъехал и видит: старик и Бадма на быках землю пашут. Лама подозвал Бадму и спросил:

— Эй, мальчишка! Сколько раз ты кругом своего участка с сохой обошел?

Бадма подумал и ответил:

— Я не считал. Но не больше чем ваша лошадь сделала шагов от дому.

И опять лама не нашелся, что ответить мальчишке и от этого рассердился еще сильнее. А тут, как назло, увидел, что дядя Бадмы посмеивается. Совсем рассердился лама, подъехал к старику и сказал:

— Сегодня вечером подои быка и приготовь мне простоквашу. Завтра приеду, подашь ее мне. А не сделаешь — быка заберу.

Старик не знал, как сказать ламе, что быков доить нельзя, а когда придумал, лама уже уехал. Увидел Бадма, что его дядя печальный, подошел к нему и спросил:

— Что с тобой, дядя?

— Велел мне лама быка подоить и простоквашу из его молока сделать. Не сделаю — быка отберет. Как быть?

— Не печалься, дядя! — сказал Бадма. — завтра я сам с ламой поговорю.

Утром лама приехал к юрте старика. Бадма сидел у входа. Лама строго ему приказал:

— Позови дядю!

— Нельзя ему сейчас, мудрый лама! — ответил Бадма.

— Как так нельзя, когда я приказываю?

— У нас бык телится, добрый лама. Дядя ему помогает.

— Глупый мальчишка! Никогда еще не было такого, чтобы быки телились. Ты врешь!

— Святой лама, но вы же сами велели быка подоить и вам простоквашу сделать. Вот дядя для вас и старается. Как только бык отелится, дядя его подоит и простоквашу сделает.

И еще раз лама не нашелся, что ответить Бадме, стал еще злее и велел сказать, чтобы старик немедленно явился к нему. Когда тот пришел, лама сказал:

— Мне нужна зольная веревка. Свей из золы ее и принеси мне. Трех баранов дам. Не совьешь веревки, не принесешь ее мне, твою юрту возьму.

Старик долго думал, как ламе сказать, что из золы нельзя веревку свить. Наконец придумал, хотел сказать, а ламы уже и нет дома — уехал.

Бадма увидел, что его дядя возвратился чем-то сильно опечаленный и спросил его:

— Что с тобой, дядя?

— Велел мне лама из золы веревку свить, ему принести. Трех баранов даст. Не принесу — юрту и все барахло возьмет. Как быть?

— Ложись спать, дядя, — посоветовал Бадма. — А завтра отдашь ламе зольную веревку.

Старик улегся спать, а Бадма набрал соломы и свил из нее длинную веревку. Утром пораньше разбудил старика и сказал ему:

— Возьми, дядя, эту веревку и отнеси ламе. Расстели ее возле юрты и подожги с двух концов. Когда солома сгорит, позови ламу, чтобы взял веревку.

Старик забрал веревку, пошел к ламе и сделал все так, как велел Бадма. когда солома сгорела, он позвал ламу и сказал:

— Мудрый лама, я исполнил ваш заказ. Давайте, пожалуйста, трех баранов и берите веревку. А если вам еще зольные веревки понадобятся, то я наплету их по сходной цене.

Лама поскорее отдал старику трех баранов и выпроводил его. А сам потом долго молился, благодарил богов, что так дешево отделался.

ХВАСТЛИВАЯ СОБАЧОНКА

В знойный полдень, обливаясь потом, везла старая лошадь тяжелый воз, а маленькая собачонка бежала рядом, прячась в тени от телеги, и громко лаяла.

К вечеру лошадь едва-едва дошла до хозяйского дома. Хозяин выпряг ее и привязал к столбу. Собачонка легла рядом, жалуется:

— Ох, устала! Ох, болят ноги, ломит спину! Худое житье, хоть умирай.

— А что ты делала? Отчего устала? — спросила лошадь.

— Бесстыжая, еще и спрашиваешь! Да я же тебя лаем подгоняла. Ты бы, старая кляча, и сейчас тащила по дороге.

Собачонка хвост кверху задрала, гордая, важная похаживает.

Топнула лошадь сердито о землю копытом — хвастливая собачонка поджала хвост и убежала.

ХИТРЫЙ КОТ

Жил на свете грозный медведь. Был он царем зверей в большом лесу. Но вот постарел медведь, не может лапой пошевелить. И начали ему досаждают мыши. Сна и покоя лишили, никакого сладу с ними нет.

Собрался медведь с силами и издал указ: "Уничтожить всех мышей!" Нашли звери хорошего кота и приставили ко медведю в караульные. Очень хитрым оказался кот: в своей службе сильно не усердствует, поймают для острастки одну мышку — остальные уже и носа не кажут из своих нор. Но стоит коту отлучиться, как мыши вновь смелеют и досаждают старому медведю. Чтобы такого не случилось, медведь приблизил к себе кота, стал с ним во всем советоваться, стал возле себя держать денно и ночью.

Но однажды занемог кот и оставил возле медведя своего сына. Стал котенок охранять медвежий покой: как увидит мышь, так сразу же и поймают. За одну ночь переловил всех мышей. Назавтра пришел старый кот, увидел передавленных мышей, очень рассердился, но еще больше опечалился.

— Глупая голова! — сказал он сыну. — За многие годы я не убил ни одной лишней мыши, чтобы было от кого охранять царя зверей, а ты за одну ночь расправился с ними: За верную службу медведь приблизил меня к себе, а ты — родной сын — лишил меня этой службы.

Через малое время дошел до царских ушей слух: «К великому счастью, в нашем лесу не осталось ни одной мышки!» — А раз так, — сказал медведь, то не должно остаться и ни одной кошки, ни одного кота.

Эвенкийские сказки

Асаткан

Жила в горах красивая девушка, Асаткан. Было у нее много оленей. Вот стал ее в жены звать черт — авахи.

Девушка отвечает:

— Пригони, не сходя с места, всех моих оленей. Тогда я к тебе приду. Стал авахи кричать, свистать. Поднялся ветер. Олени испугались бури.

Прибежали в стойбище. Авахи говорит:

— Асаткан, Асаткан, я оленей пригнал. Кочуй ты ко мне.

Асаткан села на самого большого, лучшего оленя. Отвечает:

— Еду, еду к тебе.

А сама на олене мимо чума авахи промчалась. Точно птица пролетела. Авахи зовет из чума:

— Асаткан, Асаткан, иди скорее. Обед остынет. А вместо Асаткан верховой олень отвечает:

— Ставлю, ставлю чум рядом с твоим. Сейчас к тебе приду.
Авахи ждать не хочет. Торопит Асаткан:
— Жду тебя. Иди быстрее-быстрее! Опять олень вместо Асаткан отвечает:
— Поставлю чум — приду.
Подождал немного авахи. Опять спрашивает:
— Асаткан, Асаткан, ты, наверно, чум уже поставила?
— Поставила чум, поставила, — отвечает олень.
— Асаткан, Асаткан, почему же ты не идешь? — спрашивает авахи.
— Дрова рублю. Нарублю дров — приду, — отвечает олень.
Рассердился авахи, говорит:
— Асаткан, Асаткан, пойду сам тебя приведу, а то не дождусь.
Вышел он из чума — нет никого. Видит только, далеко впереди олень бежит.
Схватил авахи лопату, что тут лежала. Ударил о землю лопатой. Сел на нее верхом.
Помчался догонять Асаткан.
Скачет на лопате авахи. Увидел Асаткан, кричит:
— Асаткан, Асаткан, пусть у твоего оленя нога отнимется.
Вправду, одна нога у оленя отнялась.
— Авахи, авахи, — отвечает девушка, — пусть четверть твоей лопаты отпадет.
Отломилась четверть лопаты. Рассердился авахи.
— Асаткан, Асаткан, пусть у твоего оленя вторая нога отнимется, — кричит.
Отнялась вторая нога у оленя. Но не останавливается олень. Бежит на двух ногах.
— Авахи, авахи, — говорит девушка, — пусть твоя лопата пополам разломится.
Только сказала Асаткан — лопата пополам разломилась.
— Асаткан, Асаткан, — говорит злой авахи, пусть третья нога у твоего оленя отнимется.
Отнялась у оленя третья нога. Скачет олень на одной.
Асаткан кричит:
— Авахи, авахи, пусть от твоей лопаты четверть останется. Сломалась лопата. Одна четверть от нее осталась.
Совсем рассердился авахи, говорит:
— Асаткан, Асаткан, пусть твой олень совсем без ног останется.
— Пусть твоя лопата, авахи, совсем сломается, — отвечает Асаткан.
Пока они так говорили, до речки доехали. Спрыгнула Асаткан с оленя. Ударилась оземь — пеной сделалась. Скатила в речку, поплыла. Авахи за ней в речку бросился.
Несет пену вниз по реке. Авахи за ней по речке гонится, поймать хочет.
Принесло пену туда, где лебеди плавают. Просит девушка лебедей:
— Лебеди, лебеди, спрячьте меня от авахи.
Спрятали лебеди пену под крылья. Подплыл авахи к лебедям. Те испугались, взлетели. Пена из-под крыльев выпала. Схватил авахи пену в рот, держит.
Прилетела тут откуда-то птичка. Стала вокруг авахи кружиться. То на голову авахи сядет, то в длинный нос клюнет. Плышет авахи по реке, руки заняты. Нечем ему птичку отогнать. Решил он схватить ртом ее. Открыл авахи рот. Птичка выхватила пену, улетела. Взлетела на дерево. Оттуда вместе с пеной камнем о землю ударилась. Сильный гул по речке да по тайге пошел.
Авахи со страху в воду нырнул да и захлебнулся. Пена опять в Асаткан

превратилась. Птичка парнем красивым сделалась.
Посмотрела Асаткан на стройного юношу, засмеялась. Поклонился тут юноша низко девушке и посватал ее за себя.

Как богатырь богатого старика победил

Жил-был один богатырь. Захотел он однажды силы себе добавить. Сел на оленя и поехал силу искать. Были три дороги: одна на север, другая на восток, а третья на запад. "Дай, - думает, - поеду по дороге, которая на север идет". И поехал. Ехал год, ехал два, а на третий встретил человека-великана, ростом с лес. Приподнял великан богатыря вместе с оленем на руки, наклонился и говорит:

- Кто это? По этой дороге только богатыри ходят... Наверное, богатырь?!

- Да. В мыслях-то я богатырь...- отвечает тот.

- Хочешь силы добавить?

- Хочу, хочу! - говорит богатырь.

- Тогда поезжай по этой дороге дальше. Там два чума стоят. В одном богатый старик сидит. Сам он слепой, но у всех людей силу отнял, у себя держит в турсуках. Надо ту силу обратно взять и людям раздать. Ты поезжай к нему, но сразу не входи. Когда доедешь, войди сначала в чум поменьше. Там его кузница. В ней волшебные щипцы. Они заставляют старика силой делиться. В горне раскали щипцы докрасна и к старику иди. Старик руку здороваться протянет. Поздоровайся. Только вместо руки щипцы те сунь. Руку дашь-раздавит. А щипцы выдюжат и заставят тебе силы добавить. Потом старик тебе сам скажет, что делать. Как только сила прибудет-иди дальше. Старика не дожидайся. Убить может. Последнюю силу отберет. На дороге олень его белый ходит оседланным. С боков у него по одному турсуку привязано. А в тех турсуках вся человечья сила собрана. Ты на оленя садись и обратно по той дороге поезжай. Того старика встретишь, - не бойся. Он без оленя слабее тебя будет. С оленя не слезай, силу потеряешь. Турсуки, будто нечаянно, урони, поднять богача попроси. Узнаешь тогда, что с ним будет...

Долго ли, скоро ли идет богатырь, но только видит он широкую поляну. На поляне два чума стоят. Один чум выше леса, а другой чуть пониже. С оленя слез, в тайгу его отпустил. Зашел в маленький чум. Горн мехами раздул, щипцы докрасна раскалил, еле их приподнял и в чум к старику пошел. Приходит и говорит:

- Здравствуйте, дедушка!

- Ой, кто такой?

- Да человек небольшой...

- Молодой, должно? Ну, здорово... - и руку ему протягивает, а борец вместо руки щипцы раскаленные ему сует. Старик щипцы рукою схватил и зажал так, что между его пальцами железо красное от щипцов выступило и дым от руки пошел. Потом щипцы отпустил и говорит:

- Силенка-то у тебя сердитая... Хочешь, добавлю?

- Хочу, хочу!

- Тогда иди по дороге, которая на восток идет. Там найдешь озеро с чистой водой. Мимо пройди. Потом будет озеро с красной водой. Тут остановись. Пальцы в той воде помочи и языком их оближи. Дальше не ходи. Меня подожди. Я через три дня к тебе приду.

Попрощался богатырь и на улицу вышел. Смотрит, дорожка от чума прямо на

восток тянется. По ней пошел. Видит, впереди озеро большое. Вода в нем чистая, как небо. По всему озеру лебеди плавают. Мимо прошел. Долго ли, скоро ли шел, только видит впереди опять озеро. Вода в нем-что брусника красная. К берегу подошел. Пальцы в воду обмакнул и облизал их. Как только облизал их, так сразу силу почувствовал.

Земля под его ногами стала оседать. Где шагнет, там ноги до колен в землю проваливаются. Обрадовался. Видит, от озера дорога на запад идет. По ней пошел. Отошел немного, смотрит-олень белый на дороге стоит. На спине у него бисерное седло и два турсука красных с боков привязаны. Подошел к нему, сел на оленя и обратно поехал. Видит, навстречу старик идёт, палкой впереди себя водит и песню поет:

Если бы у земли ручка была,
Я бы землю перевернул!

А богатырь к нему подъехал, турсуки на землю уронил и говорит:

- Дедушка, подними. С оленя слезать неловко. Старик догадался, сердится, что тот всю силу к себе взял. А делать нечего. Богатырь теперь был сильнее его. Стал поднимать те турсуки, а поднять не может. "Что,-думает,- такое? Нажму еще". Нажал вполсилы. До пояса в землю ушел, а турсуки с места не тронулись. "Что за диво? - думает. - Нажму изо всей силы". До плеч в землю ушел, а турсуки по-прежнему не тронулись. Богатырь говорит:

- А хвастался еще землю перевернуть! Стыдно стало старику. Ничего не ответил. Богатырь с оленя наклонился, турсуки поднял и дальше поехал, а богач в земле так и остался. Не мог вылезти. Камнем оборотился. Если камень в лесу найдешь-тот самый и будет.

А богатырь к людям приехал и всем им силу ту из турсуков роздал. Стали с тех пор люди сильнее всех на свете.

А великан тот, говорят, за море-океан ушел, туда, где такие же богачи-старика силу человечью у себя держат.

Как олень эвенку достался

Говорят, давным-давно, когда добрый дух Хэвэки заселял Землю, то в этих краях он поселил двух людей — русского и эвенка.

И сотворил для них только одного оленя.

Когда Хэвэки начинал лепить оленя, он не знал, кому его отдаст.

Подумал-подумал, но ничего не мог решить. Потом еще подумал и рассудил так:

— Создам только одного оленя. Даю вам его коленную чашечку. Кто у кого отберет ее, тому и достанется олень.

Русский и эвенк согласились.

— Правильно. Будем коленную чашечку отбирать друг у друга.

Русский и эвенк пальцами взялись за маленькую чашечку, стали тянуть ее каждый к себе, отбирать друг у друга.

Русский человек был очень сильный. Он не рассчитал свою силу и так придавил пальцами, что растянул чашечку и оторвал от нее косточку. Большая часть чашечки осталась в пальцах эвенка.

Хэвэки скаазал:

— Олень пусть достанется эвенку. Он меньше имеет силы, но крепко держал

чашечку и не отрывал косточку. Русскому человеку я создам других животных — больших и высоких, только ему будет под силу с ними справиться. Хэвэки слепил и вторую чашечку такой же растянутой и с оторванной косточкой, налепил чашечки на колени задних ног оленя и вдохнул в него живой дух. После этого отдал оленя эвенку. Оба человека были очень довольны, что Хэвэки никого не обидел. С тех пор эвенки имеют оленей. У русских оленей не бывает — у них домашние животные другие.

Тофаларские сказки

Вечные люди и живая вода

В прежнее время по краю нашей земли ходил один человек. Увидел большое болото, через которое зверь не переходил, птица не перелетала. Человеку интересно знать — какая земля за болотом, какие звери и птицы водятся. Разбежался он и перескочил через болото. За тем большим болотом наш человек увидел — стоят оседланные зайцы. Тут же из-под земли показались маленькие вечные люди, которые ездили на этих зайцах. Вечные люди нашему человеку рассказали: — Появился на нашей земле хищный зверь — соболь, поймал одного из вечных людей и перегрыз ему горло. — Ты охотник? Убей нам того соболя. Наш человек пошел на охоту, убил хищного соболя и принес вечным людям. Вечные люди обрадовались. — Ты сделал для нас доброе дело. Мы тебя отблагодарим — привезем тебе живой воды. Иди в свою землю и жди нас. Наш охотник вернулся в свою долину и рассказал всем родственникам, что скоро к ним приедут в гости вечные люди и привезут всем для питья живой воды. Все люди будут вечными. Стали ждать гостей. Наши женщины пошли рубить дрова для костров. Видят — едут маленькие вечные люди на оседланных зайцах. Нашим женщинам стало смешно, и они захохотали: — Смотрите, смотрите, какой у них скот! Какие они сами малюсенькие!.. Вечные люди обиделись и решили не давать нам живой воды. Они выплеснули ее на деревья — на кедр, ель и сосну. А сами уехали за большое болото, в свою землю. С тех пор кедр, ель и сосна все время стоят зеленые. Это от вечной — живой воды.

Почему обиделись косуля и изюбрь

Было это давным-давно. У одного человека жили косуля и изюбрь. Прежде они были домашними животными. Тихие и мирные, они паслись вместе с овцами и коровами вокруг стойбища, в долинах и у подножий гор. Человек доил коров, и было у него много молока. А косуля очень любила молоко. Приходила к чуму, нюхала и сразу же направлялась к торхо — деревянной посуде, куда сливалось свежее молоко. Хозяин никак не мог отогнать косулю. Потом он рассердился, взял из торхо черпалку и ударил ею по хвосту косули. Задняя ее часть стала белой. Косуля пошла жаловаться к изюбрю.

– Посмотри, – говорит она, – что у меня сзади? Изюбрь увидел белое пятно.

Советует ей:

– Больше не ходи к человеку, не надоедай. Изюбрь и косуля пошли вместе гулять по лесу, щипали траву, потом вернулись к чуму. Изюбрь еще издали почуял приятный запах: хозяин месил тесто, чтобы испечь хлеб. Изюбрь не выдержал, потянулся – уж очень любил мучное. Человек взял мутовку и ударил ею изюбря сзади. У того вокруг хвоста появилось широкое желтое пятно. Животные обиделись.

– Хозяин не любит нас, – сказали они. – Теперь мы никогда к человеку не подойдем. Уйдем и будем жить в тайге.

Так они опять стали дикими животными.

Викторины (сост. С. Бунтовской)

Викторина

1. Что представляет собой берлога?

2. Как вы считаете, почему у северного оленя широкие копыта?

3. Сколько месяцев в году в среднем спит черношапочный сурок?

а) 3

б) 6

в) 8

4. Как вы думаете, можно ли добавить в салат листья и цветы подснежника?

5. Одуванчик умеет предсказывать погоду. Как он это делает?

6. А можно ли добавить в салат листья одуванчика?

7. Какое растение тайги можно назвать розой?

Ответы:

1. Под берлогу медведь использует различные естественные укрытия или роет ее сам. Это может быть небольшая пещера, нора иод корнями дерева или под каменной плитой, просто укромно** место среди бурелома. Перед залеганием в берлогу медведь собирает для подстилки разную ветошь и мох, скатывает всё это в ком и, пятась задом, затаскивает всё это в берлогу.
2. Копыто северного оленя округлены и способны сильно раздвигаться. Это позволяет пробираться по глубокому снегу и болотистой почве.
3. 8 месяцев
4. Нет. Этот цветок очень ядовит.
5. Закрывается перед непогодой.
6. Можно. Только предварительно надо вымочить в холодной подсоленной воде в течение 30 минут. Листья богаты белком, железом, кальцием и фосфором.
7. Шиповник. Это родоначальник всех культурных сортов роз.

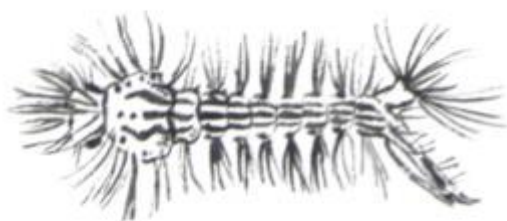
. Викторина

1. Что лосиха со своим лосёнком искали в болоте?
 - а) лягушек
 - б) водные растения
 - в) спасения от комаров

2. едят лягушки зимой?
3. почему?
обычу?

4. а)
б) делятся в воде?

личинка комара

куколка комара

- или
ов?
ней части

7. Почему комары кусаются?

Ответы

1. В болоте лоси добывают водные растения и используют их в пищу. Кроме того, вода позволяет этим животным отдохнуть от кровососущих насекомых.
2. Зимой лягушки ничего не едят. Они закапываются в ил и впадают в спячку.
3. Языком
4. Кожа
5. Потому что личинки комаров развиваются в тёплой болотной воде.
6. Куколка трескается в самой широкой части, и взрослый комар легко выбирается наружу.
7. Кровь сосут только самки. Она необходима им для развития яиц. Самцы питаются исключительно нектаром растений. К осени появляются самки, которые тоже питаются нектаром и накапливают питательные вещества, необходимые им для зимовки.

Викторина

1. Как вы думаете, чем питается синичка-гаичка?

2. Подумайте, ворон и ворона – это один и тот же вид пернатых?

3. По какому характерному признаку можно отличить озерную чайку от других видов чаек?

4. Какой хребет отсутствует среди хребтов, окружающих Байкал?

- А. Приморский
- Б. Байкальский
- В. Баргузинский
- Г. Сохондинский
- Д. Икатский
- Е. Хамар-Дабан

5. Какие две разновидности хариуса обитают в Байкале?

6. Назовите самую многочисленную промысловую рыбу Байкала?

а) таймень

б) омуль

в) голомянка

7. Как вы считаете, почему нерпа предпочитает питаться не хариусом и омулем, а «маленькими и корявыми» бычками?

не

8. Почему нерпа толстая?

9. Что такое продох?

10. Как вы думаете, кто оставил эти следы?

11. Для чего когти медведю?

Ответы.

1. Различными личинками, куколками и даже яйцами. В том числе яйцами тлей. Разыскивает такой корм гаичка на стволах, ветвях и в хвое деревьев. Кроме животной нищи, в её рацион входят семена хвойных.

ольхи, многих травянистых растений.

2. Нет, не один. Это разные виды птиц. Отличить их можно по размеру — ворон всегда крупнее. Голова у него массивная, клюв мощный и под клювом — «борода», состоящая из удлинённых и заострённых перьев. Голос: ворона звучный, сильный, звучит как *крру», «крро». Ворона мельче, голова и клюв её легче, чем у ворона. Голос — всем известное карканье, иногда короткое: «кр, кр, кр».

3. На иодклювье озёрной чайки хороню заметно красное пятнышко.

4. Сохондинский.

5. Белый и чёрный.

6. Омуль

7. Омуль и хариус — весьма проворные рыбы, и нерпе нелегко угнаться за ними. Бычки же менее быстроходны, потому и служат основой её питания.

8. Она накапливает много жира, чтобы не замёрзнуть в холодной Байкальской воде.

9. Нерпа может пробыть под водой 20-25 минут. Но время от времени

ей необходимо вдохнуть воздух. Для этого она при помощи когтей разгребает снизу лёд и делает продухи. Диаметр основного продуха 40-50 см., вспомогательных 10-15 см.

10. Медведь

11. Когти необходимы медведю как инструмент. С их помощью он выкапывает свою берлогу, добывает корешки, разоряет гнёзда бурундуков, полевок, ос и шмелей, роется в

муравейнике, оставляет метки — задиры на стволах деревьев. Они могут послужить косолапому и грозным оружием. Медведи иногда «спорят» друг с другом из-за самки во время гона, из-за добычи или из-за территории.

НАШ РОДНОЙ СИБИРСКИЙ ЛЕС ПОЛОН СКАЗОК И ЧУДЕС

Сценарий путешествия по природе родного края для детей 5-7 лет

Действующие лица: Ведущий, Сибирячок, три Чтеца, Ель, Кедр, Сосна.

Ведущий: Ребята, я знаю, что вы все любите путешествовать, узнавать что-то новое и интересное. Вот и сейчас мы с вами совершим путешествие в наш родной сибирский лес. А помогут нам в этом Ель, Кедр и Сосна.

Ребенок:

Когда тыходишь в лес, душистый и
прохладный,
Средь пятен солнечных и строгой тишины,
Встречает грудь твоя так радостно и жадно
Дыханье влажных трав и аромат сосны.

Ребенок:

Нога твоя скользит по россыпи иголок
Или шуршит травой, роняя капли рос,
А сумрачный навес широколапых елок
Сплелся с листвой ольхи и молодых берез.

Ребенок:

То духотой пахнёт, то прошлогодней прелью,
То запахом грибным у срубленного пня,
Зальется иволга короткой четкой трелью,
И ветер прошумит в сухой истоме дня.

Ребенок:

Ты испокон веков сдружился с человеком,
Берет он для себя от «щедрости» твоей
Грибы и ягоды по солнечным просекам,
И пищу, и жильё, и мачты кораблей.

Ребенок:

Здесь в зарослях лесных, где все для сердца мило,
Где чистым воздухом так сладостно дышать,
Есть в травах и цветах целительная сила
Для всех, умеющих их тайну разгадать.

(Вс. Рождественский)

Ведущий: Идемте же в лес, ребята, разгадывать тайны природы. *(На экран проецируются слайды с картинками хвойного леса. Звучит аудиозапись с пением птиц.)*

Ведущий: Ребята, посмотрите, какие деревья растут в нашем лесу: ель, сосна, кедр. Эти деревья не просто красивы. Они очищают воздух и дают кров и корм птицам, белкам, насекомым и множеству другой живности. Сейчас все больше людей понимает, что хвойные деревья необходимо беречь. Но для этого мало просто любить растения. Нужно знать, как и где живут различные деревья, чем отличаются одни породы от других, где их родина и многое другое. Давайте послушаем, что деревья рассказывают о себе.

(Выходит девочка в зеленом платье, на голове - венок или корона, украшенная еловыми веточками и шишками.)

Ель: Я – Ель, а мама называет меня Ёлочкой. Каждый Новый год мои братья и сестры украшают ваши дома и приносят малышам радость. У меня одиночные острые иглы и висячие шишки. Мой дом называют ельником, и в нем всегда много зверей: им хорошо здесь скрываться от врагов, ведь еловый лес очень густой и темный. И птицы любят мой дом, где их привлекают шишки с орехами. Вот, например, клёст-меловик. Вытаскивает из шишек семена, а шишка скользкая. Вывернется и падает вниз, клест хватает другую. Выскользнет и эта, он принимается за следующую... Упавшие шишки лежат под снегом до весны. Всю зиму и лето они мокнут, а потом заквашиваются так же, как кислая капуста. Их охотно едят белки.

(Ель уходит, приходит Сосна – девочка в зеленом платье и короне, украшенной сосновыми ветками и шишками.)

Сосна: Я – Сосна. Меня в лесу сразу видно. У меня ствол как начищенный самовар – медно-красный, блестит на солнце. Мой дом называется сосновым бором. Он светлый и радостный. В нем приятно пахнет смолой. В бору много ягод. Осенью все красно от брусники. А сколько грибов: волнушек, белых, рыжиков.

Мне не страшны ни морозы, ни жара, ни засуха, ни ветры. Одного я только боюсь – темноты. Мне нужно много света и солнца. Говорят, что в сосновом бору легче дышится. Это потому, что я могу очищать воздух от вредных бактерий. За это меня называют деревом здоровья. *(Уходит.)*

(Выходит мальчик, рубашка которого украшена кедровыми веточками. На шапочке прикреплены кедровые шишки.)

Кедр: Я – Сибирский кедр. Это про меня писал Дмитрий Мамин-Сибиряк: «Он стоит на берегу, точно боярин в дорогой зеленой бархатной шубе». «Шуба» у меня действительно длиннее, чем у ели и сосны. Моя крона начинается чуть ли не у

земли и поднимается вверх метров на сорок – такова моя высота. Мое главное богатство – кедровые орешки. Люди называют их золотыми за их целебные и питательные свойства. Целебна и моя смола – живица – верное средство, спасающее при ранениях и ожогах. За все это сибиряки прозвали меня кормильцем и врачомателем.

А вот моих дальних родственников вы тоже должны знать: кроме сосны и ели, о которых вы уже сегодня слышали, в наших краях растет **лиственница**, высокое стройное дерево с редкими ветками и мягкой хвоей. Это очень смелое растение, которое не боится вечной мерзлоты, и растет там, где не встретишь никакое другое растение. **Пихта** очень похожа на ель, но вблизи отличить их нетрудно. У ели хвоя колючая, у пихты – мягкая. А самое главное отличие – у них разная кора. У ели вся в трещинах, а у пихты ствол гладкий. Зимой снег прижимает нижние ветки пихты к земле. Они дают корешки, и вырастают новые ветки, которые тоже дают корешки, все дальше и дальше. Получается живой ковер, мягкий, как бархат.

(Во время рассказа Кедр на экране демонстрируются изображения названных деревьев.)

(Входит Сибирячок.)

Сибирячок: Здравствуйте, ребяташки! Рад встрече с вами. Знакомая сорока мне о вас рассказала, что вы по лесу гуляете, с деревьями и травами разговариваете.

Ведущий: Мы не просто идем по лесу, Сибирячок. Мы учимся понимать язык леса.

Сибирячок: Кто с лесом дружит, тот и мой друг. Лес – это не просто деревья, цветы и звери, а волшебный мир чудес и загадок, который мы все должны любить и беречь.

Ведущий: До свидания, Сибирячок!

Ведущий: А теперь я предлагаю вам игру

Наша игра посвящена природе и растениям нашего чудо-озера Байкал.

Байкал – самый удивительный уголок Сибири, где можно найти невиданные миру травы, встретить растения из Южного Приморья, Камчатки и даже Северной Америки!

Растет на берегах Байкала растение, которое называют диким розмарином.

Роз – значит *роза*, *марин* – *море*. Розмарин – морская роза. Так называют душистый кустарник с берегов Средиземного моря. Его узкие, завернутые по краям листья использовались для получения масла, с помощью которого был приготовлен первый одеколон.

Итак, **вопрос первый.**

Какой сибирский кустарник называют диким розмарином:

а) родиолу розовую;

б) багульник *(правильный ответ)*;

в) курильский чай.

Иногда в наших домах появляются нежелательные жильцы – это бабочки и гусеницы моли, которые портят домашние вещи: меха, шерстяные изделия, обивку мебели. Какие только меры предосторожности люди не предпринимают, чтобы избавиться от неприятных жильцов! Нафталином вещи и меха пересыпают, антимошь используют, чтобы моль шубу или свитер не съела. Но, оказывается, маленький букетик багульника может спасти домашние вещи от моли, потому что моль не выносит запаха багульника. К тому же наш дикий розмарин в своих листьях и цветах содержит вещества, которые служат лекарством от гриппа. Но, к сожалению, в наших лесах багульника становится все меньше и меньше. Недаром рододендрон - даурский багульник - занесен в Красную книгу. Давайте же, ребята, бережно относиться к этому красивому, полезному и теперь уже редкому растению!

Вопрос второй. Растут у нас в Сибири и на Байкале груши, которые называются подземными. Подземные груши – корни (клубни) растения. Родина этих груш - Северная Америка. Подземные груши можно варить. По вкусу они напоминают картофель, только чуть сладкий, как бы подмороженный. Едят их с большим удовольствием. Итак, какое растение называют подземной грушей:

- 1) пион;
- 2) топинамбур (*правильный ответ*);
- 3) зопник клубненосный.

Топинамбур издревле разводили североамериканские индейцы. Это растение высокое - от 1,5 до 4 метров.

Топинамбур – близкий родственник подсолнечника. Его научное название подсолнечник клубневой.

Вопрос третий. Растет на Байкале дерево, которое называют золотым. Оно совсем невысокое и, может быть, правильнее было бы назвать его кустарником. Высота не более метра, а толщина стволика едва превышает толстый карандаш. Стволик так сверкает на солнце, что кажется отлитым из золота самой высокой и дорогой пробы. Такой красоты нигде нет - ни в Африке, ни в Америке! Итак, что это за дерево:

- а) робиния (*правильный ответ*);
- б) белая акация;
- в) мимоза.

Робинию называют «золотой акацией», растет она, кроме Байкала, только в Южной Англии. Листья у нее желтовато-зеленые. В холодную погоду овальные листочки наполовину сворачиваются.

Вопрос четвертый. «Женьшень» переводится на русский язык как «все исцеляющий». Его называют корнем жизни. Растет он на Дальнем Востоке, в Уссурийской тайге. А какое растение, растущее на Байкале, называют заменителем

женьшеня или сибирским женьшенем:
а) маралий корень (*правильный ответ*);
б) золотой корень;
в) грибной корень.

Растет высоко в горах, выше границы леса. Его едят маралы (олени), и от этого в их рогах (пантах) образуются тонизирующие вещества, заставляющие организм лучше работать. Из пантов делают лекарство – пантокрин.

Ну вот и закончилось, ребята, наше путешествие в родной сибирский лес. Помните, ребята, то, о чем мы сегодня с вами говорили, любите природу, читайте о ней книги!

Рекомендуемая литература

Смирнов А.В. В джунглях Хамар-Дабана. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. – 94 с.: ил.

Смирнов А.В. Зачем елке иголки? – М.: Малыш, 1986. – [25]с.: ил. – (Почемучкины книжки).

Смирнов А.В. Лес. – М.: Дет. лит., 1969. – 126 с.: ил.

Смирнов А.В. Морской змей и маленькая хлорелла. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1972. – 142 с.: ил.

Смирнов А.В. Охотники за грибами. – Иркутск. - Кн. изд-во, 1961. - 100 с.: ил.

Смирнов А.В. Родиола – золотой корень. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1974. – 106 с.: ил.

Смирнов А.В. Тайны сибирских лесов. – М.: Дет. мир, 1959. - 96 с.: ил.

Смирнов А.В. Упрямые башмачки. – М.: Дет. лит., 1979. – 158 с.: ил.

Смирнов А.В., Смирнова М.В. Дары земного океана. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 111 с.: ил.

Сценарий литературного театрализованного праздника для детей

5-7 лет

(Составлен с использованием материалов детской библиотеки им. Молчанова-Сибирского)

Действующие лица: Ведущая- Сказительница, куклы: Ангара, Сибирячок, Чайка- Необычайка, богатырь Гамбо, леший Кеша.

Сказочный мир - огромный и бесконечный, и живет он по своим волшебным законам, которые придумывают особенные люди – сказочники.

Сибирь, где мы с вами живем, называют сказочным краем, поэтому, наверное, у нас так много писателей-сказочников.

А сегодня нам предстоит открыть волшебную планету, имя которой Василий Стародумов.

(Звонит колокольчик.)

Ведущая: Вы слышите, звонит колокольчик? Он приглашает нас в путешествие. Сказка уже ждет нас и зовет за собой.

(Появляется Сказительница.)

Сказительница: Жил на свете богатырь, самый славный и могучий, и звали его седой Байкал, грозный великан. А славился он еще и несметными бесценными богатствами, которые стекались к нему со всех сторон от покоренных им и обложенных данью окрестных богатырей.

Неизвестно, куда бы девал с годами всю добычу Байкал и сколько бы он ее накопил, если бы не его единственная дочь синеокая Ангара (*берет в руки куклу Ангара*), капризная и своевольная красавица. Очень огорчала она отца своей щедростью. О, как легко и свободно вмиг расходовала она то, что собирал ее отец годами!

(Сказительница отдает куклу за ширму.)

Сказительница (*обращается к Ангаре*): На ветер бросаешь добро, зачем?

Ангара: Ничего, кому-нибудь да пригодится. Люблю, чтоб все в ходу было, не залеживалось и попадало в хорошие руки.

Сказительница: Сердце у тебя доброе, Ангара.

Ангара: Очень мне скучно в золотом дворце у бабушки. А я так хочу быть счастливой и дарить счастье другим!

Сказительница: А бусы волшебные из голубой хрустальной шкатулки? Разве они не радуют тебя?

Ангара: Эти бусы я надену только тогда, когда встречу со своим любимым

богатырем Енисеем.

Сказительница: Так ведь, милая Ангара, жених-то у тебя богатырь Иркут.

Ангара: Это батюшка Байкал хотел меня выдать замуж за него. Да только вырвалась я на свободу. И не смогли меня удержать ни темница, ни крепкие засовы, ни охрана. Ждет меня богатырь Енисей. Тороплюсь я к нему. Прощайте! *(Уходит.)*

Сказительница: Вы, ребята, конечно, все узнали героиню сказки Василия Стародумова «**Ангарские бусы**». А как называется следующая сказка, героиня которой стремительно летит к вам?

(Звучит запись звуков моря, крика чаек и т.п. с аудиокассеты «Звуки природы».)

Появляется Чайка-Необычайка.

Сказительница: Да, ребята, конечно же, эта сказка называется «**Чайка-Необычайка**». Мы очень рады, Чайка, что ты прилетела к нам.

Чайка: Я не простая Чайка. Родилась я далеко отсюда, на берегу Северного Ледовитого океана.

Сказительница: А как же ты оказалась на берегу Байкала?

Чайка: Свирепый ураган, бушевавший три дня, занес меня в ваши края. Очень скучала я по своим родным местам.

Сказительница: Поэтому, наверное, ты и пела такие грустные песни, которые заставляли плакать каждого, кто их слышал.

Чайка: Это не я пела, это моя грусть-тоска по милому Северу пела людям о северном сиянии, о полярном снегопаде, о могучем прибое, о грозных ледяных горах.

Сказительница: Откуда было знать обо всем этом старому рыбаку Шопо, который выстрелил в тебя?

Чайка: Пожалел он меня и отнес к целебному байкальскому ключу. Вода в нем оказалась живой: затянулась глубокая рана - и я взлетела. А сейчас я лечу на Север, прощайте!

Сказительница: Прощай, гордая и сильная птица! Счастливого пути!

Ребята, если вы читали сказку «**Волшебные рога Огайло**», то вам, я думаю, запомнился герой сказки сильный, смелый и добрый богатырь Гамбо.

(Появляется Гамбо.)

Гамбо: Кто тут меня вспоминает? По делу аль без дела?

Сказительница: Расскажи ребятам, Гамбо, для чего ты, рискуя жизнью, охотился за степным бараном Огаило, волшебные рога которого были способны даровать человеку здоровье и богатырскую силу. Ведь ты и так самый сильный и могучий богатырь в Подлеморье! Ты хотел стать еще сильнее и могущественнее?

Гамбо: Совсем нет! У меня есть брат, которого я очень люблю. Но вот уже много лет он лежит без движения и никто не может вылечить его неведомую болезнь. И только волшебные рога Огаило могут вернуть моему брату здоровье и силу.

Сказительница: И ты, Гамбо, добыл их, несмотря на то что хозяйка баргузинской тайги Хэтен всячески препятствовала этому: то напустила холодный ветер, который валил с ног, то погрузила тебя на дно Байкала, и если бы не голомянки и нерпы, то не пришлось бы тебе увидеться с братом, а Вечерняя Туча и Утренний Туман грозились задушить тебя, если сделаешь хоть один шаг.

Гамбо: Прекрасная Хэтен не могла допустить, чтобы волшебные рога Огаило попали в руки злого и жестокого человека.

Сказительница: А когда она поняла, что этот смелый и упрямый охотник старается не для себя, а для своего больного брата, хозяйка баргузинской тайги сама подарила Гамбо волшебные рога.

Гамбо: И мой брат не только поправился, но и стал настоящим богатырем, крепким и сильным. Хорошо мне с вами, да пора в путь-дорогу отправляться.

Сказительница: Подожди еще немного, Гамбо. Куда это ты торопишься?

Гамбо: На свою свадьбу.

Сказительница: А кто твоя невеста?

Гамбо: Прекрасная Хэтен – хозяйка баргузинской тайги. Лучше нее нет девушки на белом свете! Прощайте. *(Уходит.)*

Сказительница: Вот какие герои живут в сказках Василия Стародумова: сильные, смелые, умеющие любить и побеждать.

Ведущая: Силу молодецкую, удаль богатырскую и красоту ненаглядную дарил героям сказок седой и могучий Байкал, ведь действие всех сказок Василия Стародумова разворачивается на берегу священного озера. И все свои сказки автор называет байкальскими.

(Входит Сибирячок.)

Сибирячок: Здравствуйте, ребята! Рад встрече с вами. О чем у вас разговор-беседа?

Может, и мне на пользу будет послушать?

Ведущая: Сегодня к ребятам в гости приходили герои сказок Василия Стародумова.

Сибирячок: Так я же ведь все его сказки читал. Очень они мне нравятся. Особенно сказки про Байкал.

Сибирячок: А как называется сказка, которая начинается словами: «На Байкале, на море славном, загуляли нерпы недавно. Загуляли, запели хором так, что даже качнулись горы»? *(Дети отвечают: «Кот ученый и нерпа».)*

Ведущая: Да, много хороших сказок сочинил наш земляк писатель Василий Стародумов.

Ой, ребята, я совсем забыл, меня же Кеша ждет! Он загадок много знает, а я очень люблю разные загадки и головоломки отгадывать.

Ведущая: А давайте все вместе позовем его к нам, крикнем хором: «Леший Кеша».

Кеша: Это кто тут меня зовет-вспоминает, от дела отрывает?

Ведущая: Не сердись, Кеша, ведь мы с ребятами тоже делом занимаемся.

Кеша: Это каким-таким делом?

Сибирячок: Мы про друга твоего сказочника разговор ведем!

Кеша: Это про Стародумыча-то?

Ведущая: Да, Кеша, про него.

Кеша: Хороший человек был. Лес любил, зверей понимал, Байкал защищал. А какие стихи писал про природу нашу сибирскую!

Захлестнули в лесу ароматы.

Я по лесу брожу не спеша.

На пеньках приютились опята –

Загорелась восторгом душа.

Сибирячок: Дедушка Леший, ты ведь мне хотел лесные загадки загадать!

Кеша: Загадки у меня всегда наготове. Только не простые, а такие, которые только в лесу можно найти: на ветке, у пенька, в гнезде птичьем.

Ведущий: Кеша, это не те ли загадки, которые твой друг Стародумыч из леса принес, да в книжке своей поместил?

Кеша: Те самые!

Где-то в чаще дремучей,

Вроде сосен, вроде елок,

За оградой колючей,

А зимою без иголок.

У заветного местечка

Елка иль не елка?

Есть волшебная аптечка:

Зелена иголлка, а совсем не колка.

Там красные таблетки

(Лиственница)

Развешаны на ветке.

(Шиповник)

Есть корень кривой и рогатый,

Нет грибов дружной, чем эти, -

Целебную силой богатый.

Знают взрослые и дети.

И может, два века

На пеньках растут в лесу,

Он ждет человека

Как веснушки на носу.

В чащобе лесной

(Опята)

Под кедровой сосной.

(Женьшень)

Кто, друзья, зимой холодной

Угадайте, что за шапка:

Бродит по лесу злой и голодный?

Меха целая охапка.

(Волк)

Шапка бегаёт в бору,

Впрок маслят набрать стараюсь,

У стволов грызет кору.

Нанизать их на сучки.

(Заяц)

Словно сделать собираюсь

Я грибные шашлычки.

(Белка)

У каких лесных оленей
Хозяин лесной
Просыпается весной,
А зимой под вьюжный вой
Спит в избушке снеговой.

(Медведь)

Ни в сыпучие снега,
Ни в разгар поры весенней
Не растут совсем рога?

(Кабарга)

За деревьями, кустами
Промелькнуло быстро пламя.
Промелькнуло, пробежало.
Нет ни дыма, ни пожара.

(Лиса)

Белая птица
Над морем кружится.

(Чайка)

Эта птица никогда
Не строит себе гнезда.
Соседкам яйца оставляет
И о птенцах не вспоминает.

(Кукушка)

Я больным всем помогаю,
Их лечить не устаю:
Каждый год свои рога я
На лекарства отдаю.

(Марал)

Если даже буду хворым,
Мне не нужно докторов.
Съем лукошко мухоморов –
Снова стану я здоров.

(Лось)

С древних пор живу в Сибири,
Без нее я не могу.
Самым пышным мехом в мире
Я прославил всю тайгу.

(Соболь)

Чернокрылый, красногрудый,
И зимой найдет приют:
Не боится он простуды –
С первым снегом тут как тут!

(Снегирь)

Леший Кеша: Ай да ребята, ума палата! Все загадки отгадали. Ну, мы с

Сибирячком за новыми загадками в лес пойдём, а вам от нас такой наказ: не лениться, хорошо учиться, всему живому помогать, природу нашу защищать, друзей природы знать, их имен не забывать. Так-то!

Сибирячок: До новых встреч, ребята!

(Сибирячок и леший Кеша уходят.)

Конкурс знатоков байкальских сказок

Для детей 5-7 лет

(Составлен с использованием материалов детской библиотеки им. Молчанова-Сибирского)

Ведущая: Сейчас мы с вами, ребята, проведем конкурс знатоков байкальских сказок. Я знаю, что вы все готовились к сегодняшнему празднику. Я вижу на выставке рисунки, поделки, на сказки и стихи Василия Стародумова.

Сейчас мы попробуем обобщить полученные знания и выявить самых лучших знатоков сказок Стародумова о Байкале.

За каждый правильный ответ выдается жетон в виде рыбки. Конкурс состоит из двух туров:

1-й тур. Из какой это сказки?

2-й тур. Море вопросов.

1-й тур. Из какой это сказки?

1. «Шкатулку эту Ангара никогда и никому не показывала и ни перед кем не

открывала, а поэтому никто из дворцовой челяди не знал, что в ней хранится. Знал только один Байкал». (*Ангарские бусы*.)

2. «На мысе Кадильном, на самой вершине утеса, стоял над Славным морем могучий кедр, весь усыпанный шишками и созревшими орехами. От их тяжести низко сгибались ветки хвойного великана». (*«Бедовый орешек»*.)

3. «Вскоре чудовище приблизилось к ханскому прикрытию, и оно не выдержало, развалилось. Метнулся было перепуганный хан в сторону, но как-то невольно глянул на кобылью голову, и с ним случилось то же самое, что и с другим, кто попался на глаза чудовищу: он окаменел». (*«Кобылья голова»*.)

4. «Есть на Малом море Поготская губа. Рыбак Омелька издавна в губе этой сорожку да окунька со щукой добывал. Частенько доводилось ему и осетра вытаскивать. Удачливый был рыбак, дотошный, и ему всегда везло на путине, как никому другому». (*«Старый осетр и настырный Омелька»*.)

5. «У одного бедного рыбака-старинушки было три сына: Петрофан, Митрофан и Иван. За всю жизнь трудяга так и не нажил ничего, но и голодным никогда не был – Байкал и кормил и поил его. Известно: «У рыбака голы бока, да обед царский». (*«Хвойная невеста»*.)

6. «Собрались как-то в прибайкальской тайге сохатый, изюбр, кабарга, северный олень, козерог и белка-летяга и разговорились:

- Природа всегда к нам добра, но и мы должны иметь доброе, отзывчивое сердце, - сказал сохатый.

- Все живое держится на добре, - добавил изюбр». (*«Сердце Мангутайки»*.)

7. «Долговязая и сухая вдовушка Агафья, хозяйка избушки, стоявшей на самом берегу озера, на окраине небольшого рыбацкого селения, хорошо знала: если на крыле дома аисты совьют гнездо и поселятся в нем – в дом придет счастье». (*«Агафьино счастье»*.)

8. «Совсем нехитрым показался богатырям каприз невесты, только и делов – завладеть бочкой, выкинуть ее в Малое море, и гуди победу – станешь женихом». (*«Омулевая бочка»*.)

9. «Протяжные трубные звуки мамонтов сотрясали горы. Мамонты считались самыми большими и могучими среди всех зверей на земле, но по натуре своей они были скромными, миролюбивыми». (*«Скала хобот»*.)

10. Что увидел Гаранька? «Видит, нависла над морем огромная, будто из дыма сотканная, голова женщины, страшная и лохматая. Волосы пепельного цвета с проседью, щеки, что студень, так и трясутся, изо рта пар густой валит, а губы что мехи кузнецкого горна, так волны и вздувают, нагоняют друг на друга. (*«Сарма»*.)

2 тур. Море вопросов

Каждой команде предлагается по очереди ответить на 6 вопросов. Правильный ответ оценивается в 1 балл.

1. В чем заключалась сила Омудевоу бочки? (*«...Куда плывет она, туда и омули неисчислимыми косяками тянутся, будто в бочку ту сами просятя»; сказка «Омудевоу бочка».*)
2. Как теперь зовется озеро, которое осталось в память от Мангутайки? (*Озеро Сердце; сказка «Сердце Мангутайки».*)
3. Как наказан мамонт из сказки «Скала Хобот» за свою хвастливість? (*Он превратился в огромную скалу.*)
4. Почему Иван и Альяна из сказки «Хвойная невеста» были вечно молодые? (*В их жилах текла хвойная кровь, потому что они выпили чудодейственный напиток хозяина тайги.*)
5. Что погубило голомянку? (*Ее растопило солнце; сказка «Голомянка».*)
6. Почему седой Байкал помогает Хордею найти жену? (*Хордей подарил Байкалу все монеты, которые заработал; сказка «Жена Хордея».*)
7. Какое желание загадывает Сарма Култуку и Баргузину? (*«...Хочу иметь омудевоу бочку, чтобы и мое Малое море кишело рыбой»; сказка «Омудевоу бочка».*)
8. Ангарские бусы имели удивительную силу. Какую? (*«Стоило только извлечь их из шкатулки, как они загорались такими яркими огнями необычайной красоты, что перед ними меркло даже солнце»; сказка «Ангарские бусы».*)
9. Сколько и какие беды произошли с орешком из сказки «Бедовый орешек»? (*Сначала его проглотила кедровка, потом белка, потом бурндук, а когда орешек убежал от медведя, его придавило камнем; сказка «Бедовый орешек».*)
10. Как спас жителей острова от Кобыльей головы бедный пастух Олодой? (*Олодой снарядил повозку с душистым сеном, а сверху укрепил чучело. За этим сеном и чучелом Кобыльья голова пошла туда, где ее ждала гибель; сказка «Кобыльья голова».*)
11. Как была наказана Саар за свою зависть? (*Она превратилась в скалу; сказка «Завистливая Саар».*)
12. Как помогал Хан-губа-бабай вдове и ее племени? (*Он боролся с Гэген-бурханом и выиграл у него жребий; сказка «Хозяин Ольхона».*)

На страницах байкальских сказок Стародумова оживают далекие морские просторы и волны рассказывают прибрежным скалам легенды о священном озере. Снова и

снова предстает перед нами Байкал, могучий седой богатырь, грозный великан, владеющий несметными богатствами, покоряющими нас своей красотой. Байкальские сказки и легенды дарят радость и взрослым, и детям.

Использованная литература

Стародумов В.П. Ангарские бусы : байкальские сказки. - Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991.

Стародумов В.П. Омудевая бочка : байкальские сказки. - Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979.

